ПИОНЕР 5 1988

ISSN 0130—8009

70 РКСМ ВЛКСМ

Афанасий ШИЛИН:
«Вызываю огонь на себя!»

* «Кораблик» * Журнал в журнале * Печатает только тебя *

Кораблик

Когда на реках лед потемнел, потрескался и заскользил вниз по течению большими корявыми глыбами, а между ними проступила голубыми островками чистая вода, в кают-компании «Кораблика» начались жаркие споры. Откуда начать навигацию, куда направить путь? — вот о чем говорили Боцман и Юнга. Им не терпелось поднять паруса после долгой зимней стоянки в порту. Капитан хранил молчание. Не к лицу ему принимать участие в спорах — его слово окончательное, обсуждению не подлежит, и подчиняются ему беспрекословно. А потому следовало это слово хорошенько обдумать, прежде чем произносить, чтобы не корить потом себя за ошибку.

Немало времени прошло, пока Капитан вынул изо рта трубку, а из кармана кителя телеграмму. Трубку он тщательно загасил и спрятал, а телеграмму прочитал вслух: «Приглашаем на наш бережок посетить наш «Бережок».

— Для тех, кто не понял, поясню,— сказал Капитан.— «Бережок» — детское литературное объединение. Расположено на берегу реки Камы, в Татарии, в городе Набережные Челны. Приказываю: поднять паруса! Курс на Каму!

— Ура! — по привычке воскликнул Юнга и кинулся выполнять приказ.

С берегов Камы «Кораблик» вернулся с грузом стихов. Больше всего понравились Капитану и команде стихи восьмиклассницы из школы № 14 Оли ФИЛИСТОВОЙ, которые она сочиняла и когда училась в 6-м, в 7-м, и недавно.

* * *

В водовороте вечной суеты,
когда печаль покатится волною,
мне дороги минуты тишины,
как первые подснежники весною.

* * *

Сонная земля нежится в лучах,
тихие луга окутаны прохладой.
Вешняя земля! Майская земля!
И в душе — ликующая радость.

Яблони в цвету! Яблони в цвету —
самое большое чудо мая.
Как же мне воспеть эту красоту,
всю красу родного сердцу края?..

Мир тебе, Земля! Жизнь тебе, Земля,
подарю я вместе с новым садом,
чтобы ты жила, чтобы ты цвела,—
больше ничего мне и не надо.

Десятилетняя Оксана БЕЗРУК назвала свою картину «ЦИРК».

* * *

Свистнула птичка,
запел соловей.
Красное лето,
приди поскорей!

С солнцем приди
и с теплым дождем.
Лето-каникулы,
как мы вас ждем!

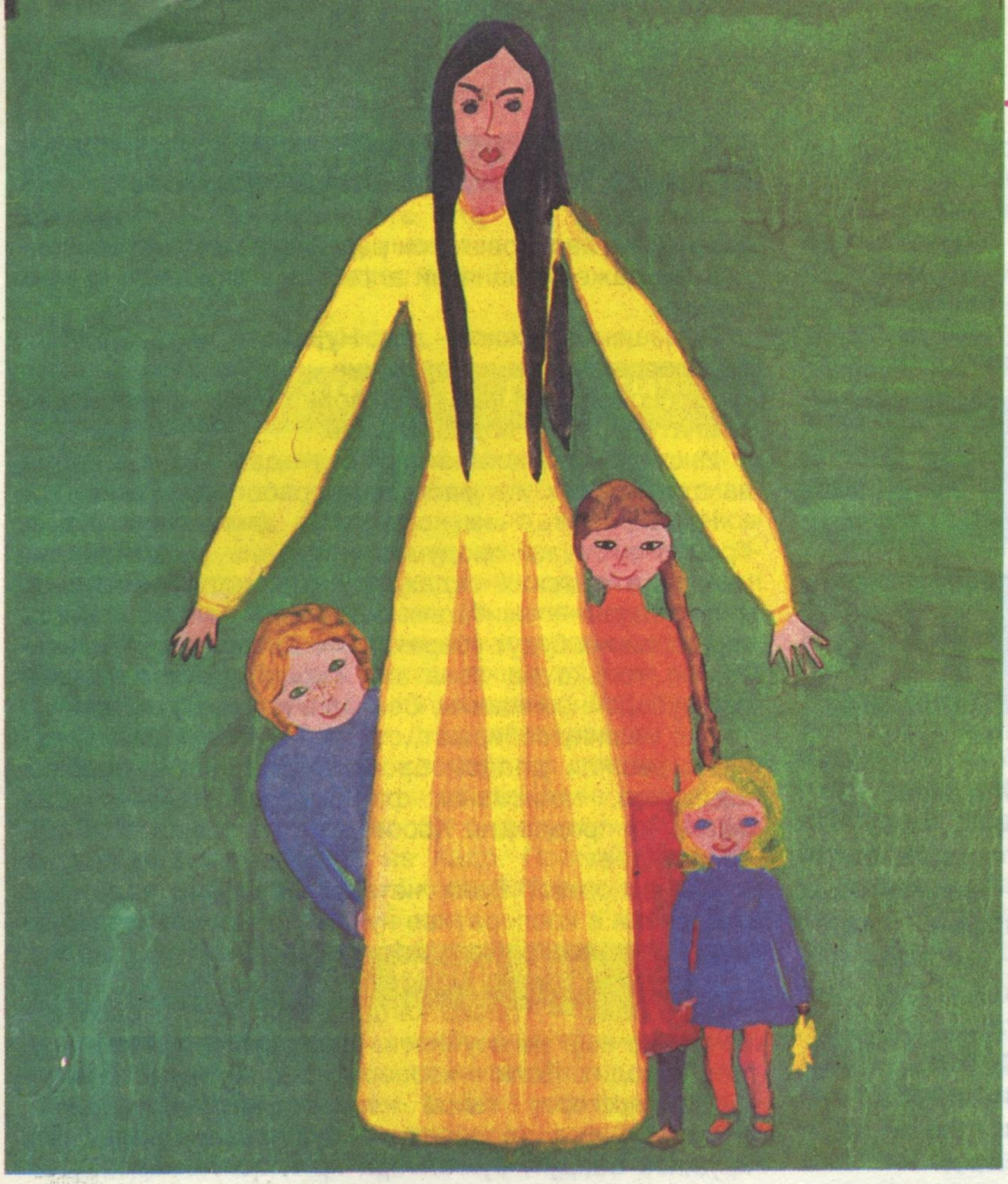
Письмо к «В»

Были дни, когда можно мне было
любоваться подолгу тобой,
а потом я с тобою простилась,—
улетела по небу домой...

Чтобы сердце свое успокоить,
чтобы слезы напрасно не лить,
на асфальте «Володя + Оля»
Я наивно пыталась чертить.

И весной, в ясном, солнечном мае,
когда вновь в моем сердце рассвет,
всех любовью своей озаряя,
я, художник, пишу твой портрет.

Как мне дороги эти мгновенья,
когда вновь я встречаю тебя.
Все тебе: и мое вдохновенье,
и рисунок, и эта весна.



«ПУСТЬ МИРНО ЖИВУТ ДЕТИ НА ВСЕЙ ПЛАНЕТЕ».
Рисунок Тани КАПАЛИНОЙ, 11 лет.

***Эльвира ХАЗИВАЛЕЕВА* заканчивает 8-й класс школы № 10.**

* * *

Не старей, Земля моя,
я тебя спасу.
Свои слезы не тая,
мир тебе несу.

И по дням, и по часам,
для меня ты — бог.
Теплым солнечным лучам
подставляешь бок.

***Сережа ХВАЛЬ* учится в школе № 12 в 5-м классе.**

Мой город

Живу я в городе родном.
Любимым я считаю дом,
свой переулок, детский сад,
и этому всему я рад.
Люблю я реку, поле, лес,
где бродит множество чудес.
Но не уверены мы в том,
что будет вечным новый дом,
и скажем мы тому, кто молод:
ребята, берегите город!

«ВСТРЕЧА». *Ира ГИВИАШВИЛИ, 9 лет.*

ПИОНЕР
Выходит с 15 марта 1924 г.
Ежемесячный детский журнал Центрального Комитета ВЛКСМ и Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина
МАЙ 5
Москва, 1988
● Издательство «Правда»

ХАМОВНИКИ

САМОЕ НАЧАЛО

Кооператоры, кооперативы... Каждый день мы о них говорим и читаем. С их продукцией сталкиваемся на каждом шагу. На улицах они продают пирожки, гораздо вкуснее магазинных, но и дороже магазинных тоже. Открылись кооперативные кафе и кооперативные мастерские — по ремонту квартир, машин, постройке домов и дач... На рынках кооператоры предлагают платья, куртки, брюки своего производства... И вот уже первые детские кооперативы начали работу. Об одном таком московском — «Хамовниках» — сегодня наш рассказ.

КАК СОЗДАТЬ КООПЕРАТИВ?

Правда, а что для этого нужно? И стали мы с Ваней Кошельковым, он ради встречи с корреспондентом даже от занятий алгеброй оторвался, прикидывать.

Помещение нужно — раз. Ну, оно-то есть. Подвал, где расположены мастерские и кружки районного Дома пионеров. И еще райисполком обещал соседние комнаты в этом подвале дать.

Инструменты, станки нужны — два. Первое время на станках тех же мастерских работать можно.

Надо решить, чем кооператив заниматься будет. Три. И это уже продумали. Мебель ребята будут чинить в детских садах, яслях, школах. Игрушки, велосипеды — жителям соседних домов. Часть микрорайона будут убирать, а то дворников не хватает, но только не лопатами скрести, а с помощью снегоуборочных машин. Сейчас в кружке уже первую такую машину собирают, с мотором от мопеда. Сувениры решили делать: брошки из глины и морских камешков, талисманы, фигурки забавные — и на рынке их продавать. Кооператив на рынке свой ларек откроет.

Да, вспомнил Ваня четвертый пункт, ведь еще работники в кооперативе нужны. Стать кооператорами смогут все ребята, кто сейчас в кружки ходит, кто хочет и умеет работать. И 12, и 14 лет, а 10-летние пока — только кандидатами. А кто работать хочет, но еще не научился, тот пусть сначала в кружок походит. Если в кооператив одни неумехи наберутся, прогорит такой кооператив. Ну, конечно, и взрослые в кооперативе будут — руководители кружков войдут, бухгалтера пригласить надо...

— Кран могу починить, гвозди в бетонную стену забить, режу дерево и металл, паяю. Приходите в «Хамовники»,— приглашает Ваня Кошельков,— поможем.

Фотографии М. ВЫЛЕГЖАНИНА.

— А материалы где брать, детали для ремонта, запчасти? — спрашиваю я. И пятый пункт в блокнот записываю.

Запчасти? — задумывается Ваня.— Может, какое-нибудь министерство даст?

— За так?

— Ну да, если попросить, может, так даст?

«ЗА ТАК» ИЛИ ЗА ДЕНЬГИ?

Тут в наш разговор Евгений Айзикович вмешался. Табах. Он руководитель будущего кооператива. И объяснил нам, что «за так» в кооперативном хозяйстве ничего появиться не может. И никто кооперативу материалы и запчасти не подарит. Вот они ссуду в банке возьмут, тысяч 10, например, и купят себе материалы. И помещение мастерских кооператив не просто займет, а как бы арендует, и за то, что и подвалом, и станками пользоваться будет, тоже деньги заплатит, тому же Дому пионеров.

Но все-таки, поскольку кооператив детский, а не взрослый, они не откажутся от тех денег, что государство выделяет на работу с детьми и которые возвращать государству не надо. Полной самоокупаемости, как во взрослых кооперативах, в «Хамовниках» не получится.

ЗАРПЛАТА НА РУКИ ИЛИ НЕТ?

«А сколько они зарабатывать будут?» — вот что, наверное, интересует нашего читателя.

Еще и не начав работать, ребята уже представляют, из чего будет складываться их заработок. Вот четвероклассник Вася Афонин мне говорит: «Сделаем мы переключатель, продадим, из полученной суммы вычтем деньги за детали, остальные — нам».

Да, примерно так. Из дохода, полученного от продажи товара, надо вычесть сумму за материалы и детали, деньги, чтобы заплатить за аренду помещения, деньги на новые станки и инструменты, деньги, чтобы вернуть долг банку, а уж что останется, то на руки кооператорам.

Или не на руки? Этот вопрос пока не решили. И ребята должны свое слово сказать, и совет бригадиров... Может, и не на руки деньги пойдут, а в общий котел: на экскурсии в другие города, на премирование наборами хороших инструментов... Народ-то в кооперативе мастеровой соберется, таким набор хороших инструментов в личное пользование — подарок лучше некуда.

— Вася, ты как бы хотел деньги получать, на руки?

Вася кивает. Он бы маме деньги отдал. У него сестренка маленькая, в семье с деньгами сейчас туго.

— Ваня, а ты?

А Ваня и так, и так согласен. И на руки хорошо, и экскурсия — неплохо.

А сколько заработать можно? Тут мы все на Евгения Айзиковича смотрим: что он скажет?

Евгений Айзикович прикидывает: «Вот сейчас старшеклассники из ближайшей школы раз в неделю в типографию ходят работать и за полгода по тридцатке получают. Ну, а если мы за год-другой работу наладим, наши ребята по столько и в месяц смогут зарабатывать».

Да, для городских пионеров это деньги немалые, они возможностью заработать не избалованы.

Вот как выглядят юные кооператоры и их руководитель Евгений Айзикович Табах.

ПОМОЩЬ И... ПЛАТА?

Как в любом новом деле, есть и здесь спорные вопросы. Например, если кооператив получил заказ от детского сада починить игрушки — тут все понятно. Кооператив детскому саду выполняет работу, детский сад переводит на счет кооператива деньги. А если девочка из вашего двора пришла, просит лапу плюшевому медведю пришить? Или пацан на своем велосипеде цепь порвал, с них что, тоже деньги брать?

И Евгений Айзикович, и Ваня Кошельков, и Вася Афонин считают, что в этом случае они денег брать не будут. А как же тогда долг в банке, как 10 тысяч вернуть да самим внакладе не остаться, если денег за работу не брать?

Размышляем дальше: но ведь свои талисманы и брошки они на рынке не раздавать собираются, а продавать? «Продавать»,— соглашаются будущие кооператоры. Продавать тем же пацанам и девчонкам и брать с них рубль или два? Цену-то рынок назначит, будет расходиться товар за три рубля, значит, цена ему трешка, будет расходиться только за рубль, значит, цена станет рубль. Почему же здесь покупателей не жалко? Вот если бы юные покупатели тоже могли вступить в какой-нибудь кооператив и заработать себе на карманные расходы, тогда бы кооператоры из «Хамовников» были бы с ними в положении на равных.

Да, сложная эта проблема: помощь, участие и — деньги. Даже и мы, взрослые, пока не знаем, как к ней относиться, ведь нас долго учили быть бессребрениками, пока эта неплохая в общем-то черта характера не обернулась полной бесхозяйственностью.

ВОЗДУШНЫЕ ЗАМКИ?

У кооператива, конечно, много больше возможностей, чем у кружка. Заработав, например, деньги на сувенирах, починке мебели и уборке улиц, их можно пустить на строительство теннисного корта. Или собрать те установки, что придумал Костя Беспрозванных, и продать их взрослым кафе, а деньги вложить в свое кафе, молодежно-детское. Костя — студент V курса Института связи и руководитель кружка светоживописи. Он столько всего напридумал! Взять хотя бы «ного-музыку». На одной стене — матрица лучей. На другой — фотоэлементы. Все к программатору подключено. Ты танцуешь посередине и, пересекая лучи, управляешь световой картиной на экране. По этому принципу можно и тренажер сделать для любителей брейка. За такой аттракцион немало найдется желающих заплатить пару гривенников. А эти деньги уже на мотоклуб пустить...

«А может, они маниловы?» — подумала я.

— Хрустальный мост через реку строить будете?

Евгений Айзикович смеется, он уверен, что их проекты рано или поздно сбудутся. А Ваня меня таким рассуждением озадачил: если, говорит, на уборочной машине надо двор подметать, то я хоть сейчас пойду, а если метлой мести — то пойду лишь под настроение. И никаких денег мне не надо, если работа неинтересная. Сказал так и алгебру пошел делать. Седьмой класс все-таки, задают много.

Вот тебе и раз. А как же материальная заинтересованность?

А ПОЧЕМУ «ХАМОВНИКИ»?

«А почему «Хамовники»? — спросишь ты.— Что за странное слово?»

Так район этот называется, жили тут до революции хамовники — ткачи, и было хамовническое полотно самое лучшее. Вот и взяли себе ребята имя в честь тех мастеров. А уж достойны они этого имени окажутся или нет, видно скоро будет. Евгений Айзикович предрекает, что самое бо́льшее через два года кооператив крепко станет на ноги.

Хотите, съездим в «Хамовники» через год и, как у них дела идут, расскажем? А то пока одни вопросы, одни сомнения, видите, даже все главки нашего материала начинаются с вопросительного знака.

А вы напишите нам, где еще детские кооперативы работают. Мы хотим собрать их адреса.

М. МАТВЕЕВА

Кооперативы — новое явление в нашей жизни. А зачем они нужны? Какую пользу принесут экономике? Об этом мы спросили кандидата экономических наук Давида Федоровича ШАВИШВИЛИ.

Кооперативы помогут нам решить несколько важных проблем. Одна из них — ассортимент товаров. Автомобили, станки, панели и блоки для домостроения можно выпускать громадными сериями. А игрушки, например, надо выпускать партиями маленькими и самых разных типов и видов. Крупным предприятиям маленькие партии не выгодны, а кооперативам — в самый раз. Поэтому, чем больше кооперативов появится у нас в стране, тем разнообразнее станет наша одежда, тем шире выбор мебели, посуды...

Другая важная задача кооперативов — пустить в дело отходы производства. Все развитые страны стремятся к безотходному производству. Ничто из сырья не должно пропадать: ни обрезки кожи, ни лоскуты ткани, ни стружки, ни опилки, ни ветки, ни бой стекла... Отходы должны идти в переработку, а не на помойку. В ГДР, например, 17 процентов всех продуктов, произведенных обществом, сделано из отходов. А мы лес теряем наполовину. Вот кооперативы и помогут нашей промышленности из отходов делать товары.

Есть еще одна сфера, где государственным предприятиям справиться труднее, чем маленьким кооперативам,— это сфера услуг. Не хватает мастерских по ремонту автомобилей и квартир, уютных кафе и курсов по обучению иностранным языкам... А почему бы не создать такие мастерские, кафе и курсы на кооперативных началах?

У нас в стране 56 миллионов пенсионеров. И многие — люди крепкие, вполне бы могли работать и хотят этого. А сколько студентов, старшеклассников да и пионеров могли бы своим трудом принести пользу государству и доход семье! Но в небольших городах, поселках иногда не могут найти работу и люди трудоспособного возраста, не то что пенсионеры. Так кооперативы решат еще одну проблему — привлекут к труду тех, кто еще не работает или уже не работает.

Пока у кооператоров высокие цены. Твоя мама, вполне вероятно, ужасается, что на рынке джинсы твоего размера стоят 90 рублей, а торт "Птичье молоко", который вы так любите,— одиннадцать. Но здесь вина не кооператоров, уж очень дорого государство продает им сырье, в несколько раз дороже, чем заводам и фабрикам. Вот примут закон о кооперативах (проект этого закона сейчас разрабатывает среди других организаций и наш Институт цен), и все станет на свои места — и кооперативов будет больше, и сырье они получат дешевое, и цены на товары снизятся.

Тимур ГАЙДАР

ГОЛИКОВ АРКАДИЙ ИЗ АРЗАМАСА

(ДОКУМЕНТЫ, ВОСПОМИНАНИЯ, РАЗМЫШЛЕНИЯ)

Окончание. Начало в №№ 3,4.

Рисунки М. ПЕТРОВА.

Растрепанную книжку «Маленькие джентльмены» знакомая девчонка одолжила мне на ночь.

...Уже перестали поблескивать на мосту огоньки поездов метрополитена. В комнату через распахнутое окно вливался теплый воздух, а вместе с ним тополиный пух и мерный грохот ткацких станков «Трехгорки». Привычный шум не нарушал ночного покоя, он был его частью.

— Э-гей! — долетело со двора.— Э-гей!

Под окном стоял отец. Закинув голову, улыбался. Приложил палец к губам: «Тихо!»

Я открыл дверь квартиры, и он, стараясь ступать неслышно, чтобы не проснулась мама, прошел в мою комнату.

— Иду, понимаешь... Ночь прекрасна. Вижу — окно светится... Ты что, зачитался? — Он взял книжку, удивленно хмыкнул, бросил ее на кровать.— Лучшего не нашел? Ну да ладно, разберешься... Хочешь, пойдем погуляем?

Ночью?! Еще бы!!! Через несколько минут мы шагали по Рочдельской улице. Отцовская рука лежала на моем плече. Миновав Краснопресненский парк, вышли к пристани. Лодки тихонечко позванивали цепями.

— Был я в клубе писателей,— сказал отец.— Хорошую песню услышал. Давай-ка присядем.

Сели на перевернутую лодку. Отец спрятал трубку, откашлялся, запел:

По военной дороге
Шел в борьбе и тревоге
Боевой восемнадцатый год...

Подошел сторож, молча сел на соседнюю лодку.

— Душевная песня,— сказал он, когда отец закончил.— Воевали, видно?

— Было дело. А вы?

— Тоже довелось.

Поговорили о врангелевском фронте, об антоновщине. Отец поднялся.

— Пойдем, Тимур. Не ровен час мама проснется. Достанется нам с тобой на орехи.

Мы подошли к дому.

— Папка,— сказал я, прежде чем попрощаться.— Мне очень понравилась песня. Только... Скажи, пожалуйста, зачем мы ходили так далеко?

— Чудак-человек. Разные на свете песни. Есть тихие, их можно петь даже шепотом... Эта песня — для простора. Ей нужен полный голос. Однако жильцы могли нас понять неправильно. В парке — другое дело!

Было это летом тридцать седьмого. Отец писал «не о войне, но о делах суровых и опасных не меньше, чем война» — повесть «Судьба барабанщика». Он тогда часто приходил к нам домой, а в январе тридцать восьмого во время зимних каникул мы втроем, папка, мама и я, поехали в деревню Голутвино, примерно за сотню километров от Москвы по Ленинградскому шоссе.

Ясный, морозный вечер. Небо вызвездило, огромная луна повисла над деревней, снег сверкает так, будто идешь по Млечному Пути. Идем, поем, и воздух, как ключевая вода, холодит горло.

Ты на стремя встанешь,
Поцелуешь сына,

У зеленой вербы обойму тебя...

Как отец работал?

Домик в деревне был маленький, вышагивать по нему трудно, накинув шинель, отец ходил по заледеневшему шоссе. Приближаться к нему в такое время не следовало. Но издали было видно, что сначала он хмурится, и пока хмурится, все вышагивает неторопливо, но вот складка над переносицей исчезла, лицо потеплело, появилась улыбка... Торопливо он возвращается в дом, садится за стол... Впрочем, случалось, что не выходил из дома подолгу, сидел часами, склонившись над рукописью.

Иногда, вечерами, читал законченную главу. Распрямился маленький барабанщик. Заживает пробитое вражеской пулей горло. Вернулся из заключения его отец.

«Вот мы и рядом. Я лежу. Лоб мой влажен. Я еще не знаю, счастлив я или нет. Пытливо смотрю на отца, хмурюсь, улыбаюсь. Но я еще ничему не верю.

И я ему говорю:

— Это ты?

— Да, я!

Голос его... Черная гимнастерка, галифе, сапоги. Да, это он!»

Читал Аркадий Гайдар хорошо. Это помнят многие. Не декламировал. Не старался подчеркнуть голосом удачное место. Шутка в тексте или вдруг вспыхнут пронизывающие душу слова... голос остается ровным и даже чуть-чуть отстраненным. Лишь едва заметно меняется его окраска.

Он вообще не любил декламации и не признавал профессиональных чтецов. Даже вспыхивали у него по этому поводу с Николаем Асеевым жаркие споры.

Но больше всего поражало слушателей, что Аркадий Гайдар свои повести и рассказы читал, как правило, на память, заглядывая в текст

лишь для того, чтобы поправить или вычеркнуть какое-то слово.

* * *

Дом творчества писателей в Ялте стоит над городом. Крутой, местами даже с каменными ступеньками, переулок спускается от дома к улицам, к набережной, они где-то далеко внизу, зато кажется, что море начинается прямо у окон. Весной, когда не подступила жара и уже расцвели цветы, воздух постепенно, как чай, настаивается, насыщается крымским ароматом.

Аркадий Гайдар приехал сюда в мае тридцать девятого года. Здесь уже жили, работали Константин Паустовский, Вениамин Каверин, Константин Тренев, Николай Вирта, Виктор Перцов, Иосиф Уткин...

Аркадий Гайдар в ту весну работал немного, больше отдыхал, но настроение у него тоже было ровное, спокойное. Многострадальная «Судьба барабанщика» все же пошла в печать. Случилось это после того, как редакторы увидели фамилию Гайдара в списке писателей, награжденных орденами.

Перед Ялтой он долго болел. Я навещал его в больнице в Сокольниках. Тогда отец откладывал «Историю древних германцев», и мы отправлялись бродить по заметенному снегом двору. Однажды в больнице сфотографировались. На обороте фотокарточки он написал:

Пройдет еще немного лет,
И буду я и стар и сед,
Тогда взгляну, как за меня
Тимур взапрыгнет на коня,
И конь, почуя сей «взапрыг»,
Ногами дрыгнет в тот же миг
И, завертевши хвост трубой,
Помчит Тимура в смертный бой...

Фотографию я послал маме в Казахстан, под Акмолинск, откуда раз в два месяца приходили от нее письма.

Постепенно снег в больничном дворе таял, проглянули красные зубчики кирпичей, которыми обрамлены дорожки, почернели, осели сугробы. Отец поправлялся, меньше хмурился, чаще шутил. Но песен мы тогда не пели.

Вскоре после больницы он и поехал в Ялту. За несколько месяцев до этого познакомился в Клину с Дорой Матвеевной Чернышевой, затем они поженились.

Наконец, впервые за долгое время у Аркадия Гайдара появился дом, наладился быт, он знал, что о нем заботятся, его ждут... В немногие последующие годы, которые отпустила ему судьба, это внимание, человеческое тепло оплатились сторицей — новым творческим подъемом, новыми книгами.

Привязался Аркадий Гайдар и к маленькой дочке Доры Матвеевны. С берега Черного моря к ней шли веселые письма:

«Уважаемая Евгения!

Море очень глубокое, и если поставить сто домов один на другой, то все равно потонут. В этом море водятся разные злые рыбы, веселые дельфины, блестящие медузы, а коровы в этом море не водятся, и кошки с собаками не водятся тоже...»

Такое же настроение — покой, веселье, порой даже озорство и притаившееся в глубине смутное беспокойство — угадывается в записях Аркадия Гайдара.

«Пятилетний Анатолий Федорович очень со мной дружит. Подарил ему звезду, свисток и пистонный револьвер. Он командует над собаками Цыганом, Цезиком и Машкой. В газетах временное затишье. Но тревожно на свете».

1940 год Аркадий Гайдар встречал со студентами и преподавателями Московского библиотечного института. Он размещался в Химках.

Подробностей не помню, только — смех, музыка, веселая суета взрослого, по моим тогдашним понятиям, народа, острое ощущение счастья, что мы с отцом опять вместе... Но один разговор запомнил.

Праздник уже пошел на убыль. Уже и посидели за столами, и танцевали, и пели, и читали стихи. Выбегали во двор смотреть, как светится небо над Москвой. Играли в снежки. Аркадий Гайдар вышел в одной гимнастерке. Отогревались в аудитории. Скоро должна была подойти машина.

— Скажите, Аркадий Петрович, как воспитывать у ребят ненависть к врагам? — спросил кто-то из преподавателей.— Дети и... ненависть. Ведь это не просто.

— Совсем не просто,— согласился Гайдар.— А зачем вам воспитывать ненависть? Воспитывайте любовь к родине. Пусть она будет большой, настоящей, искренней. И тогда, если кто-нибудь посягнет на родину, родится у человека великая и праведная ненависть. Такая вот, по-моему, диалектика...

Ненависть к врагам у Аркадия Гайдара была велика, потому что любовь к людям, к жизни, к Советской стране переполняла его сердце, прорываясь порой, как в письме к Борису Ивантеру, почти мальчишеским ликованием: «Да здравствуют всякие земли, народы, планеты, звезды, реки и вся наша интересная судьба!»

Но к тому времени, когда мы так весело встречали новый год, в его дневниках и письмах все отчетливее звучала иная нота.

«Тревожно на свете, и добром дело, видать, не кончится».

«Сплю плохо. Тревожные варианты старых снов».

«Рувим! На земле война. Огонь слепит глаза, дым лезет в горло, и хладный червь точит на людей зубы».

«Нервы в руки. Не распускаться. Смеяться. Работать».

«Сегодня начал Дункан повесть. Война гремит на земле. Нет больше Норвегии, Голландии, Дании, Люксембурга, Бельгии. Германцы наступают на Париж. Италия на днях вступила в войну».

Дункан — так поначалу назвал он главного героя повести «Тимур и его команда». Почему месяц спустя переменил имя, сказать не могу. Но уж твердо знаю, что вовсе не из-за того, что у сына писателя была такая команда.

Вспоминая предвоенные годы, вижу себя обыкновенным мальчишкой. Гонял в футбол, в меру озорничал, хотел поступить в военно-морскую спецшколу, но конкурс был огромный, а математика у меня прихрамывала...

Мне и тогда казалось, что дать такое имя герою книги было со стороны отца даже немного не по-товарищески. Неужели не подумал, какую ношу взваливает на плечи сына? Впрочем, может быть, он и хотел этого?

Тимур Гараев — образ собирательный. Это советский мальчуган в его развитии. В нем соединились черты героев предыдущих гайдаровских книг.

Но к такой, думаю, бесспорной мысли можно добавить еще одно соображение.

«После выступления обступили меня какие-то тетеньки,— рассказал однажды отец.— «Ах, как чудесно вы знаете советских детей!.. Вы, должно быть, много изучаете их!» А где я их изучаю? Я беру ребенка вообще. И наделяю его теми качествами, какие считаю необходимыми. Получаются Тимур и другие».

Нет, товарищи! Не так уж все просто. Каждый писатель, конечно, волен составить список неких «добродетелей» и щедро наделить ими героя своей

Аркадий Гайдар в «Артеке». 1940 год.

книжки. Однако, чтобы такой герой ожил, полюбился читателю, более того, шагнул со страниц в жизнь, необходимо еще кое-что, и очень важное.

Когда повесть вышла в свет, на квартире кинорежиссера Льва Кулешова собрались его приятели. Хозяин предложил: «Пусть каждый из нас возьмет листок бумаги и напишет, что больше всего любит в жизни. Только честно!»

Честно так честно. Аркадий Гайдар написал:

«Путешествовать вдвоем.

Чтобы считали командиром.

Быстро передвигаться.

Острить с людьми без вреда для них.

Тайную любовь к женщине (свою, чтобы объект не знал).

Не люблю быть один (не-одиночество)».

Вспомним повесть. Дружную команду. Заседания штаба. Приказы Тимура. Его отношение к Жене. Рев мотоцикла, мчащегося по ночному шоссе... Почти на каждую строчку этого списка повесть откликается своим эхом, прямым или отраженным.

Вот и получается, что не так уж свободен писатель в наделении героя «теми качествами, какие считает необходимыми». Вернее, он может это делать, но плоть и кровь они обретут лишь в том случае, если эти качества самому писателю присущи.

Тимур Гараев — конечно, прежде всего сам Аркадий Гайдар.

На обсуждении повести во Дворце пионеров в Москве Аркадий Гайдар сказал ребятам:

«Я никогда в детстве святым не был, за мной бед было не меньше, чем за другими. Но когда меня ловили, я знал, что я хулиганил. Я не пытался возражать: «В чем дело? Я только рвал яблоки?»

И еще:

«У Тимура одна идея — Красная Армия, и с этой идеей он ведет за собой других, и потому побеждает он, а не Квакин, так как воровать яблоки — это не идея и этим завлечь нельзя».

Вот и определились качества: честность, смелость, командирские навыки, любовь к Красной Армии...

Люди моего поколения, те, кому накануне Великой Отечественной войны было по двенадцать — четырнадцать лет, помнят, как велика и всепоглощающа была эта любовь, какими восторженными глазами провожали мы каждого красноармейца или командира, когда он проходил по улице, как мчались стремглав, чтобы выполнить любую просьбу, любое поручение.

В годы войны Илья Эренбург в одной из статей в «Правде» назвал Аркадия Гайдара «богатырем с душой ребенка». Конечно, не об инфантильности, не о наивности шла речь. Он хотел сказать об открытости его души, оптимистичности, дружелюбии, доверчивости. Любовь к игре, понимание ее законов Аркадий Гайдар, несмотря на трудность своих путей, пронес через всю жизнь.

Очень любопытен в этом смысле его рассказ «Четыре рапорта». Он написан еще в Перми, известен немногим, почти не переиздавался. Может быть, потому, что вопреки обычному мальчишки в этом рассказе играют не на стороне красных, а за белых.

Приведу его в сокращенном виде.

«— Адъютант!

Адъютант вздохнул, вырвал лист бумаги из тетрадки «по трем косым» и засопел, склонившись над столом. Командующий ходил по комнате и, тщательно нагоняя морщины на свое мальчишеское лицо, диктовал коротко и отрывисто.

В тот же вечер три «агента» внешнего наблюдения получили по пакету. Вскрыли. Распечатали. Там было:

«По полученным мною сведениям, проживающий на даче Тальберг — он же коммунист Тяглов, возмутил дачное население незаконными требованиями со своих хозяев (мирных жителей) угля для самовара, керосину для ламп и прочего провианта.

Так как белоармейские части временно отступили, то охрана порядка и законности ложится исключительно на меня, а посему приказываю вам не позднее завтрашнего вечера отомстить ему способом, которым вы признаете за наилучший».

В десять часов утра командующий проснулся и, выбежав на веранду, спросил коротко:

— Адъютант, рапорты?

— Есть!

— Доношу, что согласно полученному предписанию я вскрыл при помощи гвоздя окошко, проник в комнату указанного комиссара Тяглова и принялся протягивать бечевки от дверцы печки до ножки кровати, с тем, чтобы по приходе спотыкнувшийся Тяглов прекратил свое гнусное существование.

На веранде раздался шорох, и я вынужден был забраться под кровать. По свойственной всем комиссарам хитрости, он не вошел через дверь, а предпочел тоже проникнуть через окно. После чего подошел к кровати, и на меня полилась какая-то жидкость.

В настоящее время чувствую себя скверно из-за облития меня и костюма, вследствие чего от матери крайние неприятности.

— Доношу, что я сделал засаду в палисаднике, имея в руках две бомбы из несвежих яиц. Заметил мелькнувшую тень со стороны веранды, в которую мною и были бомбы запущены. Уже хотел уходить, как заметил вторую тень, пробирающуюся оттуда же. Из чего я заключил, что по ночам на квартире Тяглова происходят какие-то тайные совещания.

— Доношу, что, пробравшись вечером к квартире Тяглова, я обнаружил распахнутое окно, которое и оказалось злостной приманкой. Пробрав-

шись в комнату, я из жестянки начал поливать его роскошное одеяло керосином. Окончив, хотел вернуться обратно, но, споткнувшись о проволочные заграждения, опутывающие его комнату, грохнулся на пол. Выбегая через садик, неожиданно получил в голову две контузии несвежими яйцами...

— Идиоты! — взбешенно крикнул командующий. Потом сказал, успокоившись:

— А все-таки квартира разгромлена.

— Рапорт! — сказал адъютант.— Новый, только что принесли.

— Доношу, что в нашей квартире полный разгром. Распахнуто окошко, разбита ваза, протянуты какие-то веревки и залито керосином шелковое одеяло, принадлежащее моей тетушке Серафиме Матвеевне Тальберг. Очевидно, ночью сделали налет красные.

Квартира та самая, из которой позавчера утром, к нашей великой радости, уехал комиссар Тяглов».

Почти пятнадцать лет лежат между коротеньким рассказом и повестью «Тимур и его команда». Обстоятельства другие, и цели у мальчишек разные. А улыбка Аркадия Гайдара та же самая, его особенная улыбка, в которой и понимание, и доброта, и некоторая, еле заметная, отстраненность своей мудрости, своей позиции.

Повесть и кинофильм имели большой успех. Однако фильмом Аркадий Гайдар был не слишком доволен. Тимур получился, по его мнению, слишком «чистеньким», «прилизанным» и чуть... скучноватым. Зато порадовала его в фильме Женя, живая девчонка, с огоньком и настоящим внутренним чувством собственного достоинства. Имелись у писателя претензии и к самому себе.

Впрочем, дело было уже не в деталях. Рядом с Тимуром Гараевым стояли Борис Гориков из «Школы», Владик Дашевский и Алька из «Военной тайны», Сергей Щербачев из «Судьбы барабанщика» и даже маленькая Светлана из «Голубой чашки», и забавные малыши Чук и Гек... Все они стояли плечом к плечу с Тимуром Гараевым, помогая ему шагнуть со страниц повести навстречу тому суровому времени, которому он был так нужен.

В июне сорок первого в крымском поселке Коктебель было малолюдно. Не звенели голоса в пионерском лагере Литфонда, да и те дома, в которых обычно отдыхали и работали писатели, стояли заколоченные. Предполагался ремонт.

Действующей осталась лишь та часть Дома творчества, которую называли «Ленинградская».

Мне было четырнадцать лет, но все же со «взрослой путевкой» я поехал в Коктебель. Жили мы в комнате вдвоем с польским писателем Важеком, в одноэтажном длинном деревянном доме. Вдоль всех комнат тянулась крытая веранда, она напоминала палубу пассажирского теплохода, и поэтому домик именовали «Корабль».

Здесь мы снова встретились с Всеволодом Багрицким.

В память с того июня запали строчки Всеволода:

Ничего не приключилось,
Только пробили часы.
В небе те же Водолеи,
Козероги и Весы...

Странно, ничего особенного в этих строчках нет, но они прошли со мной через жизнь, побывали в морях, океанах. По прошествии десятилетий я даже забыл, кто автор. Потом, когда в шестьдесят четвертом году вышла единственная тоненькая книжечка Всеволода Багрицкого, увидел их, и защемило сердце...

Жарким крымским днем мы играли в волейбол. Всеволод был на подаче. Кто-то бежал к волейбольной площадке от столовой, крича и размахивая руками. Всеволод послал мяч над сеткой, но принимать его крученую подачу уже никто не стал. Мяч подпрыгнул и откатился в сухую траву...

Война!

* * *

На второй день войны Аркадий Гайдар получил задание написать киносценарий «Клятва Тимура». Срок — пятнадцать дней.

Никогда, даже в Перми, он не работал так быстро. Страница за страницей шел чистый текст, и режиссер Лев Кулешов сразу же набрасывал режиссерский план фильма.

«— Я клянусь тебе своей честью, честью старого седого командира, что тогда, когда ты была еще совсем крошкой, этого врага мы уже знали, к смертному бою с ним готовились. Дали слово победить. И теперь свое слово мы выполним»,— говорит в сценарии полковник Александров дочери, отправляясь на фронт.

Аркадию Гайдару тридцать семь лет. В светлых легких волосах даже не угадывалась седина. Но за каждым словом полковника Александрова, придавая им убедительность, стоят жизнь, опыт, думы, тревоги Аркадия Гайдара. Он знал, что война предстоит долгая и кровавая. И чувствовал личную ответственность за то, чтобы молодежь была готова к грядущим испытаниям.

Выступая в конце января сорок первого года на совещании в ЦК ВЛКСМ, он сказал:

«Писатель должен объяснять ребятам некоторые слова: «честь», «знамя», «смелость», «правда». За это тот командир, который будет ребят принимать из школы в армию, останется писателю благодарен».

Для самого Аркадия Гайдара это была не только программа работы, но в какой-то степени ее итог.

* * *

Приехал я в Москву в последних числах июня. Позвонил в Болшево, в Дом творчества кинематографистов. Попросил у отца разрешения приехать. «Нет,— ответил он.— Работа очень срочная. Закончу, увидимся». Почувствовав мое огорчение, сказал: «Ты должен понимать».

Понимал я тогда, к сожалению, меньше, чем нужно. Мы рыли щели во дворе нашего дома на Рочдельской и в соседних дворах, помогали налаживать светомаскировку, слушали сводки, с нетерпением ожидая, когда в них появятся названия немецких городов, и все воспринималось, как интересное, увлекательное приключение.

Вместо пятнадцати дней, как просил Комитет по делам кинематографии, Аркадий Гайдар написал «Клятву Тимура» за двенадцать. Помимо срочности заказа, его торопило желание скорее уехать на фронт. Из Болшева отправил телеграмму в Союз писателей Александру Фадееву:

«Закончил оборонный сценарий, вернусь в Москву шестого. Не забудьте о моем письме, оставленном в секретариате».

Напоминание оказалось нелишним, и 14 июля Союз писателей обратился в Красногвардейский райвоенкомат Москвы:

«Тов. Гайдар (Голиков) Аркадий Петрович — орденоносец, талантливый писатель, участник гражданской войны, бывший командир полка, освобожденный от военного учета по болезни, в настоящее время чувствует себя вполне здоровым и хочет быть использованным в действующей армии.

Партбюро и оборонная комиссия Союза советских писателей поддерживают просьбу т. Гайдара (Голикова) о направлении его в медицинскую комиссию на переосвидетельствование».

К этому письму и своему заявлению Аркадий Гайдар приложил сохранившиеся у него документы времен гражданской войны. Медкомиссия в призыве на военную службу отказала. Однако Аркадий Гайдар, предчувствуя такой поворот, подготовил запасной вариант. Он знал, что все равно, любыми путями, должен быть на фронте.

В тот же июльский вечер мы шли с отцом от Большого Казенного переулка к Маросейке. В перекрещенных бумажными крестами окнах пылало заходящее солнце. По улице, как слона на прогулку, провели аэростат воздушного заграждения. Очереди за газированной водой, завидев проходящего командира Красной Армии, сразу отстранялись от тележек: «Пожалуйста, товарищ! Напейтесь!»

Возбужденный тем, что вижу, наконец, отца, я торопливо молол всякую чепуху.

Рассказывал, как уезжали. Сразу после выступления Молотова три писателя отправились в Феодосию, чтобы обеспечить отъезд остальных. В Коктебель они не вернулись, укатили в Москву. Потом нам объявили, что билет каждый сможет получить на то число, когда у него кончается путевка. Затем новое распоряжение: срочно собрать вещи, и на автобус. Он уже ждет.

Рассказал, что в нашей школе каждый день собираются ребята, приходят преподаватели, только исчез учитель физкультуры, Карл Иванович. Говорят, что он арестован, потому что немец и шпион... Сказал, что, наверное, на днях, так решила мама, уеду с пионерским лагерем. Пароходом по Москве-реке, потом по Волге и Каме. Будет много знакомых ребят. Вернемся в Москву к учебному году. Наверное, война тогда уже кончится...

Отец говорил мало. Улыбался. Восторги по поводу пионерского лагеря встретил сдержанно. На прощание крепче обычного стиснул мои плечи.

Когда восемнадцатого июля он получил пропуск Генштаба РККА в действующую армию, наш пароход уже плыл по Каме. Как бы мне хотелось, чтобы все случилось не так! Как часто в городке Чистополь я мечтал снова пройти с отцом по московским улицам, помолчать, послушать, спросить совета! Но как было, так было.

Девятнадцатого июля «Пионерская правда» начала печатать «Клятву Тимура». Через день Аркадий Гайдар уезжал на Юго-Западный фронт в качестве корреспондента «Комсомольской правды».

* * *

Утром двадцать пятого июля Аркадий Гайдар смотрел через распахнутую дверь теплушки на приближающийся Киев. Так же, как прежде, шумела листвой Владимирская горка. Неторопливо проступали из зелени белые здания. Сверкали золоченые купола. У железнодорожного моста через Днепр стояли зенитные батареи. На левом берегу на прибрежном песке валялись среди кустарника обломки двух «юнкерсов».

...Бригада «Комсомолки» отправлялась на фронт в полуторке. Машину, как вспоминают корреспонденты этой газеты Михаил Котов и Владимир Лясковский, раздобыли у командующего фронтом генерал-полковника Михаила Петровича Кирпоноса. Когда-то, в гражданскую войну, их пути тоже пересеклись.

В нашей грозной «Коломбине»
Есть гранаты, карабин,
Запасных четыре шины,
Три спецкора и бензин...

Кроме спецкоров, в полуторке выезжали на фронт фотокорреспонденты «Комсомолки» Семен Васильницкий или Борис Иваницкий, которого чаще называли — Боб.

Аркадий Гайдар распределил обязанности.

Михаил Котов — комиссар экипажа и начальник медицинской службы. Йод, бинты, вата, аспирин. Фляга со спиртом.

Владимир Лясковский отвечает за горючее. Железная бочка и две канистры должны быть заполнены под пробку.

Фотокорреспондент возглавляет службу АХО — ведает продовольствием. Он же на маршруте начальник службы ВНОС — воздушного наблюдения, оповещения, связи. Увидев вражеский самолет, должен дернуть из кузова за веревку. Тогда в кабине зазвенит колокольчик, и шофер Саша Ольхович рванет с дороги в сторону.

В Киев возвращались вечером. Материал в Москву передавали по телефону около полуночи. Принимали душ. И, конечно же, сразу заснуть не могли.

Засыпали поздно. А на рассвете — снова трезвонят в номерах гостиницы на третьем этаже телефоны. Пора на фронт...

Примерно через неделю после приезда в Киев Аркадий Гайдар шел от Крещатика вверх по улице Ленина. Когда-то давным-давно она называлась Фундукулеевской. Малышом бывал здесь с мамой, потом в девятнадцатом ходил по этой улице с курсантским патрулем... Может быть, воспоминания потянулись бы и дальше, если бы не увидел под каштаном знакомую фигуру — высокий, стройный батальонный комиссар с орденом Ленина на груди. Обрадованно махнул рукой.

— Саша!

— Аркадий!

Они обнялись.

Аркадий Гайдар и Александр Твардовский знали друг друга давно, но ближе сошлись за год до войны в Ялте. «Валюша! — сообщил тогда Твардовский дочери.— Рядом со мной живет известный тебе писатель Аркадий Гайдар, с которым я подружился... «Саше Твардовскому — моему товарищу о моих товарищах»,— написал Аркадий Гайдар на сборнике своих повестей и рассказов. На книжке «Тимур и его команда» — «Саше Твардовскому от Гайдара, давно оставшегося без своей команды».

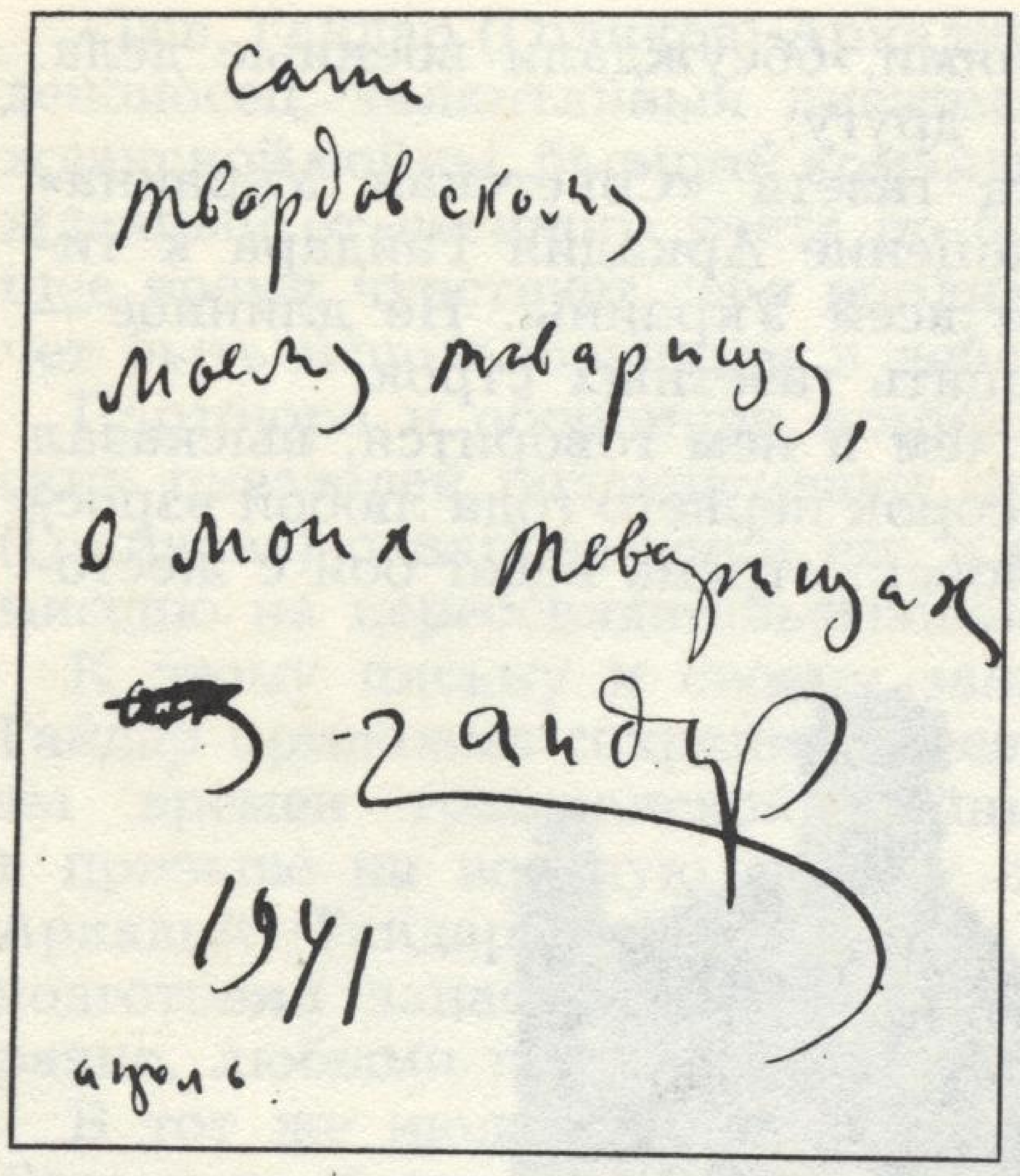
Обычно его надписи на книгах веселые, шутливые. В этих — серьезность, душевность и какая-то грусть. «Давно без своей команды»... Весной сорокового года медкомиссия военкомата снова отказала Аркадию Гайдару в постановке на военный учет. Теперь, гордый, что он преодолел препоны врачей, Аркадий Гайдар был весел.

С тех пор Александр Твардовский и Аркадий Гайдар, возвращаясь в Киев с фронта, звонили друг другу и, если оба в городе, встречались на улице Ленина напротив аптеки под каштаном. Де-

лились впечатлениями, обсуждали военные дела. Они доверяли друг другу.

Девятого августа газета «Советская Украина» опубликовала обращение Аркадия Гайдара к тимуровцам Киева и всей Украины. Не длинное — примерно сто двадцать газетных строк.

Наверное, то, о чем в нем говорится, высказал бы ребятам летом сорок первого года любой взрослый советский человек: страна ведет бой с жесто-



Один из последних автографов Аркадия Гайдара.

ким, сильным и коварным врагом, в этот трудный час ребята должны быть особенно дисциплинированны, помогать взрослым, хорошо учиться...

Но Аркадий Гайдар не был бы Аркадием Гайдаром, если бы не добавил он ко всему этому то, что другие сказать прямо и открыто не решались. Во всяком случае, в печати.

«У вас у всех ловкие руки, зоркие глаза, быстрые ноги и умные головы... Мчитесь стрелой, ползите змеей, летите птицей, предупреждая старших о появлении врагов — диверсантов, неприятельских разведчиков и парашютистов.

Если кому случится столкнуться с врагом — молчите или обманывайте его, показывайте ему не те, что надо, дороги. Следите за вражескими проходящими частями, смотрите: куда они пошли? Какое у них оружие?

Родина о вас позаботилась, она вас учила, воспитывала, ласкала и часто даже баловала. Пришел час доказать и вам, как вы ее бережете и любите...»

Выходившая в осажденном Киеве газета «Советская Украина» посвятила тогда юным патриотам целую полосу: «Тысячи тимуровцев помогают своей стране одержать победу над подлым и хищным врагом!»

Рядом с выступлением Аркадия Гайдара напечатаны отрывки из дневника «киевского Тимура» — Норика Гарцуненко.

«5 августа. Большая радость. Вся команда взволнована. На линейку пришел писатель Аркадий Гайдар. Он только что вернулся с фронта. У него есть трофейный немецкий автомат. Как я ему завидую!»

Команда возникла в начале июля. Ее штаб в детском кинотеатре «Смена» на Крещатике. Поначалу — 150—200 ребят. Четыре звена: разведки, сбора подарков, помощи семьям военнослужащих, сбора металлолома. Потом жизнь внесла коррективы: металлолом вывозить не на чем, зато очень нужны бутылки, чтобы наполнять их самовозгорающейся жидкостью, важным направлением работы оказались госпитали и эвакопункты... Возникли команды в других районах города, штаб при кинотеатре «Смена» стал центральным...

Десять швейных машинок стрекотали день и ночь — девчонки из команды шили для госпиталей белье, почтальон приносил в штаб пачки писем с фронта — просьбы разыскать семью, узнать, не погибли ли родные, близкие при бомбежке или, может, эвакуировались...

Были и по-настоящему боевые задания. В штабе обороны Киева тимуровскому звену разведки поручили осмотреть чердаки всех домов на Крещатике.

«Мы разбились на две группы,— рассказывает инженер Новомир Маркович Гарцуненко.— Объяснили цель рейда — проверка пожарной безопасности. О подлинной задаче — выявлении возможных диверсионных гнезд, огневых точек врага, с которых фашисты могут бить в спину защитников баррикад на Крещатике,— знали только я и Мария Теофиловна Боярская, директор кинотеатра. Вооружились фонарями «летучая мышь». Начали от «Смены» и Бессарабки, двигаясь в сторону улицы Кирова.

Работа оказалась изнуряющей. Не всегда можно было свободно выбраться на чердак по гнилым лестницам старых домов. Приходилось просить, грозить, хитрить перед дворниками. Во многих местах нас просто гнали. Но мы все равно добивались своего. На чердаках под железными крышами невыносимая духота, грязь, хлам, паутина...

День за днем мы обследовали все чердаки. Нигде ничего особенного, кроме нарушения всех правил пожарной безопасности. И вот последний дом на пересечении Крещатика и улицы Кирова.

Здесь, у слухового окна, под кучей хлама и тюфяков обнаружили крупнокалиберный пулемет, ящик с гранатами. Все наши я уже знал, а эти непривычные, с длинными деревянными ручками...

Через несколько дней мы получили благодарность от главнокомандующего Юго-Западным направлением Маршала Советского Союза Буденного».

Хорошо, что Новомир Маркович Гарцуненко взялся наконец за книжку воспоминаний о киевских тимуровцах сорок первого года. Цитата из ее рукописи.

Очень тепло он написал об организаторе тимуровской команды Марии Боярской. Училась в ФЗУ, работала слесарем на «Арсенале», вступила в партию, в тридцать седьмом году стала директором детского кинотеатра имени Косиора, переименованного впоследствии в «Смену».

Известно, что погибла, когда наши войска оставили Киев. Кто-то рассказывал, что видели, как фашисты провели ее по улице. На груди дощечка с надписью: «Тимуровка».

Может, так оно и было. А может, не было. Мы иногда стараемся как-то сделать подвиги людей «поярче», а гибель — «погероичнее». Чудится мне в таком приукрашивании какое-то неуважение к павшим. Будто они что-то еще недоделали, недодали...

В Каневе Аркадий Гайдар бывал несколько раз. В этом районе действовала наша 26-я армия, штаб которой располагался на левом берегу Днепра в селе Келеберда.

Когда он приехал в Канев впервые, армия вела контрнаступление, нанося удары на Фастов, Белую Церковь, Тараща, чтобы помочь нашим 6-й и 12-й армиям, окруженным в районе Умани. По железнодорожному мосту у Канева на правый, западный берег Днепра спешили подкрепления, ехали машины с боеприпасами. Навстречу им, едва позволяла возможность, комендант моста пропускал беженцев. Фашистская авиация яростно бомбила мост. Когда в предрассветный час в сентябре сорок седьмого года с мостика самоходной баржи я увидел шагающие через Днепр каменные опоры каневского моста, мне почудилось, что по-

сле самой долгой разлуки в нашей с отцом жизни мы встретились снова. Розоватый рассвет упал на реку, на низкий, в камышах и осоке левый берег, на крутой, в зелени садов правый, слова очерка слились с местностью... Аркадий Гайдар был где-то здесь, совсем рядом.

Потом я приезжал к мосту, точнее, к его останкам, множество раз. Привез сюда жену. Потом сына. Скоро поеду с внуком. Он уже подрастает, ему пора побывать в Каневе.

Быки моста по-прежнему бредут через Днепр. Они хорошо видны от могилы Аркадия Гайдара.

В середине августа Аркадий Гайдар на несколько дней прилетел по вызову редакции в Москву. Встретился с товарищами. Иван Халтурин вспоминает:

«Гайдара я увидел, как всегда, с улыбкой, только он казался более подтянутым, более внутренне собранным и показался мне даже более уверенным в себе. Он не скрывал тяжелого положения на фронтах, не уклонялся от разговора, он был уверен в конечной победе... Со своими военными впечатлениями Гайдар выступил тогда в клубе писателей, очень трезво оценивая обстановку».

Вспоминает Евгений Пермяк:

«Последний раз я видел Гайдара в большом дубовом зале клуба писателей. Он говорил взволнованно, раскрывая картины страшного побоища и героизма наших воинов.

Переполненный зал молчал так, будто он пуст. Аркаша говорил без листка, свободно и логично переходя от одного эпизода к другому. Невесело было видеть картины боев, живописуемые им, и все же далеко не безнадежно. Напротив — в глазах его вера в победу.

Сколько лет прошло с тех пор... Много! А я и сегодня сквозь стук моей пишущей машинки слышу Аркашин голос...»

Центральное радио попросило Аркадия Гайдара сказать несколько слов советским школьникам. Что-то вроде напутствия перед началом учебного года. Выступление записали на «шоринофон». В эфир оно ушло тридцать первого августа, когда Аркадий Гайдар снова был на фронте.

Мы работали тогда на уборке, и лишь спустя пару недель, возвратившись в Чистополь, я узнал, что упустил возможность услышать отцовский голос. Последнюю возможность... Но двадцать один год спустя случилось чудо.

В один из октябрьских дней шестьдесят второго года в корпункте «Правды» в Гаване зазвонил телефон. Длинные, настойчивые трели... Вызывала Москва.

Время было напряженное — Карибский кризис. Революционные Вооруженные силы Кубы в окопах на десантоопасных направлениях. Четвертая часть стратегической авиации США — бомбардировщики с ядерным оружием на борту непрерывно находятся в воздухе. Американские атомные подводные лодки заняли в океане оперативные позиции. Их «Полярисы» нацелены на СССР.

Советский Союз принял ответные меры.

В полную боевую готовность приведены ракетные войска стратегического назначения, часть войск ПВО страны. Повышена боеготовность нашего Военно-Морского Флота и стратегической авиации.

Это был самый тяжелый, самый опасный кризис, который в эпоху ядерного оружия переживало человечество.

Из редакции «Правды» звонили каждый день, и я передавал репортажи то с позиций кубинского танкового полка, то из призывного пункта, то побывав возле обломков сбитого над Кубой американского разведывательного самолета.

На этот раз позвонило Центральное радио. Тоже ничего необычного. Они уже обращались с просьбой передать что-нибудь и для них. Однако услышал я нечто совершенно неожиданное.

— Мы разыскали в архивах запись выступления Аркадия Петровича. Восстановили, как смогли. Пришлось снова собрать аппарат, на котором была сделана запись. Они вышли из употребления. Хотим знать ваше мнение, как получилось, похоже ли? Вот слушайте...

Что-то щелкнуло, и в телефонной трубке прозвучало:

— Ребята! Беспрестанно гудят паровозы. Уходят длинные эшелоны...

Чуть искаженный, немного торопливый — отец говорил медленнее,— но все же узнаваемый голос Аркадия Гайдара летел над Атлантикой.

Теперь эта запись — единственная сохранившая живой голос Аркадия Гайдара — перенесена на одну из пластинок фонолетописи Великой Отечественной войны.

...Когда Аркадий Гайдар приехал в 308-й полк 62-й дивизии, она вела наступление. С командного пункта полка он отправился к КП батальона. Вместе с 6-й ротой батальона пошел в атаку.

В атаке Аркадий Гайдар добыл немецкий автомат, чем очень гордился. Об этом мне рассказал один из героев очерка — Николай Иванович Прудников, «самый лучший и смелый комбат самого лучшего полка всей дивизии». Вскоре после того боя он был ранен.

Свой последний очерк «Ракеты и гранаты» Аркадий Гайдар написал, сходив с разведчиками 41-й Криворожской дивизии в ночной поиск на правый берег реки Осетр. Разрешение получил у командира дивизии генерал-майора Микушева. Несколько дней спустя этот замечательный генерал, дивизия которого так умело встретила фашистов на границе и потом отважно сражалась у стен Киева, погиб в бою...

К тому времени положение Киева значительно ухудшилось. Фашисты, прорвавшись севернее города на левый берег Днепра, угрожали с рубежа реки Осетр выйти в тыл защитникам города. Но еще опаснее было уже наметившееся глубокое окружение войск всего нашего Юго-Западного фронта. Приостановив наступление на Москву, Гитлер повернул мощную танковую группу Гудериана на юго-восток.

Вернемся к фронтовым очеркам Аркадия Гайдара.

«Батальон собирается у брода.

На берегу, на полотнищах палаток, лежат ожидающие переправы раненые. Вот один из них открывает глаза. Он смотрит, прислушивается к нарастающему гулу и спрашивает:

— Товарищи, а вы меня перенесете?

— Милый друг, это, спасая тебя, бьют до последней минуты, прижимая врага к земле, полуоглохшие минометчики.

— Слышишь? Это, обеспечивая тебе переправу, за девять километров открыли свой могучий заградительный огонь батареи. Из полка резервов главного командования. Мы перейдем реку спокойно. Хочешь закурить? Нет! Тогда закрой глаза и пока молчи. Ты будешь здоров, и ты еще увидишь гибель врага, славу своего народа и свою славу».

Схемы — схемами. Но всякой отстраненности есть предел. Читая эти строки, вспомнил Кунцево, веселое письмо Аркадия Гайдара Борису Назаровскому. Помните?

«Что такое батарея?» — «А это вот одна пушка, да другая пушка, да еще пушка, вот тебе и батарея».— «А почему лес — не деревья, а лес?» — «А это одно дерево — значит дерево, а другое дерево, да третье дерево, да еще деревья — вот тебе и лес». (Пауза.) — «А если батареи с лесом смешать (???), то что тогда получится?»

Эх, папка! Что же ты тогда над сыном смеялся? Ведь если батареи с лесом смешать, то как раз и получится закрытая артиллерийская позиция, с которой вели огонь наши дальнобойные орудия, обеспечивая тебе и твоим товарищам переправу.

...Приказ оставить город пришел в ночь на восемнадцатое сентября. Вместе с другими корреспондентами центральных газет, с работниками политотдела армии Аркадий Гайдар перешел на восточный берег Днепра по Цепному мосту. Так же, как двадцать два года назад, курсантом.

Последнее из удивительных совпадений, которыми наделила его судьба. Для других уже просто не было времени. Жить оставалось недолго...

* * *

«Учись хорошо и не очень скучай. Может быть, мы с тобой скоро увидимся»,— говорилось в короткой записке отца, которую кто-то из фронтовых товарищей привез мне в Чистополь, где жили тогда многие эвакуированные из Москвы семьи писателей.

Учился я неважно, скучал, вернее, тосковал крепко. Никакие формулы и тексты не лезли в голову. Легче становилось лишь тогда, когда появлялось дело. В сентябре помогли колхозу в селе Большой Толкиш убирать урожай. Потом перелопачивали зерно на складах. Зимой вывозили из затона дрова для города. Огромные коряги нужно было выбивать ломами изо льда.

На заработанные деньги нам разрешили приобрести подарки для фронта. Ящик с пряниками стоял в интернате под моей кроватью. Однажды я проснулся в ужасе. Мне приснилось, что я их ем, что сладкие крошки сыплются в постель, на подушку и простыни... Провел рукой по лицу, по губам... Потом стал торопливо нащупывать ящик. Он оказался на месте, заколоченным.

В октябре в Чистополь приехал из Москвы Всеволод Багрицкий.

Всеволод тоже очень тосковал в Чистополе. У него был «белый билет». В декабре сорок первого написал начальнику отдела печати Главпура РККА полковнику Александру Баеву:

«Прошу Политуправление РККА направить меня на работу во фронтовую печать.

Я родился в 1922 г. 29 августа 1940 г. был снят с воинского учета по болезни (близорукость).

Я — поэт. Помимо того, до закрытия «Литературной газеты» был штатным ее работником, а также сотрудничал в ряде других московских газет и журналов».

Вызов из Москвы пришел в конце декабря — Всеволоду Багрицкому и еще нескольким жившим в Чистополе литераторам. Они ушли за санями, до рассвета. Путь неблизкий. Всеволод обернулся, помахал мне рукой: похудевший, тонкое лицо, высокий лоб и белый иней на черных бровях.

Военный корреспондент газеты «Отвага» 2-й ударной армии Всеволод Багрицкий погиб в феврале сорок второго года. На его могиле написали, чуть перефразировав, строки, которые он часто читал товарищам:

Я вечности не приемлю,
Зачем вы меня погребли?
Мне так не хотелось в землю
С любимой моей земли.

...Вычеркивая дни в календаре, я ждал, когда вскроется Кама и пойдут по ней пароходы. Другого пути из Чистополя для мальчишки не было. С первым же пароходом удрал из интерната. Взялся поднести вещи драматургу Константину Андреевичу Треневу, уезжавшему с семьей через Казань в Ташкент, и так и остался на борту.

В дороге подкармливали меня мотористы. Они же помогли пересесть в Горьком на пароход, который шел в Рязань. Оттуда в Москву на попутных машинах. Перед контрольно-пропускными пунктами шоферы притормаживали, я обходил шлагбаумы, забираясь подальше в поле.

В Москве почти сразу получил долгожданную весточку. Письмо было адресовано Аркадию Гайдару. Привожу его без исправлений.

«Дорогой товариш Гайдар.

Вы наверно не забыли нашего отряда, который вырвался из окружения. Я хотел узнать как вам дорога перешла. Я считаю вы прышли к нам шим в найлутшим парадку.

Я имею очень много рассказывать от моего перехода, который я перешел.

Прошу писат мне ответ чем быстреи. Мой адрес слудущи.

Город Чапаевск. Куйбышевска область. Рабочая строительная колоно 667 п/я 74 4 рота.

Пенцак Нуум Давидович.

Вы на верно еще помните как мы были у партизан. Командир нашево отрада был полковник Арлов Александ Демитриевич. Я как повар и перевотчик тоже участвовал в отраде.

Прошу ответ, извиняюз за ошипки».

Как милы были эти ошибки! Письмо обнадеживало.

Где-то в тылу врага сражался наш отряд, и раз уж им командовал полковник, то, наверное, немалый! Отряд двинулся на прорыв и, видимо, разделился на группы. Каждая пошла своим маршрутом...

Точность и грамотность адреса — «Москва, улица Воровского, 52, ССП» — подсказывали, что его дал автору письма Аркадий Гайдар.

Мы сразу послали в Чапаевск телеграмму. Теперь каждый вечер, возвращаясь с завода, я заходил на улицу Воровского. Это было как праздник после десяти часов, проведенных в стальной зеленой бочке, которая под грохот наших пневматических молотков превращалась в бронированную кабину штурмовика ИЛ-2, оказаться в комнате военной комиссии Союза писателей, где всегда были люди с фронта, и вот-вот услышишь радостную новость.

Но ответа от Н. Д. Пенцака все не было. Пришло другое письмо, которое не оставляло места надежде. Белый, узенький, заграничный конверт сразу выделялся среди лежавших на круглом столике наших немудрящих конвертов и фронтовых треугольничков.

Фиолетовый штамп военной цензуры в городе Елец. Из-за линии фронта лейтенант Абрамов сообщал:

«Когда часть армии была разбита, то мы, выходя из окружения, остались в партизанском отря-

де в Приднепровских лесах. И однажды мы ходили по продукты на свою базу и нарвались на засаду, где и был убит тов. Гайдар Аркадий Петрович.

Его могила находится в Полтавской области, около железной дороги, которая идет с Канева на Золотоношу. Если ехать с Канева, то надо доехать до станции Лепляво, а затем пройти пешком до 1-го переезда в направлении Золотоноши. Там есть будка — вот около этой будки на правой стороне железной дороги метрах в пяти от полотна и похоронен он...»

Полковник А. Д. Орлов, адрес которого удалось установить с помощью редакции «Красной звезды», откликнулся на наши письма лишь в декабре 1942 года. Он преподавал тактику в Академии ВВС.

«Сами понимаете, что сообщить в письме все, что было, нельзя. Уверен, что любой из видевших и знавших Аркадия Петровича тогда, когда мы были с ним вместе, скажет о нем лишь сердечное. Для меня лично не было лучше, надежнее,

1947 год. К отцу...

исполнительнее человека в трудные минуты, чем он. Это человек исключительной честности, сердечности и отваги. Прошу об одном, мои друзья, может быть, слух есть какой о нем?

С моего разрешения, спросив моего совета и с желанием,он остался там... 18.10.41 (где, как, при каких обстоятельствах — неудобно писать).

Думаю я, что как-нибудь все же попаду в Москву и все вам сообщу — рад буду это сделать ради памяти друга и милого человека.

Будем надеяться, что он жив и мы увидим его».

В октябре 1944 года меня вызвал начальник политотдела Высшего Военно-Морского училища имени Фрунзе капитан I ранга Бельский. Он поднялся навстречу из-за стола, что сразу подсказало — разговор необычный. Протянул несколько листков бумаги.

— Садись, читай.

Занимавшая половину страницы «Справка о гибели военного корреспондента «Комсомольской правды» была подписана членом редколлегии газеты Ю. Жуковым. К ней приложено донесение журналиста капитана А. Башкирова:

«По заданию редколлегии я разыскал в Полтавской области могилу погибшего в 1941 году военного корреспондента Аркадия Петровича Гайдара.

Мне удалось разыскать партизана Бутенко (зав. Гельмязевским земотделом), который был в одном с Гайдаром отряде и хорошо помнит боевую деятельность Аркадия Петровича в отряде гельмязевских партизан. Командиром отряда был первый секретарь райкома партии Горелов (погиб в 1941 году). В селе Лепляво хорошо помнят Аркадия Гайдара семьи погибших партизан Степанец и Касича. В селе Михайловском Каневского района Киевской области (в 18 километрах от Леплява) я встретил жену лесника Швайко, сын которого был ординарцем у партизана Гайдара.

Из рассказов знавших Аркадия Гайдара колхозников и партизана Бутенко мне удалось установить следующее:

1. В партизанский отряд Горелова Аркадий Гайдар попал в сентябре 1941 года вместе с группой полковника Орлова (бывшего начальника штаба Киевской истребительной авиадивизии ПВО).

2. Полковник Орлов со своей группой пошел на выход из окружения, звал с собой Гайдара, но Гайдар категорически отказался покинуть партизанский отряд.

3. Гайдар в партизанском отряде с первого же дня зарекомендовал себя отважным пулеметчиком и особенно отличился в бою на территории лесопильного завода, когда он и еще два пулеметчика успешно отразили натиск большой группы немцев.

4. Гайдар вел дневник партизанского отряда, написал несколько лирических произведений в форме писем к сыну, жене, читал их партизанам. Но автор всегда носил их с собой, и они попали в руки к немцам.

5. Гайдар погиб 26 октября 1941 года в результате стычки с немецкой засадой. Как утверждает Бутенко, в этот день Гайдар и еще четыре партизана пошли на продбазу отряда. Там на них напали немцы. Гайдар поднялся и крикнул: «В атаку!» Его сразила пулеметная очередь. (Остальные четверо спаслись.) Немцы тут же сняли с погибшего партизана его ордена, верхнее обмундирование, забрали тетради, блокноты. Тело Гайдара захоронил путевой обходчик».

Со всеми, кто упомянут в донесении капитана Башкирова и остался жив, мне удалось встретиться.

Афанасия Федоровна Степанец топила печку. В хате было жарко. Пахло мятой. Младший сынишка, Витя, одетый в белую, чистенькую, но заплатанную рубашку, слушал наш разговор и потихоньку гладил пальцами лакированный козырек моей «мичманки», которая лежала рядом с ним на лавке.

— Може, вы подумайте, що то був ни товарищ Гайдаров? Так я видаю жизнь, що це був он. Як посидали вичирати партизани, так он звирнув до мени и говорит: «Повертаются красные, напишу про отряд, и буде в той книзи Феня вечерю подавати и бабушка на карауле...»

С белой стены смотрели маленькие, мутные фотографии: муж Адриан Степанец и брат Фени — Игнат Касич. В ночь на 26 октября они проводили пятерых партизан, в том числе и Аркадия Гайдара, из Леплява. Оба расстреляны фашистами.

В селе Михайловка на другом берегу Днепра побывал я у Анны Антоновны Швайко. В списке партизанского отряда Горелова она значилась под номером 14 — связная. Ее муж Михаил Иванович Швайко — разведчик и проводник.

По справке партийного архива обкома партии отряд Горелова считался действующим с 8 сентября по 23 октября 1941 года. Ф. Д. Горелов и М. И. Швайко были выданы предателями и зверски замучены в Гельмязеве в гестапо. За день до ареста мужа Анна Антоновна успела перебраться с детьми за Днепр.

Анна Антоновна вспоминает, что за два дня до возвращения Орлова услышала от колхозников из Леплява, приезжавших вывозить с поля солому, что возле их села убит какой-то красноармеец. Но о том, что это Аркадий Гайдар, она не подумала...

Отходила в прошлое война, оседал ее дым. Появлялись, казалось, навсегда исчезнувшие в пламени люди.

В Каневе увиделся с Иваном Сергеевичем Тютюником. Он был начальником штаба партизанского отряда. В Киеве встретился с полковником в отставке Александром Дмитриевичем Орловым. Харьковский журналист прислал адрес Сергея Федоровича Абрамова, который первым сообщил в Москву о гибели Аркадия Гайдара. На этот раз он откликнулся сразу.

Перебираю пачки писем: от А. Д. Орлова, А. А. Швайко, С. Ф. Абрамова, З. М. Бугаева, А. Ф. Степанец. Откладываю самые первые. Мне кажется, что именно они четче и яснее рисуют события последнего месяца жизни Гайдара.

А. Д. Орлов:

«18 сентября в 5 утра все командование убыло на автомашинах в направлении Борисполь, и Киев был оставлен. Следом за нами уходили части, оборонявшие Киев, шли толпы жителей, сотни машин.

Творилось что-то непостижимое. Немцы уже были в 15 километрах от Борисполя с 3 сторон. Надо было организовать оборону и протолкнуть хоть какие-нибудь подразделения с артиллерией на единственную дорогу к востоку на Переяслав.

И вот нашлись энергичные товарищи. Они распрягли повозки, сели на коней и занялись наведением порядка на дороге. Об этом мне доложил начальник оперативного отдела моего штаба майор Киселев и сказал, что видел среди этих товарищей нашего знакомого писателя Аркадия Петровича Гайдара...»

С. Ф. Абрамов:

«Встретились мы с Аркадием Петровичем в Семеновском лесу, у гнилой и болотистой речки Трубеж числа 22—23 сентября 1941 года. Аркадий Петрович много писал и тогда, в окруженном лесу, и когда выходили на юг, и когда были в партизанском отряде.

Особенно дружески Аркадий Петрович стал относиться ко мне после нескольких боев, проведенных вместе».

А. А. Швайко:

«Помню, в один из вечеров муж ввел в дом несколько наших военных. Сказал, согрей воды, приготовь чем накормить людей.

Я все сделала. Муж помогал людям мыться. Раньше всех помог больному. Я напоила его горячим чаем с малиной, дала порошки аспирина. Согревшись, он заснул. Поужинав, свалились и уснули остальные. А мы уже не спали всю ночь. Муж караулил на улице, а я с сынишкой сушила их одежду и чистила. Если бы вы видели, какие это были люди, измученные, голодные, грязные.

Под утро муж всех разбудил. Накормили их. Больному приготовили пищу получше, снабдили таблетками. И муж отвел их подальше в лес и устроил в одном домике.

Придя к нам через пару дней, этот больной красноармеец поблагодарил за оказанную помощь. Вот так мы и узнали, что этот больной красноармеец писатель Гайдар».

А. Д. Орлов:

«Перед моим уходом он (Аркадий Гайдар) договорился с М. И. Швайко о том, чтобы проводить нас, тепло простился (слезы на глазах были), настроение у него было очень тяжелое, вид измученный. Писал прощальное «письмо-напутствие» Тимуру Аркадьевичу с тремя звездами. Просил меня взять еще два очерка (о летчике моей дивизии, который таранил самолет противника над железнодорожным мостом, другой о шестерых советских гражданах, связанных проволокой и утопленных в одной из деревень).

Но ни то, ни другое взять было нельзя, т. к. моей группе надо было идти в неизвестное».

С. Ф. Абрамов:

«Уход группы Орлова из отряда перед большими боями Аркадий Петрович считал в душе неправильным. Уходить собиралась и наша группа, но Аркадий Петрович настоял, чтобы мы вышли позже. В этом случае на решение об уходе влияло то, что ему был нужен живой материал о партизанской борьбе».

И. С. Тютюник:

«В какое время немцы подошли к лагерю? Это было на рассвете примерно 22—23 октября. Когда фашисты охватили нас в полукольцо, прижав к речушке, отряд быстро занял оборону и начал отбиваться. Гайдар, как пулеметчик, стал у пулемета, и вообще каждый боец был заранее прикреплен до соответствующего места.

Натиска фашистов с переваживающими силами отряд не выдержал и получил команду отойти. Гайдар, как пулеметчик, продолжал отбиваться, так что тов. Гайдар, по сути, сам вызвался прикрыть отступающих».

С. Ф. Абрамов:

«26 октября пошли в село Лепляво в разведку и за продуктами. Шло нас человек пять. И Аркадию Петровичу необязательно было идти. Но вы знаете его! Разве можно было его удержать. Выходя из села, нам нужно было перейти железную дорогу. Аркадий Петрович, как всегда, шел впереди... Подошли к переезду. Никто из нас не ожидал встретить засаду. Мы шли и разговаривали. Поэтому немцы или мадьяры открыли огонь без окрика. Аркадий Петрович упал сразу».

* * *

Ранним утром 21 сентября 1947 года мы двинулись от лесной поляны возле села Лепляво к Днепру. Низенькая двухосная платформа, такие используют рабочие-путейщики, катилась, поскрипывая, по ржавым рельсам. Шпалы мешали почетному караулу держать шаг. Штыки поблескивали на солнце. День занимался ветреный, но безоблачный.

На поляне, откуда мы начали свой путь, пряно пахли осенние травы. Поляна была высокая и сухая. С одной стороны ее перерезает железнодорожная насыпь, с другой — подступает невысокий сосновый лес.

Вчера саперы перекопали эту поляну вдоль и поперек.

— Здесь,— сказал один из солдат, отложил лопатку и начал разгребать песок руками.

Тело Аркадия Гайдара нашли метрах в десяти от холмика, который двадцать шестого октября сорок первого года насыпал путевой обходчик Сорокопуд. Видимо, он сделал так, чтобы скрыть настоящую могилу от немцев и полицаев, если бы они задумали к ней вернуться.

— Одна пуля,— определила женщина-военврач.— Прямо в сердце.

Узкие дощатые челны ждали нас на берегу. Они были украшены зелеными ветками, срезанными в прибрежном кустарнике.

Гроб с телом Аркадия Гайдара сняли с платформы, перенесли в челн. Рядом встали солдаты, секретарь Каневского райкома партии Ткач, секретарь райкома комсомола Пащенко, еще несколько человек. В других челнах белели платочки учительниц из Канева и Леплява.

Рассеченный оврагами правый берег поплыл нам навстречу. Вздымалась зеленая громада Тарасовой горы, карабкались на холмы мазанки Канева.

Вода возле тяжелых каменных быков пенилась, брызги летели в лица солдат, зеленые прутики трепетали под ветром. Казалось, дождавшись часа, Аркадий Гайдар форсирует Днепр с первым броском десанта. Сквозь стрекот подвесных моторов мне слышались знакомые с детства обернувшиеся пророчеством слова: «Похоронили Мальчиша на зеленом бугре возле Синей реки...»

Михаил ПЛЯЦКОВСКИЙ

К бабушке в деревню

Я в понедельник или в среду,
А может, в пятницу чуть свет
В деревню к бабушке поеду,
Которой в письмах шлю привет.

Поеду к бабушке в деревню,
Там ждут меня друзья-луга,
Там ждут меня друзья-деревья,
Друзья-цветы, друзья-стога.

Поеду в гости я к туманам,
Воды колодезной напьюсь.
И по мосточкам деревянным
Со скрипом медленно пройдусь.

Поеду к бабушке в деревню —
Она не очень далеко.
Там ждет клубничное варенье,
Там ждет парное молоко.

Я в понедельник или в среду,
А может, завтра в два часа
В большом автобусе поеду
Стрижей послушать голоса.

Сбегу со старого крылечка,
Помчусь по травам босиком
Туда, где ждет девчонка Речка
Меня за ближним бугорком!

Сивка-Бурка

Пасутся кони на лугу —
Красивые, как в сказке,
А я смотреть на них могу
И трогать без опаски.

Я к Сивке-Бурке подойду,
К тому, что с черной гривой,
Рукой по гриве проведу —
И стану вдруг счастливей!

Сеновал

Что такое сеновал,
Знает тот,
кто там бывал,
Тот, кто спал,
поджав колени,
На душистом
мягком сене,
Тот, кто спал на чердаке
С лунным лучиком в руке!

Лягушачья песенка

Лягушки проснулись в зеленой постели,
На солнце взглянули — и хором запели:
«Какая хорошая нынче погода,
Еще не бывало синей небосвода!
Какая высокая нынче трава,
Как много ромашек повсюду, ква-ква!»

Услышав лягушек, поющих у речки,
Поднялся разбуженный дед на крылечке.
Сказал он, тряхнув бороденкой:
«Ну вот!
Лягушки кричат — значит, дождик пойдет!»

Рисунок Д. КАМЕНЩИКОВА.

Телега

В телеге с гордым видом на сене я сижу
И в пальцах золотую соломинку держу.

Скрипит моя телега, колеса тарахтят,
Я встретил по дороге корову и котят.

Котятам я мяукнул, корове промычал,
А чьей-то злой собаке в ответ я промолчал.

Я хрюкнул поросенку, который в лужу лег,
И у меня на кепке — проснулся мотылек.

Хвостом большая лошадь отпугивает мух,
Я еду — и ромашкам стихи читаю вслух.

А следом за телегой, где спит ненужный кнут,
Два беленьких гусенка — два облака бегут.

Щеглы

Пропищал щеглу щегол:
— Ставлю вам за пенье — кол,
Потому что вы поете
На одной и той же ноте!

А другой присвистнул даже:
— Сам фальшивит, а туда же!

Меж березовых стволов
Перещелк гуляет...
Кто кого из двух щеглов
Перещеголяет?

Что без чего не бывает

Знай, что не бывает лодки без реки,
Праздника — без песни, хлеба — без муки,
Дождика — без тучи, розы — без шипов,
Сказок — без начала, леса — без грибов.

Знай, что не бывает моря без волны,
Шутки — без улыбки, марта — без весны,
Летчиков — без неба, армий — без полков,
Школ — без переменок, драк — без синяков.

Знай, что не бывает дружбы без друзей,
Лестниц — без ступенек, дома — без дверей,
Утра — без рассвета, дыма — без огня...
Впрочем, продолжай-ка дальше без меня!

Ирина АНДРИАНОВА

Мы приближаемся к любви

I

Мой собеседник был мне любопытен. А тема нашего разговора волновала необычайно. Мы говорили о любви...

Я знала своего собеседника больше полугода, случайно мы сталкивались то у знакомых, то в коридорах редакции. Я составила о нем впечатление наблюдателя: умный, обаятельный, раздражается, когда кто-то остроумнее шутит, часто взмахивая рукой. В его улыбке была скрыта усмешка, придушенная ирония, мальчишеская подначка: «Ну, ну, давай. Чего еще скажешь?»

Потом я задумала написать о любви. И уже начала статью, и уже ритм поймала: все просто, ясно, как в стакане с водой. Вот тут-то мы познакомились с моим собеседником ближе. Тут-то и состоялся наш разговор, который перевернул мои творческие планы. «Вымысел, дурацкая фантазия. Любви нет,— говорил он, усмехаясь.— В жизни есть много другого интересного».

Давно я не спорю с юношеским азартом, давно не отстаиваю свою точку зрения на тот или иной вопрос до хрипоты, до физической усталости. Так вышло и на этот раз: больше говорил он — собеседник, я слушала.

А когда мы расстались, я начала вспоминать детали беседы. Натягивала куртку — вспоминала, спускалась по лестнице — нет, не отвязывается беседа, мучает; шла по улице — господи, да что же он такое говорил?!

И вот мне будто пятнадцать лет, и щеки мои пылают, как перед первым свиданием, и ладони сжимаются в кулаки — да, защищаться, да, спорить, да, отстаивать свою позицию!

Собеседника уже не было рядом: он, наверное, тихо-мирно пил домашний чай, глазел в телевизор или болтал по телефону по поводу того, как «Спартак» забил решающий гол «Динамо».

Все равно! Беседа наша продолжалась. Спор начат. И теперь должен слушать и молчать он, собеседник.

Нина

Дорогой собеседник!

Любовь многолика. У нее тысячи имен. Одно из них — Нина. Стройная девочка с куклой в руках.

У девочки было сердце — летняя дикая роза, черные глаза в половину нежного лица, душа гордой птицы. Девочка жила в прошлом веке в Грузии и носила звучную южную фамилию — Чавчавадзе. Отца стройной девочки, Александра Чавчавадзе — поэта, просветителя, общественного деятеля, грузинский народ не забудет вовеки — труды духовные всегда переживают дела житейские.

Но наряду со светлым именем отца люди не забудут чистого имени дочери. Нина не совершала военных подвигов, не прославилась на театральных подмостках, не сочиняла бессмертные стихи — Нина останется во времени потому, что ей был дан великий дар — умение любить.

Грибоедов знал Нину девочкой, был другом ее отца, частым гостем ахвердовского дома, где Нина росла. Дружба старшего и младшего — вот что много лет связывало их. Но потом оказалось, ровные дружеские отношения прозвучали как увертюра к главному действию — к любви.

Судьба Нины решилась за один летний тифлисский день. Мозаику его она помнила всю свою недлинную жизнь: дорожки утреннего сада, приезд гостей; внимательный, задумчивый взгляд Грибоедова — одного из гостей; потом — они вдвоем в комнате, где фортепиано, и стремительное признание Александра Сергеевича и ее стремительное согласие стать его женой, суматоха в доме — свершилось, ах, никто не предполагал — первая ночь Нины-невесты, когда думалось о длинном счастье, о длинной жизни, о свадебном наряде и, конечно, о нем — Александре Сергеевиче, Александре, Саше...

Нине Чавчавадзе было шестнадцать, когда ее назвали женой Грибоедова. Ей не было восемнадцати — она стала вдовой великого поэта России. Ей не было пятидесяти, когда внезапная болезнь унесла ее в могилу. Но ни одного дня своей жизни без него — Александра Сергеевича, Александра, Саши — Нина не изменила любящему сердцу. Когда она жила в Тифлисе, то почти каждый день поднималась на гору Мтацминда, туда, где похоронены знаменитые сыны Грузии, туда, где покоится прах Грибоедова,— поднималась на свидание с любимым. Нина Грибоедова-Чавчавадзе не умела терпеть разлуку...

В четырнадцать лет я мечтала быть похожей на Нину. Мечтала, как она, любить единственного человека. Думала, моя верность будет с такими же нескончаемыми крыльями — на всю жизнь, как ее, Нинина.

Но судьбы неповторимы. Каждый идет своим путем. И моя судьба имеет свои, только свои приметы.

Мне встречались (и встречаются) разные люди, к ним я относилась неровно, по-разному: к кому-то тепло, бережно, к кому-то с иронией, кого-то мучила и сознавала, что мучаю, кого-то уважала, с придыханием слушая житейские советы.

Наверное, мой внутренний мир был похож (да и сейчас мало изменился) на кулисы бродячего цирка. И это меня раздражало, я часто спрашивала у себя строго: «Как же твой идеал — Нина Чавчавадзе? Как же ее душа — ровное горение пламени, и твоя душа — пестрота, блики? Что-то не сходится».

Все правильно. Зря я злилась. Идеалы, как звезды, далеки, недосягаемы. А люди неповторимы.

Сегодня я думаю: может, и хорошо, что у каждого человека жизнь, судьба, чувства складываются по-своему. Будто вышиваешь по канве фантазию, и дивишься причудливому узору, который появляется из-под иглы.

Недавно я встретила в одном из журналов удивительный портрет. Печальная юная женщина в черном была на нем изображена: глубокие глаза в половину нежного лица, сердце — летняя дикая роза, душа гордой птицы. В руках она держала букет фиалок: он был так мал, так беззащитен, что казалось, затерялся в складках траурного платья. Нина.

Кто знает, может быть, художник хотел запечатлеть в этих почти невесомых цветах любовь Нины Чавчавадзе — любовь-чистоту, любовь-верность?

...Я вижу вашу улыбку, собеседник, в глазах — недоверие. «Фантазия, глупость, красивая сказка,— готовы возразить вы.— Обычная жизнь обычной женщины превратилась в легенду».

II

В конце седьмого класса я заболела ангиной — с кем не бывает. Но обидно было здорово: за окном деревья цветут, птицы с блестящим весенним оперением кувыркаются в небе, а ты лежишь, листаешь уже третью книгу, а температура все тридцать восемь и тридцать восемь...

Потом температура пропала, а дни стояли по-прежнему теплые, мне разрешили открывать окно.

Фотоэтюд А. КРУПНИКОВА.

Но я открывала балконную дверь, выносила стул и, как кот, устраивалась на солнышке.

Однажды позвонил телефон.

— Привет. Болеешь? — спросил незнакомый голос.

— Болею. Ты кто?

— Человек.

— Я тебя не знаю.

— Я тебя тоже... Живу в доме напротив, гляжу, ты уже третий день на балкон затариваешь.

— Ты-то что не ходишь в школу, человек?

— Хожу. Когда интересные уроки.

— Ладно, прогульщик, пока.

— Подожди, давай поболтаем!

— О чем?

— Слушай, как девчонки влюбляются?

...Человек из дома напротив звонил мне теперь каждый вечер. Между нами установилось прочное телефонное доверие. Мы были в том великолепном возрасте, когда познаешь себя, мир, окружающих.

Его интересовало, какие мы, девчонки. Что нам бывает интересно? Если проходим мимо и фыркаем — это что? А если стоим с подругами и смеемся вслед парню — это как?

Меня тоже интересовало, как влюбляются они, мальчишки. Если влюбляются, то могут ли отвлекаться на другие дела? Много ли треплются о своих чувствах с приятелями? И если он, который нравится и поглядывает на тебя время от времени на уроках телячьим взглядом, на дискотеке даже не замечает — что это значит?

Человек из дома напротив в тот далекий май стал самым моим доверительным собеседником. И, видимо, я его — тоже.

ТЫ И Я... Я И ТЫ

Дорогой мой собеседник, а вы любили когда-нибудь? Смеетесь? Готовы шутить и подкреплять остроты высказываниями великих? Я отвечу за вас — любили, конечно.

Первый раз это было давно, в детстве. Наверное, сегодня вы не помните имени той девочки в бантиках или без них. Но... Было, было. Однажды надоел футбол, ранние звезды заморозили вечернее небо, вы — всклоченный мальчишка в драных трениках, стоя посреди улицы (площади, двора, в тупике короткого переулка) или сидя на скамейке под соседской сиренью (дома у телевизора, в душном кинозале старого городского кинотеатра), вы вспомнили о Ленке (Светке, Ольке).

И вот уже неделю, две недели, полтора месяца — сколько же это будет продолжаться! — Ленка (Светка, Олька) маячила перед вами то на переменах, то на дружинных линейках, на улице, прогуливаясь с непородистой, но верной собакой Джульбарсом. Сколько же к Ленке (Светке, Ольке) было применено приемов самообороны мужской непокорной души! Вы ее дергали за дохлые (но такие золотые, как кленовые листья) косички; в легком прыжке левой задней выбивали портфель из рук; на ее глазах (гляди, какой я герой!) решительно давили стоптанной сандалией толстую гусеницу и так лихо раскачивались на дворовых качелях, что визжали не только Ленка (Светка, Олька) и ее подруги, но все тридцать три старушки, круглые сутки не покидающие насиженных постов у окрестных подъездов.

— Да, я, наверное, ненавидел эту вашу Ленку-Светку-Ольку. Ведь самым откровенным образом издевался над ней.

— Вы ее любили.

— Любят не так... Носят портфель, дают сдувать контрольную, Восьмого марта дарят конфету, ручку... Дохлого таракана. Ха-Ха!

Ха-ха. Давайте улыбаться и вспоминать вместе...

ОКОНЧАНИЕ
В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ.

Узел связи

ДВОЙКА... ЗА УЛЫБКУ?

ПРИГЛАШЕНИЕ

Уважаемые... (мама, папа, дедушка, бабушка, сосед, соседка). Приглашаем вас на чашку чая в удобное для вас время. Усадите, пожалуйста, рядом дочку (сына, внука, племянника, кого-нибудь из ребят, считающих вас своим взрослым другом). Разлейте чай (с вареньем, печеньем, бубликами) и, пока он не остыл, прочитайте вместе вот это письмо. Наверняка оно вас:

?

УДИВИЛО?
РАССМЕШИЛО?
ПРИВЕЛО В НЕДОУМЕНИЕ?
ОБРАДОВАЛО?
ВОЗМУТИЛО?

Приглашаем ваш ответ подчеркнуть и прислать нам. Не возражаем и против более полного ответа.

Итак, письмо. *«Здравствуй, «Пионер»! Пишет тебе Катя, ученица 6 «А» класса одной из школ г. Липецка. Могу назвать и номер школы. Но если и в других разных школах завелся обычай, как у нас, то конечно, дело не только во мне именно.*

Теперь у нас появились такие тетрадки, где нам должны ставить оценки за то, как мы относимся к своим родителям. Вообще к взрослым и еще за многое другое. Самое главное, я никак не могу понять, как можно оценивать наше отношение к родителям. Что, я должна подойти к маме и спросить: «Мама, на какую оценку я к тебе отношусь?» Как это можно такое спросить? Или только и делать дома, что подлизываться и улыбаться, чтобы вышла пятерка? Еще мы должны писать в этой тетрадке: черты характера, которые хотела бы в себе воспитать. Черты характера, от которых хотела бы избавиться. Мои победы, мои поражения.

Но ведь я сама знаю, какие черты у меня плохие или нет. Я не хочу, чтобы это все знали. Классный руководитель сказал, что эти тетради будут читать все ребята из СО. Я сама ПСО! Но я не смогу залезть в душу человека и прочитать, что он в себе ценит и что нет. Мне кажется, что-то должно остаться внутри человека. Ребята сказали: плюнь, не спорь, а предков уговорим. Что же все-таки сделать, чтобы не врать?

Катя М.,
председатель Совета отряда (ПСО)».

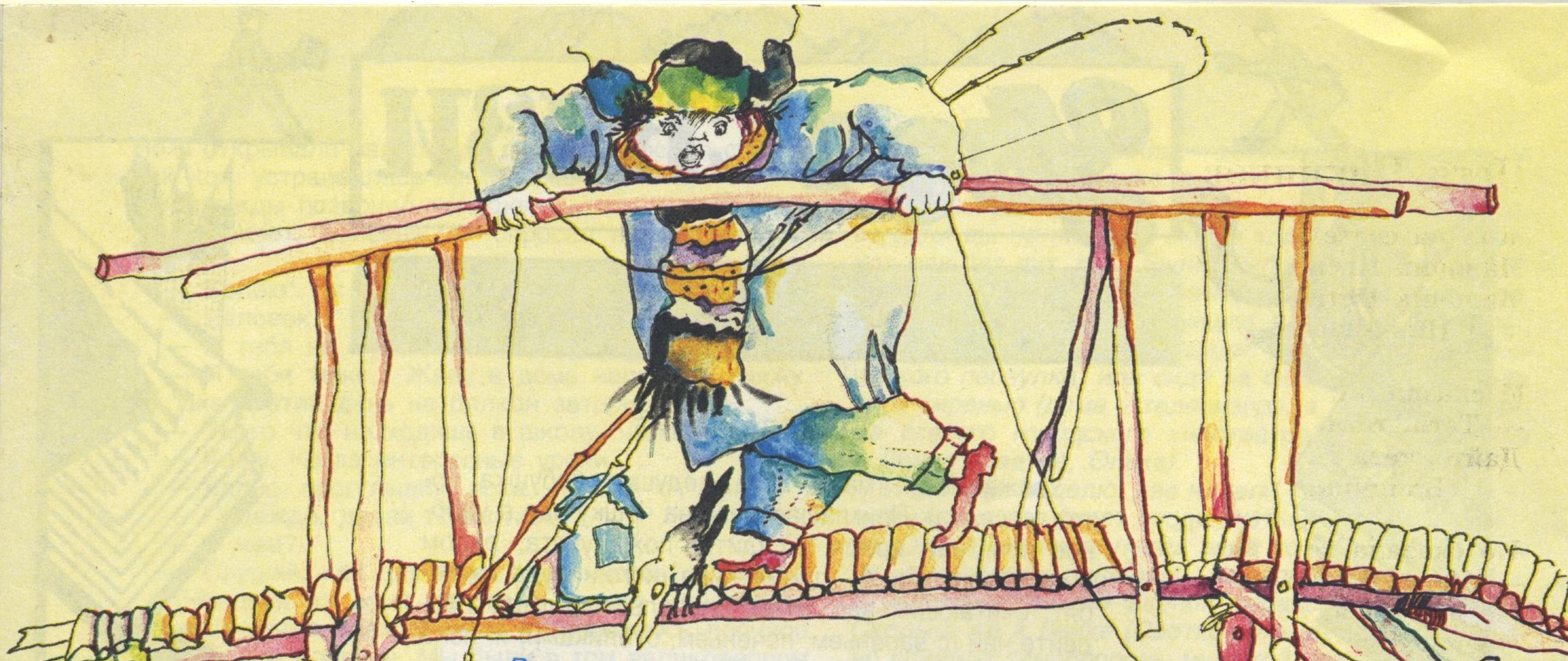
* * *

...Откроем секрет. Сначала решили было Кате М. ответить коротко и быстро. Что делать с такими тетрадками? Выбросить! «Вы-бро-сить!» — такую и послать телеграмму. Но с толку сбил наш знакомый психолог, с которым решили срочно связаться и посоветоваться. «Как так выбросить? — не понял он.— Катя выбросит, а другие? Вдруг кому-нибудь это нравится? Или, верней, не понравится... как это ваша Катя пишет, чья-нибудь улыбка? Докажи-ка, что она пятерочная. А вдруг — эта улыбка во всю, но как-то с ехидцей, незаметной насмешечкой, загадкой или вообще непонятная, как у Джоконды на картине? А вдруг папа захочет отвесить двойку сыну за то, что не выдал откуда синяк,— не сказал из гордости. А маме не понравится, что дочка глядит и глядит все в окно... Пойдет борьба с глядением в окно, недораскрытием души, молчаливостью или болтливостью, долгим разговором по телефону... Не говоря уж о подгоревшей каше! И никому ведь не придет в голову, что не хватит никаких баллов, не говоря уж о пяти родных-школьных, чтобы о ц е н и т ь справедливо все, что в душе у той же Кати. И тысячи баллов не хватит, ведь даже у л ы б о к психологи насчитывают более сорока по «значению» разных! Нет уж, нет уж. «Лезть в душу», как Катя выразилась попросту, вредно в любом возрасте, а в Катином, ранимом, изменчивом, сложном, тем более рискованно... Я — за доверие! Понимание без отметок! Впрочем, я, кажется, начал лекцию. Лучше бы вы спросили мам и пап: хотят ли они ставить детям три с плюсом за силу воли, четверку с минусом за благородство или двойку за недооткровенность? Спросили бы, а потом, на всякий случай, отослали ответы, ну, скажем, в Комитет по народному образованию — а вдруг на этот случай был какой-нибудь циркуляр или просто одобрение «передового опыта»!

Так мы и делаем: шлем наше «Приглашение». Всем-всем-всем.

Дежурила по «Узлу связи»
А. Безбородова.

Рисунок А. ВОВИКОВОЙ.



В прошлом году, в десятом номере журнала, «Пионер» напечатал неизвестный рассказ Даниила Хармса «Ломка костей» и поведал о его авторе.

Сейчас «Пионер» публикует еще один рассказ этого удивительного писателя и несколько его стихотворений, которые я нашел в трех архивах: в Отделе рукописей Государственной Публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина, в Рукописном отделе Пушкинского Дома и в архиве Я. С. Друскина. Они хранились там долгие годы.

Названья стихам даны мной.

Владимир Глоцер.

Даниил ХАРМС

Хвастун Колпаков

Жил однажды человек по имени Федор Федорович Колпаков.

— Я,— говорил Федор Федорович Колпаков,— ничего не боюсь! Хоть в меня из пушки стреляй, хоть меня в воду бросай, хоть меня огнем жги — ничего я не боюсь! Я и тигров не боюсь, и орлов не боюсь, и китов не боюсь, и пауков не боюсь — ничего я не боюсь!

Вот однажды Федор Федорович Колпаков стоял на мосту и смотрел, как водолазы под воду опускаются. Смотрел, смотрел, а потом, когда водолазы вылезли из воды и сняли свои водолазные костюмы, Федор Федорович не утерпел и давай им с моста кричать.

— Эй,— кричит,— это что! Я бы еще и не так мог! Я ничего не боюсь! Я и тигров не боюсь, и орлов не боюсь, и китов не боюсь, и пауков не боюсь — ничего я не боюсь! Хоть меня огнем жги, хоть в меня из пушки стреляй, хоть меня в воду бросай — ничего я не боюсь!

— А ну-ка,— говорят ему водолазы,— хочешь попробовать под воду спуститься?

— Зачем же это? — говорит Федор Федорович и собирается прочь уйти.

— Что, брат, струсил? — говорят ему водолазы.

— Ничего я не струсил,— говорит Федор Федорович,— а только чего же я под воду полезу?

— Боишься! — говорят водолазы.

— Нет, не боюсь! — говорит Федор Федорович Колпаков.

— Тогда надевай водолазный костюм и полезай в воду.

Опустился Федор Федорович Колпаков под воду. А водолазы ему сверху в телефон кричат:

— Ну как, Федор Федорович? Страшно?

А Федор Федорович им снизу отвечает:

— Няв... няв... няв...

— Ну,— говорят водолазы,— хватит с него.

Вытащили они Федора Федоровича из воды, сняли с него водолазный костюм, а Федор Федорович смотрит вокруг дикими глазами и все только «няв... няв... няв...» говорит.

— То-то, брат! Зря не хвастай,— сказали ему водолазы и ссадили его на берег.

Пошел Федор Федорович Колпаков домой и с тех пор больше никогда не хвастал.

Рисунок Ю. ВАЩЕНКО.

Петя Пинчиков

Жил на свете
Мальчик Петя,
Мальчик Петя
    Пи́нчиков.

И сказал он:
— Тетя, тетя,
Дайте, тетя,
    Блинчиков!

Но сказала тетя Пете:
— Петя, Петя Пинчиков!
Не люблю я, коли дети
Очень клянчут блинчиков.

Астроном

Мы забрались в траву и оттуда кричим:
    — Астроном! Астроном! Астроном!
Он стоит на крыльце с телескопом в руках
И глядит с удивленьем вперед и назад,
И глядит с удивленьем вперед и назад,
    И глядит с удивленьем вперед.

Мы кричим: — Посмотри! Мы кричим:
    — Посмотри!
  Посмотри, астроном, в телескоп!
Он обводит глазами таинственный сад,
  Телескоп за подставку берет
И глядит с удивленьем вперед и назад,
И глядит с удивленьем вперед и назад,
    И глядит с удивленьем вперед.

Лампа

Лампа, лампа, лампа, лампа,
Лампа, лампа не горит.
— Вдруг зажглась и вдруг потухла, —
Петр Палкин говорит.

— Потому она потухла,—
Отвечает Федор Гет,—
Потому что нету тока,
Потому что тока нет.

Публикация
Владимира Глоцера.

Елена Ильина

(1901—1964)

Это была удивительная семья. Трое детей скромного техника мыловаренного завода стали писателями, навсегда вошли в историю советской детской литературы! Но многое станет понятным, если сказать, что старшим среди этих троих был Самуил Яковлевич Маршак... Под его могучим влиянием росли его брат и сестра, их он с самого детства вовлек в литературу. Сначала это были литературные игры: издавали домашние рукописные журналы, сочиняли стихи и рассказы для них, сами писали критические статьи... Но эти «игры» сказались на их жизни. Младший брат Самуила Яковлевича — Илья, казалось бы, ушел от литературы — окончил технический институт, стал инженером-химиком. И все же литература взяла верх: он стал писать книги, ушел из своей лаборатории, и писатель Михаил Ильин (такой он себе выбрал псевдоним) стал широко известен как автор книги «Рассказ о великом плане» и многих, многих других книг о мире вещей, которые научился делать человек.

Сестра Самуила Яковлевича была моложе его на целых 14 лет. Но в семейных литературных играх она принимала самое деятельное участие. И учиться пошла на словесное отделение Института культуры и еще студенткой начала печататься в детских журналах «Новый Робинзон», «Еж», «Чиж». Подписываться фамилией, которая стала уже очень известной, она не хотела, и так появилась писательница Елена Ильина.

До войны Елена Яковлевна Ильина написала много стихов, рассказов и очерков для детей. Но для большинства читателей она стала известна своей книгой «Четвертая высота», вышедшей в 1946 году. В ней не было ничего придуманного. Это была повесть о жизни и гибели реального человека — Гули Королевой. В книге рассказывалось о детстве, отрочестве и юности девушки, которая в страшные дни Отечественной войны добровольно ушла на фронт. Гуля Королева геройски погибла в бою с фашистами. «Четвертая высота» стала любимой книгой многих советских детей, тысячи писем получала писательница от своих читателей. И на все отвечала. А это было нелегко. Сколько я помню эту тихую и скромную женщину, она всегда была бесконечно загружена делами. Постоянно занималась с молодыми писателями, всячески им помогала, также ее постоянную заботу составлял брат — Самуил Яковлевич Маршак, который последние годы своей жизни был одинок и нуждался в помощи. Елена Яковлевна помогала брату в его бесчисленных литературных делах, и когда я в ее квартире видел множество немецких и английских книг, то был уверен, что она подбирает их для Самуила Яковлевича. И удивился, когда Елена Яковлевна сказала, что книги эти — многие очень редкие — она достает для себя, для новой книги, которую она писала, выкраивая для этой работы каждую свободную минуту.

Книга, незадолго до смерти автора, вышла в свет. Ее героем был основоположник научного коммунизма Карл Маркс. Но не такой, каким мы привыкли видеть его на портретах. В повести Елены Ильиной Маркс — молодой, ищущий, деятельный. Писательница сознательно показала своего героя еще совсем молодым человеком, а не мудрым и великим ученым и революционером. Она хотела, чтобы ее молодые читатели увидели истоки мощи этого всемирного гения. По мнению автора, мощь его заключалась в постоянном поиске, в движении мысли. Недаром писательница назвала свою книгу «Неутомимый путник».

Бывают писатели, которые входят в литературу одной-двумя книгами. Если книги настоящие, то и этого достаточно. Елена Ильина такие книги написала. Но, кроме этого, она не переставала писать для детей и другие произведения. Много писала о школе. Бывать в школе, общаться с мальчиками и девочками было для Елены Яковлевны душевной потребностью. Со смехом рассказывала, как мальчик из третьего класса, показывая на нее, объяснял своему приятелю:

— Это учительница, это очень хорошая учительница...

Не преподавая в школе, не состоя в огромной армии советских учителей, Елена Яковлевна вместе с ними делала их великое дело — учила детей. Своими книгами, своей тихой, светлой трудовой жизнью советского детского писателя.

Лев Разгон

Елена ИЛЬИНА

ОТРЫВОК ИЗ КНИГИ «ЧЕТВЕРТАЯ ВЫСОТА»

Всю ночь не утихал бой. Наступило утро.

Гуля стояла теперь недалеко от пулеметчика Грещенко. Пулемет его строчил не умолкая.

— Молодец, Митя! — кричала Гуля, подбадривая его.— Так их, дьяволов! Митя, смотри, наши танки пошли! Танки!

Грещенко, не отрываясь от пулемета, что-то закричал в ответ, но слов его нельзя было разобрать.

И вдруг его пулемет замолчал.

— Митя, что же ты?

Она положила автомат и подбежала к Грещенко. Он лежал, приникнув головой к своему пулемету. Из-под шапки по лбу струилась кровь. Гуля схватилась за свою санитарную сумку, но это было уже не нужно. Она бережно опустила отяжелевшую голову на землю, поцеловала убитого Митю в лоб и заняла место у его пулемета.

И вдруг Гуля увидела, как в нескольких шагах от нее, вскинув руки, упал Плотников. Превозмогая боль в ноге, Гуля подскочила к нему, нагнулась.

— Товарищ капитан! Ванечка! — крикнула она, забыв в эту минуту, что говорит с командиром батальона.— Голубчик! Сейчас перевяжу! Легче будет. Потерпи.

Плотников тяжело и громко дышал.

Гуля выхватила из сумки бинт и быстро сделала перевязку.

А немцы уже двигались снова. Подходили все ближе, ближе...

Оставив раненого на месте, Гуля бросилась опять к пулемету. Меткой очередью остановила она тех, что подбирались с ее стороны. Немцы залегли. Но вот пулеметный диск кончился. Она пошарила вокруг себя и поняла: стрелять нечем. Вся надежда на гранаты.

Гуля вырвала гранату из-за пояса. Крепко сжала ее в руке и приготовилась... А ну, подойдите, подойдите! И в этот миг она почувствовала, что левая рука у нее стала немая, тяжелая, словно не своя, и рукав наполнился чем-то горячим и липким.

Закружилась голова...

«Только бы не упасть!»

Гуля стиснула зубы, еще крепче зажала ручку гранаты и, подпустив немцев поближе, метнула ее. Хорошо!.. Точно!..

Гуля вытащила вторую гранату, последнюю. Эту уже нельзя было бросать — ее нужно было оставить для себя, чтобы не сдаться врагу живой...

Ноябрьская вечерняя мгла со всех сторон обступила высоту. И, почти сливаясь с этой мглой, надвигались все ближе и ближе фигуры немцев...

И вдруг где-то совсем рядом в темноте раздались голоса. Как будто русский говор! Свои... Вспыхнула ракета, брошенная врагом, и осветила белым светом приближающийся полк красноармейцев. Это был еще один полк дивизии — 788-й.

«Подкрепление!» — поняла Гуля.

Да, это было подкрепление. Полк продвигался к высоте. Но он был еще далеко. А с высоты под натиском врага откатывалась рота первого батальона. Командира с ней не было. Осколком немецкого снаряда его убило наповал.

И опять какой-то стремительный порыв словно подхватил Гулю. Она забыла боль, усталость, страх — все на свете.

— Товарищи! — закричала она и словно издали услышала свой сильный и звонкий голос.— Я — первая на штурм! Кто за мной? В атаку, вперед! За Родину!

— Вперед! — подхватил один голос.

— За Родину! — гулко отозвались десятки голосов.

Гуля, нагнувшись, пробежала несколько шагов и вдруг будто споткнулась, поднялась и снова упала.

Троянов обернулся, положил автомат на землю.

— Гуля! — окликнул он ее.— Да что же это с тобой?

Но она не отвечала.

Он стал было расстегивать ворот ее гимнастерки и почувствовал на своих руках кровь. Ранена. В грудь.

Гуля глухо застонала, рванулась и, запрокинув голову, с трудом выговорила:

— Ничего... Чья высота? Наша?

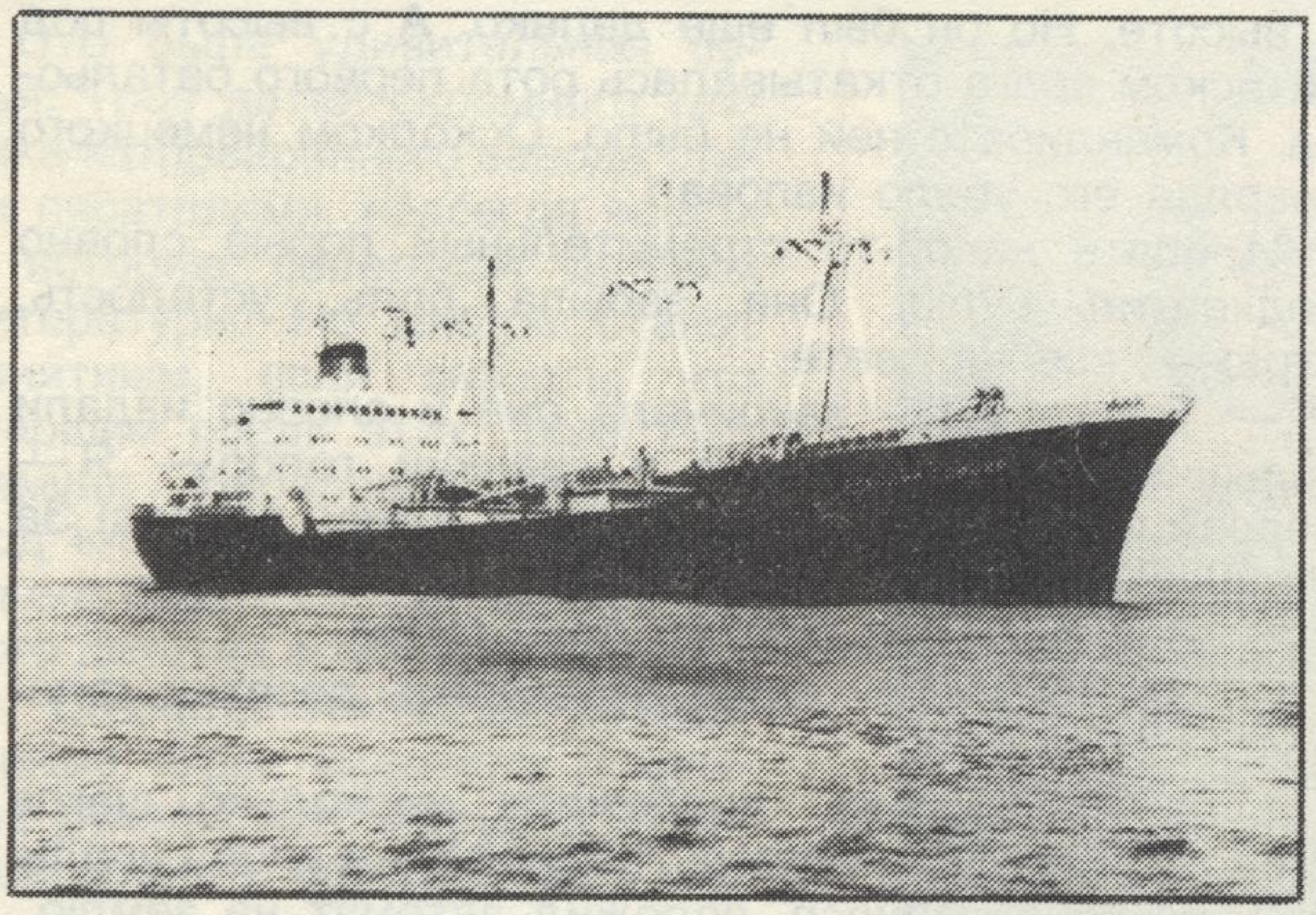
Она пыталась еще что-то сказать, но понять ее было трудно. Уже похолодевшую Гулю бережно положили на плащ-палатку, а вокруг все так же гремел бой за высоту.

— Прощай, Гуленька...— сказал Троянов и, обернувшись, крикнул: — Товарищи! Наша Гуля убита. Отомстим за нее!

И все, кто был вокруг, ринулись на врага. Бой за высоту разгорелся с новой силой.

Дружным, единым натиском высота 56,8 была вновь взята, отвоевана, оплачена кровью — последняя высота в Гулиной жизни.

Рисунок А. ГРИШИНА.



МЕСТО РАБОТЫ — ОКЕАН

А. ХАСИН

РАССКАЗЫ О ТЕПЛОХОДЕ «АРКАДИЙ ГАЙДАР»

Окончание. Начало в № 4.

В поисках редкой марки

Как-то пришло письмо от филателистов одной из харьковских школ: «Вы бываете в разных странах,— писали они,— и, наверно, у вас на «Аркадии Гайдаре» есть тоже любители собирать марки...»

Есть, конечно.

Отвечая ребятам, я вспомнил такую историю.

Несколько дней мы выгружали в Адене рис. Босые грузчики хватали острыми крюками мешки, подтаскивали к просвету трюма, и лебедки уносили их на баржи, приблизившиеся вплотную к теплоходу.

Рейд окружали горы. В воздухе стояла мрачная духота. Вода в бухте была такой горячей, что чайки, не решаясь садиться на нее, отдыхали на прибрежных скалах.

...Последний раз я был в Адене в конце шестидесятых годов. В городе действовал комендантский час. Английские солдаты, разъезжая на «джипах», останавливали арабов, ставили лицом к стене и обыскивали, пытаясь обнаружить оружие.

По ночам в горах слышались взрывы. С улиц доносились автоматные очереди. Аден в ту пору был еще английской колонией. Но господство колонизаторов подходило к концу... И вот несколько лет спустя — новая встреча с Аденом, теперь уже столицей независимой Народной Демократической Республики Йемен.

Как-то Николай Лоскутов, матрос 1-го класса, известный на судне шахматист и собиратель марок, предложил мне:

— Поехали в город, капитан разрешил. Поищем все же эту марку.— И он развернул свою знаменитую карту.

Составленная по данным специальных каталогов, вся она была испещрена красными и синими точками, датами и восклицательными знаками.

Лоскутов собирал тему: Ленин на марках бывших колоний. Восклицательными знаками помечал места неожиданных открытий. Среди них — остров Маврикий, где в предыдущем рейсе мы грузились сахаром на Англию, и кенийский порт Момбаса. Когда в Момбасе Лоскутов увидел в витрине магазина марку с Лениным, он так рванул дверь, что она чуть не соскочила с петель. А потом долго тряс руку продавцу, который не меньше Лоскутова был рад, что рядом с королями и королевами, изображенными на марках разных государств, в свободной Кении появилась и эта — с портретом вождя первого в мире социалистического государства!

Из каталогов Лоскутов знал, что в Адене к столетию Владимира Ильича Ленина выпущена юбилейная марка. Вчера он полдня искал ее в портовой части города. Спрашивал в магазине филателии, у хозяев сувенирных лавок. Но марка была выпущена давно, и найти ее оказалось непросто.

И все же Николай не терял надежды.

Уже возвращаясь в порт, он зашел в полицейское управление. За деревянной перегородкой дремал над остывшей чашечкой кофе толстый полицейский. Выслушав Лоскутова, он засопел и позвал со двора заплаканного мальчишку. Очевидно, тот сидел в участке за какую-то провинность. Полицейский показал на нас и что-то сказал ему. Мальчишка радостно свистнул, и мы пошли за ним по улице.

В тесной антикварной лавке среди всевозможного хлама сидел старый араб и перебирал четки. Мальчишка объяснил, что нам нужно, и убежал.

Старик нашарил в углу кованый сундук, с трудом приподнял его и высыпал на прилавок груду старинных монет. Тут же было несколько марок. Я разглядел почтовые знаки кайзеровской Германии и расхохотался. Но Лоскутов не пал духом. Прогнав меня на улицу, он остался объясняться со стариком. Из лавки вышел довольный:

— Старик говорит, нужно расспросить почтовых служащих.

Ближайшая почта была в порту. Сюда мы и заглянули на следующий день. Один из ее работников, поглядев каталог Николая, посоветовал съездить в Кратер, в главное почтовое управление.

Ждать автобус на солнцепеке было невыносимо, решили ехать на такси.

Машина стояла неподалеку, в жаркой тени пальм. Шофер, сидя на земле, читал письмо, водя по нему пальцем. Когда мы подошли, он поднял голову и расплылся в улыбке:

— От сына, учится в Москве!

Мы выехали на шоссе, идущее вдоль бухты. В затонах покачивались деревянные фелюги[1]. На низких

[1] Фелюга — небольшое парусное судно.

облаках, повисших над мысом, вспыхивали отблески электросварки.

— Сейчас вот строим новый флот,— показывая на покатый мыс, сказал шофер.— Народная власть дала нам возможность стать квалифицированными рабочими. А при англичанах мы могли лишь прислуживать в особняках богачей или работать носильщиками, оставаясь для господ до седых волос «боями»...

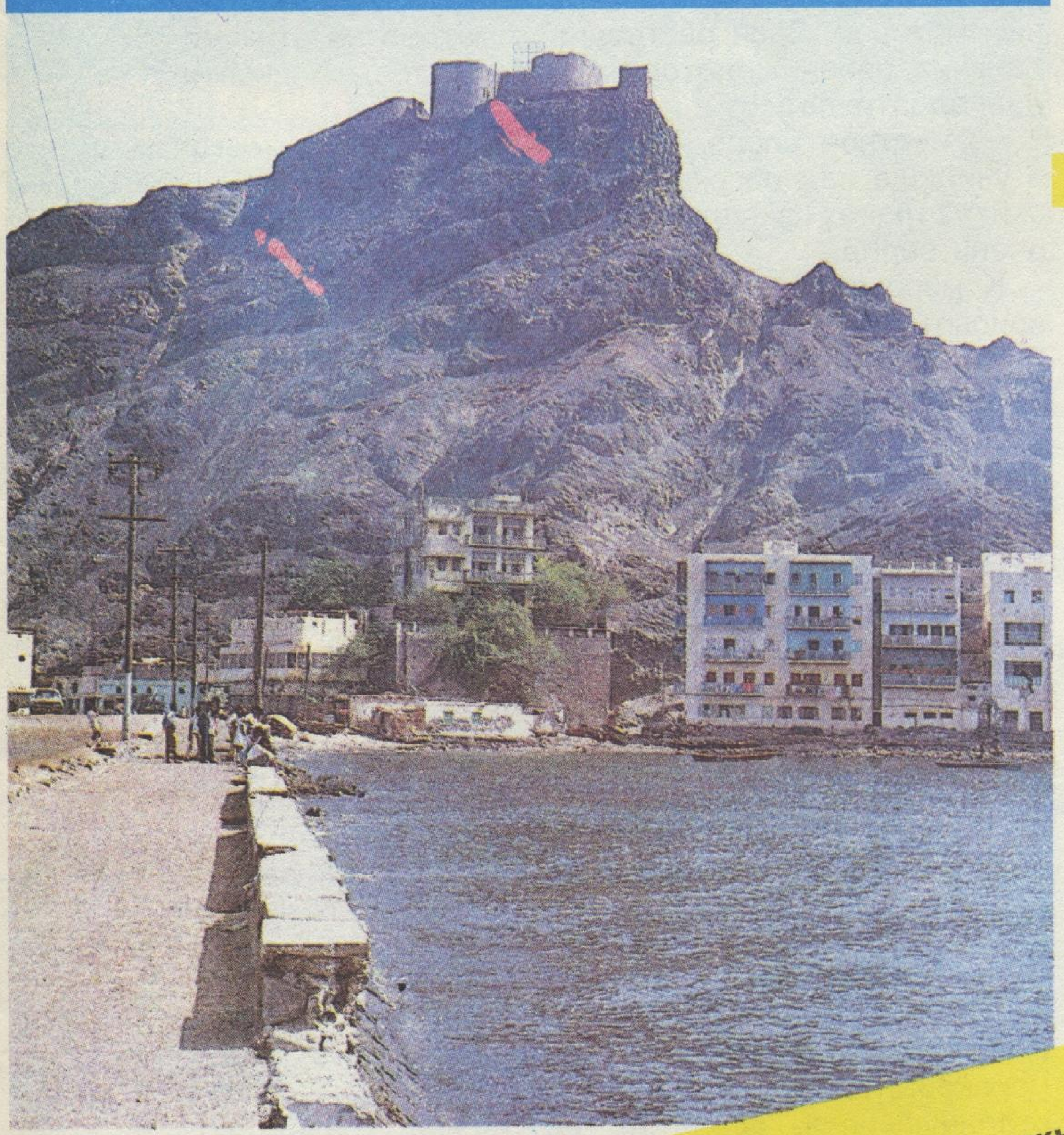
Кратер, так называют один из районов Адена в провале гор, и в самом деле является кратером древнего потухшего вулкана.

У входа в главное почтовое управление рос одинокий кактус. На его длинные иголки были наколоты надорванные автобусные билеты. Хромой сторож срывал их и швырял в мусорную корзину.

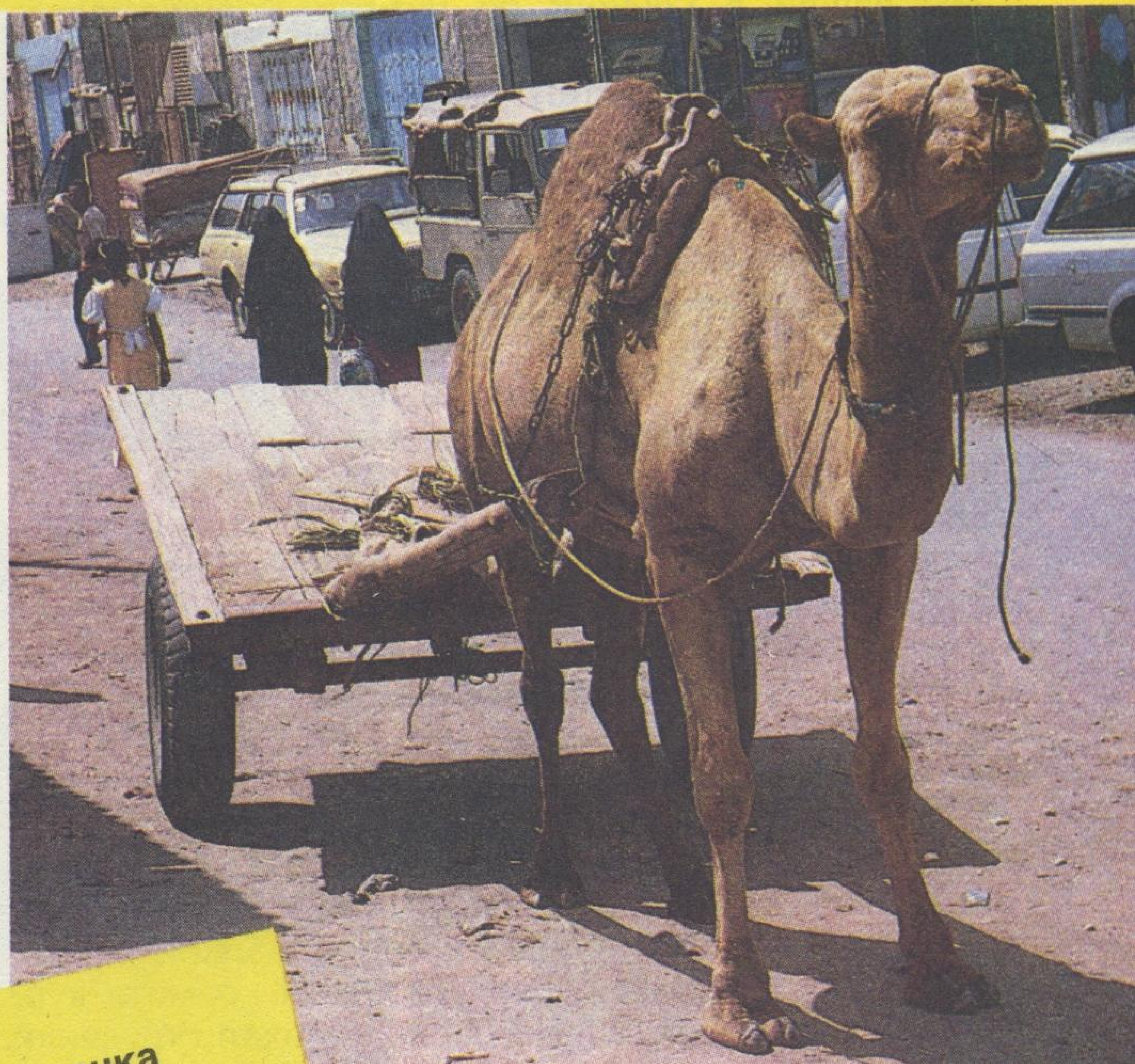
Мы вошли в небольшое помещение, заставленное мешками с почтой. На некоторых заметили названия наших газет: «Правда», «Известия», «Труд». За письменным столом сидел молодой клерк. Выслушав нас, он улыбнулся и достал из стола альбом с марками, выпущенными молодой республикой за годы независимости.

Мы увидели марки революции — крестьян, бросавшихся с мотыгами на английских солдат, рабочих, которые, подняв над головами винтовки, шли навстречу радуге, разгоравшейся над нефтяными вышками.

И среди этих марок была та, которую искал Лоскутов. Ильич смотрел требовательным взглядом, словно напоминал, что революция — дело не одного дня. За нее нужно бороться до конца.



Фотографии Н. ТАРАСЕНКО.



Аден — самая южная точка Аравии.

На обратном пути шофер неожиданно остановил машину и протянул нам листок бумаги.

— Напишите что-нибудь по-русски, я обязательно пошлю сыну и расскажу, как помогал вам искать эту марку.

Лоскутов взял листок бумаги, подложил под него свою карту и вывел крупными буквами одно слово: «ЛЕНИН».

— Ленин,— взглянув на бумагу, прошептал шофер, и приложил листок к губам.

А Лоскутов развернул карту и поставил на ней очередной восклицательный знак.

Мужичок с ноготок из Гонконга

В предрассветных сумерках Южно-Китайского моря над нами низко прошел самолет. Сделав круг, он пронесся над мачтами и ушел за горизонт.

Мы подходили к Гонконгу. Показались мрачные скалы с мощными радарными антеннами. Над судном жалобно кричали чайки.

Мы зашли в Гонконг по пути в Японию сдать небольшую партию хлопка.

В клюзе[1] прогрохотал якорь. На мачте поднят английский флаг. По трапу сходит английский лоцман. Ведь Гонконг — английская колония.

Как только от нашего трапа отвалил карантинный катер, к борту подошла ветхая баржа. На носу стоял мальчишка-матрос. Ловко бросив швартовный конец, он заглушил стучавший на весь рейд мотор и показал жестом: «Начинайте погрузку!»

Мальчишке было лет двенадцать. Но держался он солидно, как настоящий шкипер. На корме баржи кудахтали куры и сидел, почесываясь, грязный пес. Ветер трепал развешанное на веревке белье. Из надстройки выглянула молодая женщина, на руках она держала ребенка. Женщина что-то крикнула мальчишке, и он, спохватившись, начал стаскивать с трюма брезент.

— Ай да матросик! — засмеялись наши ребята.

— Мужичок с ноготок!

А маленький матрос, не обращая на нас внимания, сложил по-хозяйски брезент, попробовал ногой туго натянутый швартовный конец и валкой походкой бывалого моряка пошел на корму кормить кур.

Подошло еще несколько барж, приехали грузчики, и началась выгрузка.

...Не часто заходят черноморские суда в Гонконг. Понятно, с каким нетерпением ждали мы увольнения на берег. И вот — сняты надоевшие за океанский переход рабочие робы, все увольняющиеся в тщательно отглаженных брюках, в галстуках.

Набережная Гонконга встречает толпами туристов, блеском автомашин и рикшами. Опустив на асфальт оглобли колясок, владельцы этого «транспорта» стоят в тени небоскребов, приглашая туристов воспользоваться их услугами.

Со мной в группе был самый молодой член экипажа — практикант Херсонского мореходного училища Вася Слободян. Как сказал мне Вася, ему нужно осмотреть весь город, сфотографировать все его достопримечательности и сходить в «какое-нибудь заграничное кино». Я не имел ничего против такого плана, но, когда я назвал Васе примерные цены в кинотеатрах, он не поверил. Почему-то многим, не бывавшим за границей, кажется, что там «все стоит копейки». Осмотрев в районе набережной все достопримечательности, мы подошли к кассе кинотеатра. Цены оказались еще выше, чем я предполагал, и мы решили продолжить знакомство с городом.

Ближайшая улочка встретила нас мелодичным звоном. В воздухе пахло дымом. Оказалось, что в каждом дворе были кузнецы и всевозможные мастерские. Вдруг Вася остановился:

— Мужичок с ноготок!

— Какой мужичок? — не понял я.

— Мальчишку-матроса помните с баржи, которая подошла к нам утром?

— Ну?

— Смотрите!

И я увидел в кузницах и в авторемонтных мастерских рядом со взрослыми детей. Они подносили к наковальням раскаленные болванки металла, ползали под искалеченными автомашинами, сдирая старую окраску или мыли в керосине детали разобранных моторов. Вася растерянно смотрел на этих маленьких рабочих, которым было не более десяти-двенадцати лет.

— Честное слово,— сказал вдруг Вася,— когда в училище нам рассказывали, что в капиталистических странах эксплуатируют детский труд, я не очень верил...

К морскому вокзалу, куда за нами должен был прибыть катер, мы подошли к вечеру. Вася молчал. За день он успел насмотреться в Гонконге всякого. Видел жалких, оборванных старух, выпрашивавших у прохожих милостыню, продавцов газет, умудряющихся продавать газеты владельцам машин, пока они стояли перед красным сигналом светофора на перекрестках, видел подравшихся уличных портных — один из них отбил у другого клиента...

Утром ко мне зашел капитан:

— К вечеру выгрузку закончат. А сейчас агент приглашает нас в город. Оформим кое-какие бумаги и поедем смотреть Гонконг.

— Насмотрелся вчера...

Капитан засмеялся:

— Так то пешком, другое дело на машине!

Агент, молодой рыжеватый англичанин, представился коротко: «Джон». Домчавшись на его катере минут за пять до морского вокзала, мы вошли в агентство, которое находилось тут же, на набережной. Каких только контор не было в этом здании! И нотариальные, и адвокатские, и страховые, и даже морской суд. У дверей суда ссорились два шкипера, столкнувшиеся, вероятно, на тесном гонконгском рейде. Если бы не англичанин-полицейский, с притороченной к поясу резиновой дубинкой, наблюдавший у дверей суда за порядком, шкиперы наверняка вцепились бы друг в друга.

Оформив документы, связанные с выгрузкой судна, мы вышли на набережную. Агент, открывая дверцы машины, сказал: — Вчера вы видели Гонконг снизу, я покажу вам его сверху.

Сев в машину, мы поднялись на высокую гору и остановились возле широкой смотровой площадки. Под нами в разливе солнца тонул город. А вокруг, среди сочной тропической зелени, белели виллы.

Мы вышли из машины. На площадке были установлены подзорные трубы. Опустив монету, можно было в течение трех минут рассматривать гонконгский рейд.

Когда, возвращаясь, мы въехали в путаницу городских улиц, перечеркнутых слепящим блеском трамвайных линий, и Джон остановился у светофора, я не удержался и спросил о рикшах.

— О! — оживился Джон,— это же экзотика! Гонконг — город туристов. Причем богатых туристов.

[1] Клюз — отверстие в борту судна для выпуска за борт якорной цепи.

На улицах японских городов.

Фотографии Ю. АБРАМОЧКИНА.

А богатые люди хотят за свои деньги получать богатые впечатления! Чудовищная эксплуатация человека, говорите вы? В условиях безработицы каждый рикша, заполучив седока, счастлив. Да, да!— заверил нас Джон.

Проехав полукругом бухты, мы обогнули скалы и увидели город на воде, образованный стоящими на якорях рыбачьими джонками. Город со своими улицами, переулками и даже площадями, по которым кружили лодки, переполненные туристами. Щелкали затворы фотокамер, стрекотали киноаппараты. Туристы упивались «экзотикой». А на джонках, как и на баржах, которые окружили «Аркадий Гайдар», жили целыми семьями рыбаки. Здесь стирали, готовили пищу, купали в лоханях детей, не обращая внимания на назойливые объективы. Ведь других жилищ у рыбаков не было.

К вечеру мы были уже в море. И снова, мигая огнями, прошел низко над нами самолет. За кормой глухо шумел винт. Бурлящая струя воды убегала к горизонту, за которым скрылся Гонконг.

«Гайдар» в Японии

В этой стране нам приходится бывать часто. Мы возим в Японию руду, чугун, хлопок. А оттуда в порты Черного моря доставляем трубы и различное заводское оборудование. Вот и сейчас, когда я пишу эти строки, мы идем из японского порта Кокура

с грузом труб на Ильичевск. Идем из той самой Кокуры, которая в 1945 году была выбрана американцами первой атомной целью. Город спасла густая облачность. Именно облака, закрывшие в то роковое для человечества утро — 6 августа 1945 года — Кокуру, заставили бомбардировщик «Б-29» с атомной бомбой на борту повернуть на запасную цель — Хиросиму...

До погрузки в Кокуре мы целый месяц выгружали у заводских причалов Осаки, Кавасаки, Иокогамы чугун. Рядом выгружали металлолом другие суда.

Металлолом в Японию везут из разных стран. На рейдах японских портов можно видеть стоящие на мертвых якорях старые пароходы, проданные хозяевами в переплавку. Жутко смотреть на эти обреченные, некогда красивые пассажирские и грузовые лайнеры. Мачты их голы, такелаж снят, названия затерты. Иллюминаторные стекла вынуты, и суда глядят в небо пустыми глазницами.

Ночи у заводских причалов Японии бессонны. В иллюминаторах отражается яркое пламя доменных печей, в каюты заползает едкий дым и с угрожающим звоном проходят у трапа железнодорожные платформы, роняя из тяжелых ковшей горячие брызги металла.

По утрам у нашего трапа, словно солдаты, выстраиваются грузчики. С солдатами их роднит форма «хаки» и каски. Но прежде всего — дисциплина. Перед началом работы грузчики делают зарядку. Потом, по свистку бригадира, быстро спускаются в трюм. Никаких разговоров, никаких перекуров. Работа! Быстрая, слаженная, аккуратная. Обед грузчикам привозят на судно. По тому же свистку грузчики поднимаются наверх, усаживаются в кружок и, получив маленькие пластмассовые коробочки, начинают орудовать деревянными палочками — «хаси». В коробочках рис, ломтики маринованной редьки, сдобренная соевым соусом рыба. Пообедав, грузчики закуривают. Кто просматривает газеты, кто перекидывается в карты. Некоторые ложатся в сторонке подремать. Свисток! Затаптываются окурки, быстро, как по тревоге, грузчики спускаются в трюм. И — снова работа! Обрывки газет, окурки и коробочки от еды подметают старики-пенсионеры. В конце рабочего дня за грузчиками приходит автобус. Снова свисток. Не снимая касок, японцы сбегают по трапу. В касках они будут ехать до проходной порта. По правилам техники безопасности порт считается опасной зоной...

В Японии у «Аркадия Гайдара» много друзей. В Кавасаки к нам всегда приходит худенькая женщина в больших роговых очках, представительница общества японо-советской дружбы. Когда несколько лет назад мы знакомились с ней, никак не могли выговорить ее имя. Смеясь, она попросила называть ее Сюзанной. По профессии Сюзанна портниха. Русский язык учила на специальных курсах, которых много в Японии. Отделение общества дружбы проводит встречи заводских рабочих и представителей городской общественности с моряками советских судов, спортивные соревнования, вечера песни. В эту стоянку Сюзанна устроила нам встречу с молодыми рабочими сталелитейного завода. Гости прибыли со своим оркестром, который прекрасно исполнял советские песни. Внимательно слушали молодые японцы рассказ о жизни и творчестве Аркадия Петровича Гайдара. На прощание мы все вместе спели «Пусть всегда будет солнце!». Оказалось, эта песня у молодежи Японии считается чуть ли не антивоенным гимном. Ее поют на молодежных митингах и всевозможных праздествах. Поют школьники, студенты, молодые рабочие.

В Иокогаме к нам в гости пришел тоже наш давний знакомый, школьный учитель Мицухиро Ямамото, бывший солдат Квантунской армии. Эта армия во время второй мировой войны стояла на наших дальневосточных границах, готовая в любой момент вторгнуться на советскую территорию. Но в августе 1945 года, когда Советский Союз вступил в войну против милитаристской Японии, Квантунская армия была разгромлена, а многие ее солдаты и офицеры взяты в плен. Ямамото был солдатом-смертником. Обвязавшись взрывчаткой, смертники должны были бросаться под наши бронированные машины. Ямамото не бросился под советский танк. Смерти он предпочел плен. Ведь ему было в ту пору всего 19 лет!.. Свыше трех лет провел молодой японец в лагере для военнопленных. Там Ямамото не только выучил русский язык, но и полюбил русские книги. Библиотекой в лагере заведовала военный врач Нина Николаевна Воронцова. Имя и фамилию этой женщины Ямамото запомнил на всю жизнь. День Нина Николаевна проводила в больничном бараке, а по вечерам выдавала пленным книги. Родилась и выросла она на Сахалине, училась в Москве. Перед войной работала в советском посольстве в Токио, неплохо знала японский язык. Приобщая пленных к чтению русской литературы, Нина Николаевна рассказывала им о Пушкине, Гоголе, Льве Толстом, о советских писателях. Однажды она дала Ямамото книжку Гайдара «Школа». Прочитав ее, Ямамото попросил еще, но других книг Гайдара в библиотеке лагеря не было, и Нина Николаевна выписала их из Хабаровска. Так Ямамото прочитал «Военную тайну», «Чука и Гека», «Тимура и его команду». Вернувшись из плена на родину, он решил посвятить свою жизнь воспитанию детей в духе идей мира и братства между народами. Ямамото стал школьным учителем. Из-за своих убеждений ему не раз приходилось менять и место работы, и место жительства. Несколько месяцев даже провел в тюрьме. Его преследовали за участие в забастовках учителей, в демонстрациях против американских военных баз на японской земле, за распространение коммунистической газеты «Акахата». Японская военщина готовила из Ямамото солдата-смертника. Он же стал солдатом мира.

Мы заканчивали в Иокогаме выгрузку, когда у нас по корме начал швартоваться японский военный корабль. Он выглядел совершенно новым, видимо, только сошел со стапелей. И тут произошло неожиданное. Японские грузчики, забыв о дисциплине, бросили работу, сбежали на причал и начали что-то возмущенно кричать. Со стороны моря к кораблю подошло несколько катеров. На них было полно людей. Размахивая транспарантами, они возмущенно кричали. Вскоре корабль ушел. В обеденный перерыв я спросил говорившего по-русски стивидора [1]:

— Как вам удалось так быстро организовать демонстрацию протеста?

Японец ответил коротко:

— Хватит с нас августа сорок пятого!..

А в Осаке мы видели забастовку.

У входов в универсальные магазины, в метро, на вокзале стояли пикетчики и раздавали прохожим листовки. Служащие железных дорог и машинисты метро требовали повышения заработной платы и улучшения условий труда. Их поддержали команды японских судов. Порт не работал. Пароходы стояли под мятежным небом, и мачты их напоминали сомкнутые штыки.

[1] Стивидор — портовый служащий, в ведении которого погрузка и выгрузка груза на судах заграничного плавания.

Бастующие победили. В городе снова оживилось движение, с грохотом открылись трюмы, и возле элеватора, неподалеку от которого стоял «Аркадий Гайдар», вскипела пшеничная пыль.

Из Кокуры мы уходили в теплый весенний день. С причала нам махали касками грузчики. А на город с моря шли веселые от солнца облака.

Проводы

Недолго нам приходится гостить в родном порту. Выгрузка, погрузка, и — снова отход.

Ночь. Из-за маяка налетает легкий туман, быстро тает, и на закрытых крышках трюмов проступает влажный блеск звезд.

На причале стоит автобус. Шофер, прислонившись к капоту, поглядывает на трап, по которому никто не торопится сходить. Он не возмущается, этот шофер. Он обслуживает моряков, и по ночам часто стоит у трапов уходящих в дальние плавания судов.

Тихо в порту. Уставшее за день море чуть слышно плещет о причалы. Белой цепочкой застыли на швартовных концах чайки.

Приближается буксир. Он коротко, вежливо гудит, и мачта его, раскачиваясь от иллюминатора к иллюминатору, словно приглашает: пора.

На причале появляются швартовщики, чтобы сбросить в воду наши швартовные концы. Но, видя, что палуба пуста, они закуривают и ждут. Они знают, что означает для моряка отход, последние прощальные слова. Ведь швартовщики — сами матросы, только пенсионеры, которые никак не могут расстаться ни с запахом просмоленных концов, ни с перемигиванием рейдовых огней, ни с ночным, вечно волнующим запахом моря...

Но вот трансляция разносит по палубам «Аркадия Гайдара» строгий голос старпома:

— Провожающим оставить судно!

Хлопают двери кают. В коридоры выводят заспанных детей. Они уснули в ожидании нашего отхода.

Как обнимают их! Как стараются почувствовать на щеке теплое касание их губ! И как потом, в долгом одиночестве кают, в бешенстве океана, когда только слепая пена и будет заглядывать в наглухо задраенный иллюминатор, как будут вспоминаться эти заспанные глазенки, эти сонные прощальные слова!

Буксир нетерпеливо гудит. Провожающие сходят на причал.

На баке грохочет брашпиль, выбирая якорную цепь. Матросы сматывают на вьюшки сброшенные швартовщиками концы.

А за волноломом, в прожекторных вспышках маяка ждет море — наша работа. Работа — на обмороженной до звона палубе, в дымном пожаре туч, в бешеном кипении волн, когда только успевай хвататься за поручни мокро и весело блестящих трапов. Работа — в духоте машинных отсеков, где не видно ни воды, ни неба, где только гул дизелей да обдувает разгоряченные тела тугой вентиляторный ветер.

Но нет и ничего не может быть для нас взамен, как ничего не может быть для пахаря взамен земли.

Автобус поднимается в город, и, когда море окажется внизу, наши жены, боясь разбудить уснувших детей, осторожно протрут запотевшие стекла и будут искать наши уже невидимые огни.

А мы будем уходить все дальше и дальше. В океан...

УЗНАВАЙКА

ПОЧЕМУ ИХ НАЗВАЛИ ТАК?

На свете почти 400 пород собак, и каждая както называется. Откуда берутся эти названия? И происхождение бывает порой самым неожиданным, а кажущаяся мудреность таит немало любопытного.

Так, в Англии с давних пор существовало народное зрелище наподобие испанской корриды. Только бой с быком вел не тореадор, а собака. Для этих боев и вывели специальную породу приземистых, сильных и бесстрашных «бычьих» собак, то есть бульдогов (по-английски «буль» — бык, «дог» — собака).

Похожий на медведя, большой, лохматый бобтейл прославился своим неповторимым... хвостом, имеющим форму боба. Отсюда пошло и название: «тейл» по-английски хвост, а «боб» — боб на многих языках.

Незаменимым в сыскной полиции, Скотланд-Ярде, стал доберман-пинчер. Но напрасно искать смысл названия в особенностях этих собак. Потому что Доберман — фамилия собаковода, которую он «подарил» созданной им породе.

Очень популярны стали в наши дни породы собак, выведенные когда-то пастухами для охраны овечьих стад. И хотя сейчас у этих собак много других важных дел, в память об их роли овчаров они по-прежнему называются овчарками.

Поражают меткостью названия охотничьих пород. Лайка, например, выследив белку или соболя, «облаивает» их для охотника. А легавые собаки, разумеется, никого не лягают. Почуяв добычу, они принимают особую настороженную стойку, как бы прилегают перед броском. От русского корня "лег, лечь» и образовалось это название. У пород, именуемых «сеттер», своя оригинальная манера. Эти собаки, разыскав дичь, присаживаются около нее и поджидают хозяина (по-английски «сидеть» — «сет»). А вот собаки для охоты на лис, барсуков и других обитателей земляных нор получили название «терьер» от латинского «терра» — земля.

Иметь «свою» породу почетно собаководам каждой страны или даже местности. Так возникли не просто овчарки, а немецкая, кавказская, шотландская; сеттеры — английский, ирландский, шотландский; борзые — афганская, итальянская, русская и так далее. И лишь одна порода — спаниель — имеет название, неразрывно связанное с названием страны. «Спан», или «спейн», означает Испания, следовательно, спаниель — испанка, и откуда она родом, теперь каждому ясно...

Ясно-то ясно, но дело в том, что все спаниели в Испании — привозные, из других стран. А собственных там никогда не водилось, и как к собакам «прилипло» это название, не знает никто.

М. ЗАЛЕССКИЙ

Ответы на кроссчайнворд, напечатанный в № 4.

1. Париж. 2. Зарница. 3. Алена. 4. ВАЗ. 5. Среда. 6. Финал. 7. Рис. 8. Пеликан. 9. Арбалет. 10. Ас. 11. Сбруя. 12. Струг. 13. Тимирязев. 14. Голкипер. 15. Кизил.

«КАРАВЕЛЛА»: МНОГОЕ БЫЛО НЕ ТАК!

Уважаемая редакция!

Прочитав материалы о IX Всесоюзном слете пионеров в Артеке, напечатанные в 12-м номере журнала за прошлый год, а затем в 1-м номере за этот год, мы спросили ребят, которые представляли «Каравеллу» в пресс-центре слета: «Неужели там все было, как написано? Вы о многом рассказывали иначе».

Затем состоялось обсуждение.

Как результат обсуждения посылаем вам отклики наших юнкоров Егора Подолинского и Кости Трясунова.

Пресс-центр «Каравелла»

Егор ПОДОЛИНСКИЙ:

«В декабре пришел я домой из школы и слышу: «Там про тебя в «Пионере» написано...» Я схватил журнал. И по мере того как читал, настроение все больше падало. Потому что очень уж большая разница между тем, что было в слетовском пресс-центре и что написала про это редактор отдела пионерской жизни Марина Матвеева. А ведь была с нами на слете!

Допустим, что посторонний читатель ничего о слете не знает и взял журнал. И вот какое у него складывается впечатление: приехали юнкоры на слет и начали суетиться, куда-то и зачем-то бегать, на каких-то дискуссиях высказали свои идеи, а потом сидели и горько удивлялись: «Почему с нами не согласны?» Потом юнкоры узнали, что не имеют права выступать на каких-то сборах, голосовать, и расплакались.

М. Матвеева не то чтобы осуждает нас, а жалеет: юнкоры неопытные, глупенькие, сами не сумели проголосовать и других уговаривали не голосовать за решения слета. Сами запутались и многих запутали. Но юнкоры, мол, не виноваты, откуда у них будет опыт, ведь раньше они на слетах не бывали!

А что, юнкоровский опыт только на слетах появляется? Разве корреспондентские отряды «Синий краб — зюйд», «Пламя», «Каравелла», «Солярис», юнкоровские пресс-центры и корпункты в разных городах существуют первый год? Разве мало копий поломали ребята, отстаивая свои точки зрения на разных страницах — от стенгазет до центральных журналов и «Пионерской правды»?

Нам не хватило не опыта, а только прав. Кто-то предусмотрительно решил, что юнкоры не делегаты, а только «участники». Работать с утра до вечера над артековскими газетами юнкоры могут, а высказываться на дискуссиях и голосовать им нельзя! А если и удавалось высказаться, то что? На дискуссиях сидели взрослые дяди и тети, которые упорно пытались навязывать ребятам свое «решение слета». Мы им — конкретные предложения про РВО, а они нам: «Это надо обсудить, это так просто не решается, надо обдумать, поговорить, поэкспериментировать...»

Мы не *уговаривали* делегатов, а *объясняли* им неправильность, беззубость навязанного решения. И что значит «глупо голосовать против решения»? (Это так М. Матвеева пишет.) Мы считали, что решение надо сначала как следует подготовить. Иметь свое мнение — глупость? А голосовать за решение, которое считаешь неправильным,— умно? И честно? Это, по-моему, самая настоящая бюрократия: голосовать за любое решение, потому что «слет без него не может закончиться»! Лишь бы все было «по правилам»!

Но, кстати, я считаю, что слет за решение так и не проголосовал. Взрослые руководители убедили ребят «проголосовать за основу», сказали, что потом штаб внесет изменения и предложения. А много внесли? Прочитайте варианты решения, написанные до и после заключительной линейки, на которой делегаты подняли шум. Их оба, один за другим, напечатала в то время «Пионерка». Велика ли разница?

То, что написано в решении про РВО — это разве конкретно? Разве понятно, какие у РВО должны быть права?

А такая фраза: «Пожалуйста, сделайте правилом — отряд не может создаваться без вожатого. Разрешите нам выбирать самим отрядного вожатого». К кому обращена эта жалобная просьба?

В декабре прошлого года, 13-го числа, когда мы начали готовить это письмо, вышел номер газеты «Правда» со статьей об артековском слете. Наконец-то после всяких уклончивых репортажей и телепередач сказано о слете все, как там было. И правильно, что воспитание пионеров ведется «при помощи бюрократической машины, не нужной ни взрослым, ни детям».

А о каких ошибках юнкоров написала М. Матвеева, я даже не могу понять. Наверно, нашей ошибкой было то, что мы не сразу поняли, что имеем дело с хорошо организованной взрослыми «игрой в демократию».

Мне могут возразить: «Зачем писать об этом сейчас, когда после слета прошло столько времени?» Но мы не виноваты, что каждый номер журнала готовится несколько месяцев и ответить сразу невозможно. А кроме того, истина нужна всегда, а не только «по горячим следам».

Костя ТРЯСУНОВ:

«Прежде всего хочу сказать, что «Каравелла» никогда не предлагала вывести всю пионерскую организацию из школы, как это написано в 1-м номере. Мы считали, что дружины и отряды должны создаваться везде — и в школе, и за ее пределами,— там, где есть условия и руководители, где удобнее и интереснее для ребят и полезнее для дела. И при этом мы всегда говорили и писали, что и школьные, и внешкольные отряды и дружины должны обладать полными пионерскими правами (без таких прав — отряд не отряд, а клуб или кружок). С такими идеями мы выступали и на слете.

С другой стороны, мы считаем, что в школьных пионерских организациях полным-полно формализма и бюрократизма. Даже когда вводят «новшества». Осенью один пятиклассник нам рассказывал: «У нас в школе объявили, что теперь будут только разновозрастные отряды. А кто ни в какой не запишется, выгонят из пионеров». Скорее всего это просто фраза, брошенная на ходу какой-нибудь учительницей или вожатой. Но разве не веет от нее прежней бюрократией?

В причинах формализма и бюрократизма, который крепко въелся в пионерскую организацию, мы по заданию редакции старались разобраться. Свою точку зрения юнкоры нашего пресс-центра изложили в отдельном материале. Так что разговор будет продолжен».

«ПИОНЕР»: И ВСЕ-ТАКИ МНОГОЕ БЫЛО!

Егору Подолинскому, Косте Трясунову, пионерскому пресс-центру «Каравелла», а также всем читателям «Пионера», кто захочет прочитать эти страницы журнала.

Добрый день!

Что ж, уважаемые Егор и Костя, сознаюсь: самыми первыми чувствами после прочтения вашего письма в редакцию были раздражение и активное неприятие ни ваших доводов, ни интонаций. Как нам показалось, слишком резко, категорично, а главное — не вполне справедливо. В отношении же материалов, с которыми вы полемизируете,— еще и не очень добросовестно. А потом, основательно поспорив между собой, мы все же сошлись во мнении: а почему, собственно, иная, отличная от нашей точка зрения обязательно должна быть «заблокирована»? Ребята тоже вправе рассчитывать, что их наблюдения и мысли найдут дорогу к читателю. Иначе может получиться, как у одного заядлого бюрократа, самостоятельно установившего закон: «Есть две точки зрения: моя — и неправильная!» И потом, разве не учит нас сегодня взрослая, партийная, печать, как уважительно следует относиться к разным суждениям и как в сопоставлении, а порой и борьбе противоположных мнений рождается умение не только слышать, но и слушать других?

По правде говоря, меня не очень смущает, что вы разошлись во мнениях с работником нашего журнала: каждый имеет право писать так, как он увидел событие или явление. Но за годы нашего сотрудничества мы привыкли считать вас своими коллегами, поэтому объясниться все же следует.

Искусство полемики насчитывает столетия. И столько же времени известен забавный прием: оспаривать не то, что «впрямую» утверждает оппонент, а предварительно «пересказав» его доводы, при этом самую малость истолковав их в выгодном для собственной позиции свете. Наберитесь терпения и еще раз перечитайте материалы М. Матвеевой. А затем — свое письмо в редакцию. Сопоставьте аргументы. Например, об опыте. По-моему, сказано достаточно определенно: опыта не хватило ВСЕМ — и организаторам, и делегатам, и участникам слета. Опыта для проведения после долгих лет «радостного восторга» слета, который не марширует и празднует, но решает и действует. И каким образом при этом поставлен под сомнение юнкоровский опыт посланцев «Каравеллы» и их друзей? Точно так же переосмыслен призыв «вывести пионерскую организацию из школы» со ссылкой на мнение Кости. Но ведь в разговоре речь шла о выводе пионерской организации из круга чисто школьных, подведомственных учителю проблем! Так эти слова и воспринимаются в нашем «Банке идей».

Теперь о решениях слета. Не спорю, далеко не всем они понравились по своему содержанию, интонациям, акцентам. Но зачем же во всем обвинять обманщиков-взрослых? Вы ведь хорошо помните, что слету предшествовала широчайшая дискуссия о путях развития пионерского движения. Более четырех с половиной тысяч писем с предложениями, требованиями, сомнениями, категорическими возражениями пришли в Центральный Совет Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина и в «Пионерскую правду». Многие из них учтены уже при создании проекта решения. И в ходе слета обсуждались и учитывались многочисленные предложения делегатов. Окончательное решение выносили они сами. Конечно, не все, даже высказанные в самой решительной форме пожелания смогли пройти — но ведь это же совершенно естественно! А как иначе, каков здесь предмет спора? Не хочу сказать, что решения слета — идеальный во всех отношениях документ, но то, что это работа честная,— лично для меня несомненно.

Знаете, ваше письмо о материалах журнала по слету не единственное в нашей почте. Написали нам и другие юнкоры. Вот они-то ставят вопрос несколько иначе: не пора ли переходить от рассказов о слете к анализу уже сделанного и несделанного, к материалам о том, как «работают» решения слета, как действуют делегаты в своих дружинах и отрядах, не потерялись ли они за суетой школьных надобностей. Вы действительно не виноваты, что каждый номер журнала готовится к печати несколько месяцев, а «поэтому ответить сразу невозможно». Но юнкоры «Каравеллы» не могут не знать, что так же мало виноват в этом и «Пионер» — условия производства устанавливает, увы, не он. Еще несколько месяцев пройдет, прежде чем ваше письмо будет напечатано, несмотря на то, что мы ставим его в номер «с колес», сняв уже готовые, плановые материалы. И все-таки получится, что мы с вами застряли в давно прошедшем времени, хотя поговорить и рассказать сегодня есть о чем, а тем более «Каравелле». Это тем удивительнее для меня, что я знаю, как плотно вы работаете и после слета. Это благодаря настойчивости и неуступчивости «Каравеллы», ее единомышленников сдвинулись с мертвой точки дела с разновозрастными отрядами,— кстати сказать, в полном соответствии с решениями IX слета.

«Кто-то предусмотрительно решил, что юнкоры не делегаты, а только участники слета...» А вот это обидно. Да, эти «кто-то» я и мои коллеги по бюро Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации. Это мы предусмотрительно решили, что на слете должно побывать как можно больше юнкоров, пусть в качестве участников. Конечно, лучше, чтобы вы были делегатами, но ведь для этого надо, чтобы юнкоры были избраны. Думаю, в этом месте можно воскликнуть — «подумаешь!» — и привести примеры, как кто-нибудь когда-нибудь обходил правила, но вот только стоит ли? Мы ведь вместе за правду, и не только «по горячим следам».

«Многое было не так...» Понимаю, о чем идет речь: очевидно, наш корреспондент и вы увидели горячие дни слета по-разному. Правда, эти же слова не один раз говорили, писали, печатали в ином, более широком смысле, ими оценивали весь слет вообще. Что ж, вполне вероятно, что сегодня многое было бы сделано лучше, ярче, яснее, чем вчера. И все-таки многое БЫЛО — взаправду, на самом деле, а не в пухлых отчетах и радостных рапортах.

Тем не менее я рад вашему письму. Когда долго шагаешь по гладкой и прямой дороге, то очень скоро перестаешь глядеть по сторонам. Затем уже не думаешь о маршруте и цели пути. В голову начинают лезть абсолютно посторонние мысли, и вот ты уже во власти не законов человеческого бытия, а простейшей механики: раз-два, раз-два, левой-правой... И очнуться от этого убаюкивающего ритма поможет тот, кто решительно и громко тебя окликнет. Спасибо вам за это!

Главный редактор журнала «Пионер»
А. С. МОРОЗ

Виктор ПОТИЕВСКИЙ

ЛОГОВО

ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ

Рисунки А. БОРИСОВА.

1. Двое в пещере

Игнат сидел у самого огня. Пламя было небольшим, но угли, крупные, алые, насквозь пропитанные светом и жаром, согревали душу. Он всегда подкладывал дрова понемногу, потому что большой костер тревожил Хромого, и тот сразу же выходил из пещеры и устраивался на отдых у входа снаружи. Сейчас Хромой сладко спал в дальнем углу их каменного жилья, его густая шерсть вздымалась и опускалась от ровного и глубокого дыхания. Он лежал, свернувшись клубком у стены, и видел свой волчий сон, что было понятно Игнату по вздрагиванию Хромого и едва слышному нервному всхрапыванию.

Игнат смотрел на угли. Они озарялись внутренним светом, вспыхивали, потом тускнели, подергиваясь пеплом, разваливались на части и чернели, вовсе переставая быть тем, чем были совсем недавно.

Он думал о человеческой, о своей дикой жизни среди глухого леса. Другой жизни он не помнил. Да и кто он? Человек или волк? У него не было воспоминаний. Он знал только, что его зовут, точнее когда-то звали, Игнат, и что ему сейчас восемнадцать лет. Более двух лет он живет в лесу, а когда пришел сюда, ему было шестнадцать, это он помнил.

Еще в его мозгу блуждали смутные, неопределенные воспоминания о каких-то дорогах, по которым он брел долго и тяжело, потому что голодал и мерз, о незнакомых людях, дававших ему хлеб или картошку. Но все это оставалось путаным и непонятным.

Однако среди всех видений былого, обступавших его, чаще всего во сне, самым ярким было одно: пожар, огромный, огнедышащий, горящие дома и дворы, и мертвые люди, много мертвых людей, лежащих вповалку. Это видение почему-то всегда вызывало в душе Игната глухую, но сильную боль. Ему становилось не по себе. Он начинал тяжело дышать, холодный пот выступал на лбу, на подбородке, на спине, и хотелось только одного — чтобы этот кошмар прошел.

В последние месяцы все реже виделся Игнату этот пожар, и он чувствовал себя хорошо, даже спокойно. И только глядя на огонь костра, иногда он вдруг замечал возникновение в своей душе необъяснимой, хотя теперь уже и слабой тревоги.

Хромой был, как и он, молодым и тоже одиноким. Если сказать точнее, они уже два года не были одиноки, с тех пор, как стали жить вместе. Игнат нашел его тогда в самом конце лета в густом молодом сосняке. Волчонок, изголодавшийся до предела, еле поднимая морду, пытался есть чернику и бруснику. Он, видимо, давно питался одними ягодами и дошел до крайней степени истощения. Увидев человека, попытался бежать, встал, сделал два шага и тут же упал, уткнувшись мордой в зеленые, пахучие мхи. Все-таки он смог еще оскалиться, зарычать, но огрызнуться на человека у него уже не хватило сил.

К тому времени Игнат освоился в своей дикой жизни. Пещера эта была найдена и кое-как приспособлена им для жилья. Всегда там он оставлял сухие дрова и бересту. В первую же неделю упорный парень научился снимать ножом шкуры с убитых зверей. Тогда охота шла быстрей и проще, потому что Игнат охотился с карабином, который теперь валялся в углу пещеры, ненужный и забытый,— давно кончились патроны. В первый же месяц своей дикой жизни Игнат уже спал на этих шкурах возле угольев и тлеющего огня, и ему было тепло и уютно. Это жилище было особенно ценно еще и тем, что дым от костра вытягивался вверх и, скользя по сводчатому потолку, выползал через вход наружу. Струи воздуха обтекали скальный холм снаружи и, зимой и летом, создавали такую тягу. Но огонь надо было разжигать только в одном месте, у стены. Тогда дым тянулся медленно, но выходил, а тепло от костра оставалось в каменных стенах, в полу, в душе человека.

Он принес тогда волчонка прямо в пещеру, накормил свежей олениной, обогрел, накрыв шкурами. В пещере выяснилось, что у того еще и поранена передняя лапа. Когда Игнат осматривал ее, звереныш отчаянно рычал, пытался укусить своего спасителя, но снова бессильно ронял голову на шкуры. Человек только промыл ему лапу водой, и волчонок сам потом зализывал рану. Она затянулась, заросла, но легкое прихрамывание навсегда осталось в походке волка. Игнат так и звал его: «Хромой», и зверь понимал, что это его имя.

За два года они уже притерлись друг к другу, знали привычки и потребности каждого, возможности и способности, связанные с охотой. Охотились и кормились, конечно, вместе.

Первое время Игнат всегда жарил себе мясо на костре или варил в единственной посуде — солдатском котелке, происхождения которого он тоже не знал. Как карабина, топора и некоторых других вещей, которые он принес с собой в рюкзаке. Он понимал, для чего они нужны, но не помнил, как они попали к нему. Он ничего не помнил...

Позже он стал есть мясо и сырым. Организм, молодой и сильный, требовал этого. Ведь другой пищи не было. Только мясо да ягоды и некоторые травы — он их высушивал и даже зимой добавлял в похлебку. Он знал и находил щавель, кислицу, зверобой, который заваривал, как чай, малину, морошку, чернику, бруснику, клюкву.

Хромой теперь был уже крупным и сильным волком. Легко, с первого раза убивал северного оленя. Он резал жертву, нанося в горло глубокие, словно ножевые, раны.

Зверь всегда был рядом с юношей, не отходил от него ни на шаг, видимо, считая его вожаком их небольшой стаи.

Парень пошевелил палкой костер, и волк мгновенно встрепенулся, поднял голову. Потом встал, начал медленно кружиться на месте, царапая передней лапой каменный пол, и снова улегся, свернувшись, у стены.

Широкоплечий и очень мускулистый от постоянной физической работы, без которой немыслима жизнь в лесу, Игнат сидел в накинутой на плечи оленьей шкуре и пристально смотрел на синие огоньки пламени, пляшущие в красной груде углей. Длинные каштановые волосы свисали до плеч, обрамляя смуглое, обветренное лицо, на котором над верхней губой едва пробивался пушок.

Спать не хотелось. Игнат взял ошкуренный можжевеловый ствол и стал гнуть новый лук. Привязал и туго натянул тетиву, скрученную из высушенных жил оленя. Она была прочной и звонкой. Примерил стрелу — приложил и натянул. Лук понравился ему.

Наконечники у стрел были каменными. Он заготавливал их летом, откалывая плоские, длинные и острые пластины от кремня, который нелегко было найти, да и расколоть тоже.

Из кремней Игнат добывал огонь. Он использовал для этого те осколки, которые оставались после изготовления наконечников к стрелам. Высекая искры, бил по кремню стальной пластиной. Сначала от искр начинала тлеть разлохмаченная веревка, потом он раздувал пламя, пока не вспыхивал пучок сухой травы, заготовленной им в достаточном количестве. Но все это он делал не часто, стараясь сохранять огонь постоянно. Прятал уголья в углубление в полу пещеры, и они долго там тлели. Так что в любой момент можно было взять такой уголек и раздуть из него огонь.

Теперь тепло сохранялось в пещере намного лучше, чем в первую зиму их обитания здесь. Та зима была особенно суровой, и в какие-то ночи Игнат сильно мерз, несмотря на костер. И потому летом немало позаботился о следующей зимовке. Он наточил о камни свой топор до плотницкой остроты и за несколько дней соорудил из бревен стену с дверью и плотно закрыл вход в пещеру, укрепив бревна в уступах камня и на распорках. Дверь, отворявшаяся внутрь и прикрученная одной стороной к бревну проема толстыми прутьями, запиралась теперь на широкий и толстый засов. Стена не имела отверстий, кроме одного вверху — для дымохода.

В пещере было тепло, за бревнами, за дверью уныло завывал ветер, насквозь пропитанный осенней затхлой сыростью, промозглой и знобящей, Хромой спал, и Игната тоже, наконец, сморил сон.

Шел сентябрь 1943 года. Бушевала война. А в лесу, в самой глуши архангельской тайги, неподалеку от безлюдного беломорского побережья, жил юноша, человек, выброшенный этой войной, как песчинка на пустынную отмель.

2. «Вега»

Штурмфюрер СС Хельмут Крюгер с самого начала войны служил в войсковой разведке. Его назначали начальником зондеркоманды — специальной группы — и забрасывали в тыл противника. Он воевал в Польше, во Франции, а еще прежде, до начала этой войны, возглавлял такую же разведгруппу в горах Испании.

Командование гитлеровской флотской группировки, воевавшей в районе Баренцева и Белого морей, остановилось на кандидатуре Крюгера. Группа, засылаемая в русский тыл, должна быть малочисленной, всего три человека,— такую группу труднее обнаружить. А задание, которое поручалось этой малой разведгруппе, было весьма ответственным. Потому и выбрали командиром этой операции опытного, особо подготовленного эсэсовского офицера.

Нужно было установить на берегу Белого моря радиопост. Всего на несколько дней. Километров на сто севернее Архангельска, между Двинским и Мезенским заливами, или губами. На русских картах некоторые заливы называются губой. Крюгер это хорошо знал. Он немало поработал и с русскими картами.

После высадки на берег, углубившись в тыл противника примерно на полкилометра, надо было выбрать лесистый холм, высотку, соорудить там надежное укрытие, установить двустороннюю радиосвязь с кораблями и в нужное время дать радиопеленг для десанта. Правда, «тыл противника» — слишком громкие слова для такой местности. Там все пустынно, даже линия фронта условная — по береговой линии. Но все равно надо быть настороже, потому что это она — та самая земля, которую всемогущий рейх никак не может завоевать...

Задание не казалось Крюгеру особенно сложным, но его очень тревожил этот хмурый русский берег. Крюгера и прежде забрасывали в тыл к русским, но это было в самом начале войны, тогда все казалось намного проще...

Он уже видел этот берег. Ему показали место высадки в солнечную погоду днем. Подводная лодка подвсплыла, и он несколько минут смотрел в перископ. Крутой, покрытый не очень густым, но бескрайним лесом берег мрачно глядел на завоевателей черными и серыми изломами скал. С двухкилометрового расстояния Крюгер ясно различал очертания кряжистых сосен и елей, прочно укоренившихся на неприступном гранитном бастионе берега. Всего только несколько минут всматривался он в эти скалы, но запомнил навсегда. С одной стороны, к этому обязывала профессиональная подготовка, а с другой... Этот берег испугал его. Он даже сам себе не хотел в этом признаться. Он, уже третий год воюющий в России, будто почувствовал сейчас, что эта суровая внешняя неприступность берега как раз и передает внутреннюю сущность этой страны и ее народа. Он вдруг понял, нет, точнее сказать, почувствовал, пожалуй, чутьем разведчика, что эти скалы для того

и стоят здесь, чтобы раздавить его вместе с его зондеркомандой.

Завершенный продукт фашистской пропаганды, Крюгер презирал слюнтяев и колеблющихся. Он отогнал мрачные мысли и стал готовиться к операции. Его торопили. На все было отпущено три дня.

Он сам тщательно проверил оружие, обмундирование, продукты, рацию — он знал радиодело и мог вполне заменить радиста. Познакомился с подчиненными.

Это были два рослых, хорошо подготовленных и исполнительных идиота. Он всех солдат считал идиотами. Ну... не совсем полными. Но они не должны мыслить. Они должны уметь хорошо выполнять любые приказы. Голова — у командира, у них — сильные, ловкие руки и ноги. И тогда будет победа. Так говорили ему с детства. Тот, кто хорошо выполняет приказы, заработает право приказывать сам, а значит, и мыслить за других. И он выполнял и дослужился до офицера еще в начале войны. А теперь, хотя он и думал о чинах, в его солдатском мозгу нет-нет да и мелькала мысль: удастся ли ему дожить до ее окончания — этой-то войны...

Операцию назвали «Вега». В разведотделе флота сидят лирики, потому и такое небесное название. Крюгер думал об этом мрачно, без усмешки. Он понимал, что русский берег не встретит его хлебом-солью.

Ночь выбрали пасмурную, темную. Погода выдалась дождливая, со слабым ветром,— то, что надо. Шум дождя и волн заглушит плеск весел и шорох шагов, а ветер слишком слаб, и волна мала, чтобы помешать высадке.

Подлодка всплыла в ста метрах от берега, и трое разведчиков вышли через люк на палубу. Быстро спустили на воду резиновую лодку и почти бесшумно поплыли.

Когда они уже причалили, из-за мыса вышел советский большой «охотник». Просвечивая мглу прожекторами, прощупывая ими берег и воду, корабль шел на малом ходу вдоль береговой линии. Немцы замерли. И хотя их серая одежда сливалась с серыми в свете прожекторов валунами, все трое мгновенно спрятались за камни.

Подводную лодку русские заметить не могли, она сразу же погрузилась, выпустив пассажиров.

Острый луч прожектора скользнул по берегу мимо затаившихся немцев и обратно не возвратился. Крюгер спиной чувствовал наведенные с корабля на берег орудия и пулеметы. Он лежал, как мертвый. Но вот глухой рокот корабельных двигателей стал удаляться, и сверкающий прожекторными лучами охотник исчез в ночной мгле.

На берег выбирались по одному, Крюгер шел вторым — так безопаснее для командира. Последний выпустил воздух из лодки, сложил и связал ее вместе с веслами. Лодку и резервный НЗ — продукты, оружие, боеприпасы, запасные батареи для рации — зарыли в полукилометре от берега под корнями старой и толстой сосны. Весь запас был упакован в два герметических прорезиненных рюкзака. Еще три таких рюкзака унесли с собой, в них были рация, продукты, боеприпасы.

Шли не спеша, осторожно, то и дело по-звериному замирая, прислушивались.

Спали на сухом склоне бугра, сидя, привалившись к стволам деревьев. Перед самым рассветом, когда густая мгла уступила место полусумраку, в котором опытный глаз уже различал предметы, Крюгер поднял солдат.

Хорошо зная местность по карте, он легко нашел точку, намеченную для размещения радиопоста. Солдаты быстро вырыли глубокую щель, сверху накрыли ее бревнами, которые лежали штабелем неподалеку, заготовленные еще, пожалуй, перед войной. На бревна насыпали землю, положили слой мха и пучки хвороста, а входы, их пока было два, замаскировали. Даже вблизи трудно было догадаться, что здесь находится блиндаж.

Весь день солдаты работали под землей, расширяя и углубляя подземное помещение. Вырыли еще два узких выхода, вроде звериных нор — в разные стороны — и замаскировали их. Все это время Крюгер лежал с биноклем в руках и внимательно наблюдал за берегом, за морем, хорошо видимым отсюда, с вершины холма.

К вечеру развернули рацию и точно в условленное время вышли в эфир. Антенна, закрепленная на соседней елке, метров на пять возвышалась над холмом. Радист работал в блиндаже. Передали очень короткую кодированную радиограмму, которая звучала не более полуминуты, чтобы русские не засекли: «Вега» на месте. Готовы к выполнению».

Получив подтверждение в приеме его радиограммы, Крюгер приказал одному — ефрейтору — отдыхать, другому — солдату-радисту, замаскировавшись, наблюдать за местностью.

3. Норы на побережье

Изба его стояла на берегу небольшого лесного озера, среди глухой тайги. До ближайшей деревни было отсюда километров сто, а до города и того больше. Дом расположился на возвышении, окруженный старыми соснами, и казался одиноким и забытым людьми. Да и сам Иван Васильевич был здесь одинок да, пожалуй, и позабыт за грудой всех тяжких дел, свалившихся на людей теперь. Он прожил в этом доме почти всю свою жизнь, долгую и нелегкую.

Один раз в году наведывался в Архангельск — сдавал пушнину. А оттуда привозил охотничьи припасы к ружью да патроны к карабину, ну, и муку, соль, сахар, спички. Правда, в этом году ему только боеприпасы выдали сполна, а продуктов дали совсем мало. Что поделаешь, война...

Когда он в Архангельске сдавал первосортные шкурки куницы, выдры, лисицы, норки и хорька, то в заготконторе узнавали Ивана Васильевича Лихарева, опытного охотника-промысловика, добывавшего пушнину еще не только до революции, но и в прошлом веке... Летом сорок третьего, два месяца назад, в июле, ему как раз стукнуло семьдесят пять лет. Но он был крепок, как старые сосны, окружавшие его лесной дом. Ходил неуто-

мимо, слышал не хуже собак и стрелял без промаха.

Его лайки — два не очень крупных, но умных охотничьих пса — были ему надежными помощниками. Лаяли белку и куницу, могли поднять медведя из берлоги, хорошо ходили на лося. Он их ценил и берег.

Рыбной ловлей Иван Васильевич не увлекался, рыбу почти не промышлял, хотя от его избы до берега моря было не более трех километров. Так уж сложилось, что морской промысел не пришелся ему по душе, однако лодку на берегу держал да и имел несколько сетей.

Отзвуки войны тоже доходили до него. Иногда с моря доносилась канонада, когда там шел бой. Было слышно, а порой и видно, летящие над лесом самолеты. Иван Васильевич подолгу смотрел в небо и думал о своем единственном сыне, который теперь на фронте. И вспоминал свою войну, первую мировую, когда он, бывалый фельдфебель с двумя Георгиями на груди, поднимал в атаку взвод и бежал впереди со штыком наперевес... Сколько лет прошло... Он-то думал, надеялся, что уж больше не будет этого на веку его и его детей. Ан нет... Пришлось дожить до такой напасти.

День сегодня был тихий и теплый, даже излишне теплый для сентября здесь, на Беломорье. Старик Лихарев крикнул собак и пошел проверить барсучьи капканы возле нор. Рассвет был поздним, как и полагается в это время года, и Иван Васильевич пошел в лес еще в сумерках. На пушного зверя пока было рановато, а на барсука он уже охотился.

Когда подошел к своим ловушкам у барсучьих нор, уже совсем рассвело. Обошел бугор, под которым располагался барсучий городок.

Оба капкана сработали. Попался взрослый барсук, килограммов на двадцать или чуть меньше, это была все-таки добыча, а во второй ловушке бился и фыркал барсучонок первого года жизни. Он тоже уже поднакопил жира к зимовке, был толстеньким, но не достигал и половины размера взрослого зверя. Его блестящие темные глаза смотрели на охотника, они были полны ужаса.

Старик Лихарев отпустил малыша, аккуратно освободив из капкана ногу звереныша, фыркающего и дрожащего.

Барсучий городок был совсем недалеко от моря — за холмом и оврагом. И старик решил завернуть на побережье, посмотреть, как там, не изменилось ли чего... Все-таки время-то военное. Да и немцы, опять же, рядом, здесь, над морем летают, да и в море, видать, заходят.

Обошел свою лодку, длинную, шитую внахлест и хорошо просмоленную. Она лежала кверху днищем, вытащенная на возвышение, недоступная волнам даже во время прилива. Внимательно осмотрел вокруг землю, траву и кусты. Чужих следов не было.

Он привалился спиной к краю лодки, полуприсел и, глядя на воду, некоторое время отдыхал, чутко втягивая ноздрями свежее и влажное дыхание моря. Волна беззвучно накатывалась на берег, потом вдруг опадала и откатывалась, недовольно урча и шипя, как молодой и веселый зверь, которому не удалось поиграть...

4. Ночной зов

После удачной охоты — удалось убить двух оленей — вместе с Хромым Игнат еще засветло перетаскал все мясо в пещеру (он научил волка помогать ему, перетаскивая груз на спине), разложил и развесил возле огня куски, которые обычно подвяливал, чуть прижигая на огне, и мясо не портилось до холодов, когда запасы уже можно было замораживать.

Осмотрел стрелу, извлеченную из оленя, насадил на нее наконечник, который засел в туше глубоко, и его сначала надо было аккуратно вырезать и вытащить. Проверил оперение стрелы, сделанное из длинной лосиной шерсти,— оно было целым. Иногда изготавливал хвостовик стрелы из птичьих перьев.

Он всегда таскал с собой до десятка таких стрел, носил за спиной колчан, сплетенный из бересты и выложенный внутри кусочком медвежьей шкуры, чтобы стрелы увязали в длинном медвежьем мехе и не стучали при ходьбе.

Медведь был убит прошлой осенью, когда Игнат охотился с карабином. Тогда еще были патроны. Теперь, встретив следы и дух медведя, и Хромой, и юноша уходили. Игнат не решался идти на этого могучего зверя с луком, а волк вообще не рассматривал медведя как добычу. Волк очень хорошо понимал все действия Игната и часто даже намерения. Иногда достаточно было одного быстрого взгляда, как Хромой вмиг разгадывал то, что юноша собирался сделать, и действовал в согласии с ним.

Вечерело. Сытый и довольный, волк спал на своем обычном месте, у стены, подальше от огня. Игнат сидел возле слабо мерцающего пламени и чинил свою обувку.

Он пришел в эти места с рюкзаком и карабином за плечами. Пришел босой, в рваной куртке и брюках, совершенно излохмаченных. Прошло немного времени, и старательный, находчивый юноша тепло оделся в шкуры убитых им зверей. Все он делал очень просто, но удобно. Например, выкроил из медвежьей шкуры очень удобную и теплую обувь. Вырезал овальные куски, загнул их по краям вверх — котелком, а по самому верхнему краю, проколов в один ряд отверстия, пропустил скрученную жилу, такую же, как для тетивы. Когда жила была затянута, обувь прочно держалась на ноге. Она была удобной и теплой — мехом внутрь.

Сама пещера, где они обитали, находилась метрах в трех над землей, и от подножия холма к ней вела тропинка, изгибавшаяся по уступу скалы. Когда Игнат и Хромой торопились на охоту, они не спускались по тропинке, а с ходу прыгали на густой мшистый покров, устилавший подножие их скального холмика. Старые ели, поднимавшиеся из земли, заслоняли вход в пещеру своими густыми лапами, и ее не легко и тем более не сразу можно было обнаружить.

Кроме котелка, у Игната было еще две емкости, похожие на бочки, примерно двухведерного объема каждая. Их он сделал уже после того, как построил стену из бревен. Топором вытесал дощечки и связал их толстыми прутьями. Он понял, что ему нужны такие бочки. Сначала держал в них воду — из родника или из снега, а потом стал их наполнять брусникой и клюквой и, добавляя воду, делал ягодный кислый настой.

А неподалеку бил очень чистый родничок, он выходил из-под земли всего в ста шагах от их логова. Пожалуй, можно так называть их пещеру, потому что образ жизни, который они вели, хотя и был несколько очеловечен, все-таки во многом напоминал жизнь волчью.

К роднику ходили пить вместе и летом, и зимой. Он не замерзал даже в сильную стужу.

Хотя волк сейчас был сыт и доволен удачной охотой,человек видел, что его серого брата что-то беспокоит. Он ворочался во сне, иногда тревожно поднимал голову. Ночь уже наступила, она была морозной и лунной, и Игнат знал, что тревожит его друга. Человек замер, вслушиваясь в ночную тишину, отложив работу, встал во весь свой высокий рост, почти доставая головой до свода пещеры, и быстро вышел на площадку перед жилищем. Поднял голову к звездам — они были крупными и яркими. Обернувшись, увидел сидящего рядом с ним Хромого.

И вдруг откуда-то из-за дальнего сосняка, что стоит за двумя большими оврагами, до них донесся протяжный и певучий вой волка. Он был звонок и печален. И тотчас к нему присоединились голоса еще четырех волков. Игнат теперь хорошо различал количество голосов и даже оттенки воя. Он видел, что чувствует Хромой, слушая зов сородичей, как реагирует на него, и сам начинал понимать эти интонации, в которых слышались и угроза, и надежда, и зов, и предупреждение...

Вот Хромой поднял голову к небу, и вместе с ним вскинул голову юноша.

Он вытянул губы трубочкой, набрал в легкие побольше воздуха и завыл одновременно со своим волком, другом и братом его дикой жизни. Они выли, откликаясь на зов соседней стаи, раскатывая вольную власть волчьего воя над лесом, власть самих волков, подтверждая свое право среди волчьих семей на охотничьи угодья, где они обосновались, жили, ставили свои звериные метки.

Это длилось долго. Оба они выли, глядя на желтую и круглую луну, и их вой катился по притихшему спящему лесу, пугая дремлющих зайцев и оленей, возвращался откликом соседней стаи и снова уходил вдаль, растворяясь в лунном свете лесной ночи.

Но вот человек умолк, встал, быстро ушел в пещеру и молча сел к тлеющему огню. Не отставая от него ни на шаг, в логово возвратился и волк, улегся на свое место, свернувшись клубком, и сразу заснул, будто выполнив важное и нелегкое дело.

Игнат долго сидел, не шевелясь, глядя на красные угли и редкие языки пламени.

Его существо еще трепетало от этого дикого воя, от приобщения к ночным таинствам природы, которые он чувствовал всем телом, сердцем, каждым волоском, воспринимал чутьем своей души, уже слившейся с лесом за два года. Он очень изменился за это время. И слышал лучше, и видел почти в полной темноте. Его чувства обострились, стали как будто тоньше и восприимчивей. От вечной тишины леса или от чистой первозданности дикой природы, а может, от сырого мяса и полузвериного образа жизни... Он видел теперь все мелочи и тонкости, замечал даже изменение положения травинки или листа. Незаметно для самого себя многому научился он у Хромого, а тот, в свою очередь, тоже брал кое-что и от человека.

Кроме того, у Игната появились сообразительность и ловкость в охоте и в устройстве быта. Эти способности появились уже в первый месяц его лесного существования. Может быть, природа, лишив его памяти, дала взамен новые качества, сохранившиеся в его подсознании от предков? Ведь все уравновешено в мудрой природе, и если не хватает чего-то, то в избытке должно быть другое, тоже важное и нужное. А может быть, просто суровые условия, в которых надо было выжить, пробудили в нем все эти качества, усилили и обострили?..

Угли алели, Игнат смотрел на них, и ему казалось, что в них мерцают огоньки глаз зверей, искорки ночных звезд. Он грел руки у огня и думал...

5. Ожидание

Уже несколько дней Крюгер сам наблюдал за берегом, посылая солдат обследовать местность. Он лежал, хорошо замаскированный, среди густых кустов можжевельника, устроившись между валунами, едва касаясь их обомшелых боков.

Несколько раз вдоль берега проходил советский большой «охотник». С высоты холма Крюгер хорошо видел в бинокль крутой борт корабля с номером, написанным белой краской, матросов в черных бушлатах, застывших на вахте у орудий и пулеметов, внимательно всматривающихся в берег. Он понимал, что они никак не могут увидеть ни его самого, ни его блиндаж, но каждый раз все равно застывал в оцепенении, крепко сжимая руками корпус бинокля, словно это был спасительный щит, которым он мог заслониться от автоматических пушек и крупнокалиберных пулеметов русского корабля.

В остальном на море было все спокойно. Повернувшись в другую сторону, он осматривал берег в глубину, наблюдая притихшую осеннюю тайгу. Высокий холм давал возможность обозревать местность довольно далеко — на полтора-два километра.

Все было тихо. Только дважды за эти дни вблизи холма прошел лось. Второй раз он проходил сегодня утром с подветренной стороны. Метров с четырехсот учуял обеспокоивший его запах, насторожился. Крюгер это понял сразу. Зверь остановился, поднял морду кверху и внюхался в ветерок, который нес от холма тревогу. Недолго постоял, повернулся в сторону и быстрым шагом удалился. Было очевидно, что он обнаружил людей на холме.

Крюгер, конечно, понимал, что лось очень чуткий и осторожный зверь и от него утаиться невозможно, но это событие все равно его встревожило. Сегодня днем, отправляя ефрейтора на разведку местности, он был особенно сух, и тот понял, что штурмфюрер обеспокоен. Однако Крюгер этим не

ограничился и все-таки напомнил о крайней осторожности, чего он не делал почти никогда, зная специальность и подготовку этих двух своих подчиненных.

Ефрейтор ушел и теперь должен был возвратиться с минуты на минуту. Крюгер наблюдал за лесом, всматриваясь в каждый бугорок и овражек, в каждое дерево. Мощный морской бинокль позволял это.

С момента высадки Крюгер уже трижды выходил в эфир. После первого доклада об установке радиопоста — еще дважды. Один раз подтвердил готовность и доложил обстановку на запрос командования. Второй раз сам доложил обстановку и снова подтвердил готовность к выполнению задания. И снова получил ответ: «Наблюдайте и ждите приказа». Он не знал задания десанта, не знал и масштабов операции. Высадить могли роту, батальон, даже дивизию. Его задачей было только одно: дать радиопеленг для кораблей или одного

корабля, сколько их, его уже не касалось. Но сделать это он должен был в любое нужное командованию время. Чтобы ночью, даже в ветреную погоду, транспорты с десантом вышли точно в назначенное место. Потому и принимал он все меры безопасности для существования и работы своей группы.

Он лежал не шевелясь и хмуро смотрел на бескрайнюю и глухую русскую тайгу. Он пришел на эту войну с радостным ожиданием близкой неизбежной победы. Тогда, в сорок первом, все лето он писал в фатерлянд хвастливые письма о легких победах, которых в общем-то не было, но он их ожидал все время и каждый раз удивлялся: почему эти русские с таким упорством защищают каждый метр своей земли, даже если это незаселенная и дикая местность, как, например, эта глухая тайга. Отец, старый нацист, напутствовал своего Хельмута быть старательным и честным в службе фюреру, мать писала о домашних делах, напоминала о боге, который всегда с ним, с Хельмутом, потому что они молятся за него, чтобы он был здоров и получил богатые имения в завоеванной России.

С тех пор многое изменилось. Крюгер уже не думал о легких победах, в которые теперь не верил, и тем более об имениях. После поражения под Москвой, а особенно под Сталинградом, после трехдневного траура, объявленного в Германии по этому поводу, он все чаще вспоминал свою берлинскую квартиру, уютную и привычную. И предательская мысль, что он может уже не вернуться туда никогда, все чаще заползала в его душу ядовитой змеей. Он отгонял эту мысль и становился еще более молчалив и угрюм. Его длинная и тощая фигура как будто стала еще длинней. Он заметно похудел, на лбу появились ранние морщины, и от этого его вытянутое лицо как будто сразу постарело.

Ефрейтор бесшумно появился рядом — подполз. Крепкий, широкоплечий и широколицый, с мохнатыми, нависающими на глаза рыжими бровями, с массивным носом и неожиданно тонким голосом, он всегда преданно смотрел на начальство и всячески старался угодить штурмфюреру. Шепотом он доложил о результатах разведки местности. Все было спокойно. Даже следов ничьих, кроме звериных, он не обнаружил. Крюгер молча кивнул. Он был доволен и тем, что все спокойно вокруг, и тем, что солдат пробрался так, что даже он, Крюгер, опытный разведчик, не заметил его передвижения.

Они уже обжились здесь. Оборудовали блиндаж всем необходимым. Пищу разогревали на спиртовках, чтобы не было дыма и даже его запаха. Днем и ночью дежурили, наблюдая за местностью.

Прошлая ночь была лунной и холодной, и всю первую ее половину выли волки. Сначала выли одни, потом откликались другие — он слышал две или три стаи. Они выли протяжно, громко и угрожающе, как полные хозяева этой тайги. Их вой заполнял весь лес, и, казалось, он проникает не только в блиндаж, но даже за ворот кожаной куртки Крюгера...

Но штурмфюрер оставался невозмутим. Единственное и самое главное, чего он ждал, это — приказа. Тогда, наконец, он сможет сделать то, для чего его сюда высадили,— дать радиопеленг. И сразу же покинет этот скальный берег и уедет в Берлин, в отпуск, давно обещанный ему командованием, отпуск и регалии оберштурмфюрера, которые он уже давно заслужил. Но сначала надо выполнить задание. Он ждал радиограммы со дня на день.

6. Странные следы

Дни стояли теплые, хотя и ветреные. Дождей прошло мало, и было еще довольно сухо в лесу.

Белка и Помор были здесь же, в избе. Прежде обе лайки жили во дворе, ночевали в двух своих будках, но последние три года Иван Васильевич очень скучал в одиночестве. И постоянно пускал собак в избу.

Начинало светать, надо было затопить печь. Вдруг Белка настороженно вскочила и, злобно рыча, заметалась от двери к окну. Помор замер у двери и тоже глухо и злобно рычал. Иван Васильевич приподнялся на локте, вгляделся через окно в рассветный полумрак. Ничего подозрительного не заметил. Две жилые комнаты и кухня были как бы на втором этаже, весь низ — первый этаж дома — занимало подполье. Внимательно, по участкам, Иван Васильевич оглядел окрестность. Двор и поляна впереди избы были пусты.

Если собаки рычат и беспокоятся, значит, кто-то ходит поблизости — человек или волки. Но собаки только рычали, не лаяли. Пожалуй, еще сами определенно не поняли — кто же там ходил.

Старик встал, прикрикнул на собак, чтобы умолкли, взял карабин. Подошел к другому окну, приотворил форточку, прислушался.

За окном тонко подвывал ветер, идущий с моря. Иван Васильевич долго вслушивался, но так и не услышал ничего подозрительного. Обе лайки, подчиняясь хозяину, немного притихли, но не успокоились. Очень негромко, но продолжали злобно рычать и стояли в напряженных позах.

Старик понимал, что непосредственно за дверью никого нет, иначе собаки бы неистовствовали, метались и громко лаяли. Но кто-то появился или появлялся во дворе или около. Лихарев своим собакам доверял, он знал их и был уверен, что они не ошибаются.

Осторожно и бесшумно отворил дверь, держа карабин наизготовку, прошел в сени, спустился по ступенькам — их было всего несколько — к выходу. Долго стоял возле отворенной двери, спрятавшись за косяк, наблюдал за двором и поляной, прислушивался. Собаки, выполнив его приказ, притаившись, лежали здесь же, настороженные и возбужденные.

Снова не обнаружив ничего подозрительного, негромко скомандовал, и оба пса бросились на поиск. Через минуту осторожно вышел.

Собаки крутились, поджидая хозяина и злобно

рыча, возле кустарника в пятидесяти метрах от дома. Иван Васильевич заметил в поведении собак признаки страха. Значит, это не человек, а волк. Именно один волк, который сразу же ушел. Иначе собаки вообще не вышли бы из дома. Ни за что бы не вышли. Опытные лайки понимали, что волки — это их смерть...

Охотник присел на корточки, внимательно разглядывая землю, пытаясь отыскать следы. Вскоре нашел их и озадачился.

Уже совсем рассвело, и было хорошо видно. Но кругом почву покрывали влажная трава и мох, и очень трудно было определить, что же это за следы. По форме примятых участков след был как будто волчьим, но рядом старик обнаружил и более крупные и вытянутые вмятины, чем-то отдаленно напоминающие форму ступни человека. И в то же время он, опытный охотник и следопыт, мог бы поручиться, что здесь не ступал ни сапог, ни ботинок человека...

Иван Васильевич обошел вместе с собаками всю местность вокруг дома, ничего больше не обнаружил, вернулся в избу, затопил печь, накормил собак.

7. Видение огня

Сегодня еще до рассвета Игнат и Хромой вышли на охоту. Прежде юноша всегда охотился днем. Уже подросший тогда волчонок тоже ходил вместе с ним на поиски добычи. Но постепенно пора охоты переместилась для него на предрассветное время. Да и Хромой тут во многом повлиял. Он всегда стремился на охоту в более темную пору, и Игнат чувствовал это.

Уже более двух лет Игнат ежедневно выходил на лесной промысел, и почти два года каждый раз волк тоже участвовал в охоте.

После охоты, сытые, весь день они спали, а под вечер снова уходили в лес, бродили, всматриваясь в таежные сумерки, вслушивались в затаенную тишину распадков, зарослей, рощ и опушек. В это время охотились очень редко. Только тогда, когда добыча по случайности сама шла к ним. Возвращались ночью, съедали в пещере по большому куску вяленого мяса и спали до предутреннего охотничьего времени.

Сегодня, обнаружив след лося, волк сразу пошел за ним. Игнат почти не отставал. Они еще ни разу не нападали на этого мощного зверя, хотя иногда преследовали его, словно собираясь напасть, но все никак не решались. След сохатого был свежим и уходил в сторону побережья. Передвигались перебежками довольно долго. Волк то и дело стоял, поджидая человека. Наконец стал слышен отдаленный грохот волн.

Игнат знал, что большая вода не так далеко от их жилища, но почти никогда не ходил в эту сторону. Предпочитал охотиться в глубине тайги, море чем-то тревожило.

Шум прибоя не долетал до их жилища даже в самые сильные штормы — все-таки расстояние было приличным. Но иногда какой-то иной грохот слышался с той стороны. Эти звуки, похожие на грозу, очень тревожили Игната. Гроза тоже пугала и его, и Хромого, и они всегда пережидали ее в пещере. Но эти далекие и глухие раскаты вызывали в душе Игната тяжелое беспокойство и страх.

Сегодня было тихо, и он не остановил волка, поспешившего по лосиному следу именно в ту сторону. Прибой стал слышен почти перед самым рассветом.

Внезапно Хромой замер, обернувшись к Игнату. Юноша подбежал к нему, и волк осторожным и быстрым шагом вдруг пошел в сторону от лосиного следа. Лось ушел дальше, это было ясно, и юноша, оставив следы сохатого, бесшумно скользнул за Хромым, не отставая от него.

Волк передвигался легкой трусцой, держа голову настороженно приподнятой,— он шел верхним чутьем. Пройдя шагов пятьдесят, остановился. Игнат встал рядом, с опаской и удивлением глядя туда, куда смотрел его серый друг.

Там, где заросли обрывались, начиналась поляна, широкая и длинная. Прямо напротив, за поляной, на невысоком холме стоял дом.

Юноша смотрел на дом, и какие-то смутные воспоминания шевелились, бродили в его мозгу, ему казалось, что он когда-то давно уже видел такое... Он понимал, что оно сложено из деревьев так же, как была им сложена стена в пещере... Он видел сейчас перед собой что-то как будто знакомое и незнакомое... Он не мог вспомнить.

Воспоминания жили где-то в подсознании его мозга, потрясенного жизнью, войной и поврежденного этими потрясениями. Он смотрел на дом, как завороженный, стоя в глубоком оцепенении. За все время своей лесной жизни он не встречал здесь ничего подобного. Потому что в глухой тайге поблизости не было даже остатков жилищ человека, а очень далеко они с Хромым не ходили — корма хватало и здесь. И только на побережье можно было найти два-три полуразвалившихся домика-времянки, в которых когда-то давно жили лесорубы-сезонники, да еще этот вот дом. Но оба они — и волк, и человек — избегали побережья, потому и не натыкались на человеческое жилье, пусть даже на брошенное, никогда.

Хромой стоял совсем рядом, настороженно глядя Игнату прямо в глаза. Игнат понял, что волк обнаружил что-то еще. Вглядевшись, тоже увидел едва заметное движение там, где была темная входная щель в это жилище.

Надо было уходить. Не выпуская из руки лук, Игнат метнулся назад, в глубь леса. Волк бежал за ним следом, не обгоняя, как и полагается бежать волку в стае, хотя и такой малочисленной.

Юноша мчался без остановки длинными сильными прыжками. Мчался так до самой пещеры. Возле логова, внизу у холма, остановился, глянул на Хромого, шагом поднялся по уступу и вошел внутрь.

Сегодня они кормились так, как бывало в дни охотничьих неудач,— ели запасы. Насытившись, сходили к роднику, затем волк улегся у стены, а человек сел к тлеющим угольям и раздул огонь. Он не хотел спать. Голова его гудела. Ему снова виделся огонь из его забытого прошлого. В ушах будто звучал гул ветра и рев всепожирающего пламени...

Треснул уголек в костре, и все внезапно исчезло. Игнат продолжал сидеть в той же позе у огня. Хромой спал на своем месте.

Юноша и прежде нередко ставил перед собой вопрос: кто же такой он сам? Почему он живет в лесу? Иногда ему казалось, что он такой же зверь, как Хромой, ведь он же воет, как и его серый собрат, и охотится вместе с ним, и живет. Ему хорошо, так можно жить всегда... Но заглядывая в родник, он снова видел свое отражение, и раздумья, сомнение и тревога вновь овладевали им.

8. Опасность

Прошли еще сутки, а приказа все не поступало. Каждые четыре часа в условленное время радист включал приемник и слушал эфир. Радиограммы не было.

Крюгер наблюдал за тайгой и морем. Снова несколько раз проходил русский патрульный корабль и скрывался за дальним мысом. Все было спокойно.

Едва слышно зашуршал мох — подполз ефрейтор.

— Герр штурмфюрер!

— Да,— буркнул Крюгер, не разжимая челюстей и не отрывая глаз от окуляров бинокля.

— Обнаружены следы.

Офицер сосредоточенно поджал губы, опустил бинокль и, не поворачивая головы, покосился на солдата.

— Где?

— На самом берегу, герр штурмфюрер!

— Что там?

— Почти у самой воды, возле перевернутой рыбацкой лодки я обнаружил след человека в сапогах не солдатского образца. След не очень четкий, но разобраться можно. Кроме того, у самой лодки найден мною глубокий и четкий отпечаток тыльной части приклада. По форме затыльника понятно, что это охотничье ружье. Предполагаю, что следы оставлены более суток назад, на рассвете.

— Хорошо,— сказал Крюгер,— иди и посмотри, откуда он приходил и куда ушел. Проверь направление.

— Слушаюсь!

Крюгера каждый раз раздражали многословность и обстоятельность ефрейтора Фогеля, потому что тот слишком много себе позволял. Докладывая детали, он как бы навязывал ему, Крюгеру, свое мнение, словно подсказывал, как штурмфюрер должен поступить в том или ином случае. Именно это злило Крюгера, ему даже казалось, что Фогель иногда размышляет над тем: всегда ли правильно они действуют под его, Крюгера, командованием. Он был твердо убежден, что солдат не должен размышлять вообще. Но Фогеля не одергивал. Опыт разведчика подсказывал ему, что ефрейтор сообщает важные и нужные сведения. Тем более тот всегда быстро и четко исполнял приказы.

Надо было самому осмотреть обнаруженные следы. Сообщение было важным и тревожным.

Через полчаса ефрейтор доложил, что человек, который приходил к лодке, появился из глубины тайги и ушел в том же направлении. Несмотря на то, что след обнаружен был только через сутки, дотошный и исполнительный Фогель сумел разыскать после тщательного осмотра едва заметные отпечатки сапог на сырых участках почвы, нашел содранный мох и ягель, сломанную ветку молодой елки. И что самое интересное, отыскал звериные следы там же, где были следы человека. Эти отпечатки были слишком малы, чтобы их посчитать волчьими. Скорей всего это след охотничьей собаки.

Штурмфюрер сам осмотрел лодку, почву вокруг нее, следы, найденные ефрейтором. Особенно скрупулезно Крюгер исследовал берег, спуск к воде. Стало ясно, что этот человек действительно приходил из тайги. Это было самым важным фактом. Если бы он прибыл с моря, то, пожалуй, это были бы действия русских военных — разведки, точнее, контрразведки. Но он пришел не с моря, значит, это не переодетый солдат, а почти наверняка таежный охотник. Собачьи следы подтверждали это.

Передвигаясь осторожно — за кустами, за деревьями, пригибаясь на открытых местах, а на вершине холма и у блиндажа пробираясь ползком, оба возвратились в свое убежище. Днем по приказу штурмфюрера все трое перемещались только так, в сумерках — чуть свободнее.

Сразу же по возвращении в блиндаж он отдал приказ обоим солдатам обследовать местность глубже в тайгу. Если оттуда приходил охотник, возможно, поблизости есть какая-то охотничья база, жилье или дом лесника, егеря. Это необходимо выяснить. Приближались ранние осенние сумерки, и дальняя разведка местности была назначена на утро. Поужинали консервами, разогрев их на спиртовках, затопили портативную обогревательную печь, раскалявшуюся от сжигания больших пластин сухого спирта. Ни дыма, ни его запаха такая печь не давала. Радист вылез наружу для несения охраны, Крюгер и ефрейтор устроились спать, завернувшись в свои меховые куртки.

К утру ветер совсем стих, и белый густой туман затянул почти все побережье. Заметно потеплело. При безветрии Крюгер отменил бы разведку, но туман компенсировал отсутствие ветра. Он позволял скрытно передвигаться и днем. Хотя безветрие делало слышимым каждый шаг и даже шорох, и надо было соблюдать особую осторожность.

Снова на разведку ушел Фогель. Штурмфюрер и радист лежали в кустах на разных склонах холма и прислушивались к утренней тишине леса. Сегодня можно было только слушать. Бинокль оказался совсем не нужен — туман полностью завладел берегом.

Крюгер смотрел на это молочно-белое бесстрастное и бесконечное полотно и думал о теплых и родных туманах над Шпрее и Одером, мягко плывущих по аккуратно подстриженным зеленым газонам, по строгим парапетам набережных... Он еще не знал, что Берлин бомбили с лета сорок первого, что человечество уже отдавало гитлеризму первые долги, что древний город уже начинал расплачиваться за кровавые дела своих нынешних властителей.

Крюгер думал о нечастых, но таких близких ему берлинских туманах и никак не мог сравнить их с этим вот... Словно удушливыми вездесущими щупальцами он обволакивал и холм, и блиндаж, и его, штурмфюрера СС, вместе с его биноклем, оружием, с его верой в победу и в фюрера. И он не видел просвета в этом тумане, не видел ни щели, ни разрыва в белой густой пелене, из которой совсем

не было выхода... Он лежал не шевелясь, чувствуя, как этот белый, холодный мрак заползает под его куртку, подбирается к его телу, протискиваясь под тонкое шерстяное белье...

Уловил шорох, и тотчас из белой мглы явился Фогель. Ефрейтор отсутствовал три с половиной часа.

— Герр штурмфюрер!

— Да.

— Мне удалось обнаружить жилье этого охотника.

— Докладывай.

— Там, в тайге, тумана нет совсем, он только на побережье. Мне пришлось потратить много времени, чтобы мое передвижение не было видно со стороны, хотя отсутствие тумана облегчило наблюдение за домом охотника. Я обнаружил его дом примерно в трех километрах от побережья. По-видимому, там живет он один. Это старик-охотник. Та лодка на берегу, я думаю, его собственность.

— А ты не думай, а докладывай,— оборвал его разглагольствования Крюгер.

— Яволь, штурмфюрер!

— Собака у него есть? Ты видел собаку?

— Так точно! Две охотничьи собаки. Не такие, как у нас, а немного меньше ростом, но похожи на волков.

— Дальше.

— Я наблюдал за домом около получаса из-за кустов через поляну с пятидесяти метров. Старик выходил ненадолго во двор, и я хорошо видел его. У него есть карабин. Я хотел наблюдать еще, не выйдет ли из дома еще кто-то, хотя это маловероятно. Но собаки не дали дальше наблюдать, учуяли меня, зарычали — очень чуткие собаки, и мне пришлось быстро уходить. Я слышал, как он окликнул собак, позвал в дом, и они вернулись. Он решил, что это какой-то зверь, я уверен.

— Почему ты считаешь, что он там один?

— Я наблюдал с рассвета, согласно инструкции. По всему видно, герр штурмфюрер, по двору, и по дому, и по поведению его самого.

— Хорошо,— похвалил Крюгер,— иди смени на посту радиста, ему пора к рации, слушать эфир.

— Слушаюсь! — И Фогель мгновенно исчез в вязкой белой мгле.

9. Короткая схватка

Несколько дней Игнат и Хромой приходили в логово без добычи. Неудачи преследовали их. Позавчера не удалось найти свежего оленьего следа, а вчера, когда они выследили группу оленей — трех самок и самца,— так получилось, что олени учуяли их раньше, чем они успели начать охоту, и ушли.

Все эти дни пришлось питаться запасами, что тревожило Игната, потому что предстояла долгая и трудная зима, да и волк уже тосковал по свежатине. И только сегодня, наконец, удалось убить оленя.

Это был крупный одинокий бык, еще молодой и сильный. Человек и волк долго преследовали его, ушли глубоко в тайгу и только когда день уже взошел над лесом, Игнату удалось пустить стрелу и свалить быка. Но едва юноша начал разделывать тушу, а волк успел проглотить лишь один или два куска мяса, как возникли новые обстоятельства, грозившие не только потерей добычи...

Занятый снятием шкуры, Игнат не заметил опасности, но волк, несмотря на голод, всегда был начеку. Юноша увидел, как Хромой отскочил от туши и злобно зарычал, призывая своего вожака — человека.

И тот, сделав точно такой же волчий прыжок, с поворотом, на миг замер, увидев в тридцати шагах от себя мчащуюся на них чужую стаю. Их было шесть, незнакомых и голодных волков. Впереди — крупная матерая волчица с сединой на загривке и на лбу, в нескольких шагах от нее — матерый самец, остальные — переярки и один прибылой — Игнат мгновенно определил возраст и оценил силу врагов.

Молниеносно сорвал с плеча лук, выхватил из-за спины стрелу, и волчица, перевернувшись через голову, уткнулась мордой в мох. Но только после того, как вторая стрела пронзила одного из переярков, стая остановилась — всего в нескольких шагах от оборонявшихся.

Волки умные звери и, увидев мгновенную и странную гибель двоих сородичей, остановились, несмотря на голод и азарт охоты. Они воспринимали Игната, как волка, потому что он вел себя, как волк, вместе с волком своей стаи кормился у туши, склонившись к ней, как волк. Они напали не только потому, что были голодны, но более всего потому, что олень был убит на их угодьях, отгороженных их волчьими метками, и, конечно, потому, что соперников было только двое. Встретив неожиданный отпор, они встали все, как один, во главе с самцом-вожаком, который при жизни седой волчицы уступал ей главенствующую роль. Так бывает в природе, хотя и не часто.

Они стояли в напряженных позах, готовые по сигналу вожака снова ринуться в бой, и злоба, неуемная и дикая, клокотала в горле каждого, заполняя грозным рычанием утреннюю тишину тайги.

Шерсть у Хромого вздыбилась, его рычание звучало глухо и угрожающе. Человек стоял в шаге от него, сбоку, натянув лук, стрела которого была направлена на вожака врагов. Игнат был готов пустить третью стрелу и мгновенно выхватить из-за пояса нож...

Но этого не потребовалось. Волк-вожак, стоявший напротив, почувствовал, понял и сумел оценить угрозу. Он повернулся и пошел прочь, уводя с собой всех своих. Они выстроились цепочкой и бесшумно ушли след в след...

Игнат и Хромой еще некоторое время стояли наготове, потом юноша подошел к убитым волкам, чтобы извлечь стрелы, а Хромой возвратился к туше оленя и продолжил трапезу.

...Как обычно, Хромой уже спал, а юноша сидел у огня перед дымящимся котелком. Он съел несколько кусков свежей парной оленины еще в лесу, сразу же после той короткой и быстрой схватки. И теперь варил похлебку, сидел и думал

о том внезапном нападении чужой стаи, о двух волках, которых он вынужден был убить, и чувство смутной тревоги все больше охватывало его. Он совсем не боялся волков или других зверей и, как ни старался, сам не мог понять, с чем связано это его ощущение тревоги,— с тем домом, который он видел не так давно, или же с сегодняшним нападением волков, подобное которому было только два раза за всю его жизнь в тайге. Но он определенно чувствовал, и сам, не зная почему, был уверен, что недавно здесь же, в лесу, появился кто-то очень опасный для него и для его серого брата.

10. Незваный гость

С рассветом старик Лихарев ушел в тайгу. Не спеша, бесшумно шел он по тайге и думал. Его тревожили те самые, странные и непонятные ему

следы. Непонятный след наводил мысли только на одно: к его дому приходил человек. Ничего и никого иного быть не могло. Следы любого зверя он хорошо знал и обязательно обнаружил бы. А волк? Сначала это смущало его, но потом он решил, что волк вполне мог следовать за человеком из любопытства и наследил через несколько минут после человека. Может быть, именно волка, пришедшего вторым, и обнаружили его лайки. А странность, необычность этого следа легко объяснялась: человек мог сделать то, чего не может ни один зверь,— надеть любую обувь, которая заменит, сделает необычной форму следа. Надо быть настороже.

Прежде чем приблизиться к дому, старик Лихарев решил сделать крюк километра на два и подойти к избе со стороны побережья. И тут его поджидала еще одна новость. Неожиданная и серьезная. Метров пятьсот оставалось дойти до дома, когда цепкий взгляд следопыта заметил содранный с валуна небольшой клочок белого лишайника. Охотник насторожился и очень внимательно осмотрел все вокруг на пятнадцать — двадцать шагов. Ничего больше не нашел, и это его еще сильней встревожило. Если ягель содрал ненароком лось или олень, то должны быть следы их ног. Но звериных и вообще никаких следов не было. Но ведь ягельник сам по себе не мог сорваться с валуна. Иван Васильевич внимательно осмотрел этот кусочек — он плотно сидел на камне, старик разглядел даже оборванные волокна...

Свистнул собак свистом, похожим на посвист дрозда-рябинника. Оба пса подбежали и по команде «ищи» стали стараться, бегать вокруг, уткнув носы в землю. Но следа не нашли. Это, однако, не успокоило опытного следопыта. Если собаки не берут след человека или зверя, значит, упущено время. Его лайки были обучены искать не только добычу для охотника, но и человека. Мало ли что случается в тайге... Но брали след не позднее чем часов через пятнадцать.

Иван Васильевич повернулся по направлению к своему дому и двинулся, тщательно осматривая землю, мхи, камни, деревья. И метров за семьдесят от двора в редком березняке разглядел на почве отпечаток. Задняя часть ступни легла на землю нечетко, но передняя половина хорошо отпечаталась. Старик осторожно отодвинул пальцами пожелтевшую траву, прилегшую к земле, — она-то и скрыла от незнакомца участок влажного грунта, и под травкой был виден четкий отпечаток передней половины ступни ботинка или сапога с глубокими вмятинами от шипов, расположенными в шахматном порядке. Такой подошвы он не видел никогда.

Первое и единственное, что сразу же резануло его мозг: «Немцы!». Нет, он не испугался, как не боялся ходить когда-то с рогатиной на медведя, как не боялся этих же немцев на фронте в первую мировую. Но он понимал, что его обнаружили. А это, пожалуй, их разведка, и лишний свидетель им не нужен.

Он мог бы, конечно, быстро собраться и уйти в глубь тайги, там у него есть сезонный охотничий домик километрах в пятидесяти отсюда, уж там-то они его никак не достали бы. Но идет великая война его народа, и он лучше умрет здесь смертью солдата. Все-таки это его родная тайга, а не их, ему она будет помогать, а не им.

Он неслышно двигался к дому, угадывая путь незваного гостя. Еще дважды обнаружил едва различимые приметы прошедшего человека: сломанный стебелек сухого растения, сдвинутый на кочке мох. Нашел место, где немец сидел на корточках, наблюдая за его домом. Вспомнил, как два дня назад, утром, лайки рванулись к этому месту, но он сам позвал их в дом. Вот, значит, какого зверя обнаружили они здесь... Наверняка опытный разведчик. Уж очень ловко ходит, почти совсем не оставляя следов.

11. Решение

Крюгер должен был принять решение. И с его опытом, как ни странно, это оказалось нелегким делом. Казалось бы, чего проще — приколоть старика и закопать, чтоб следов не было. Но все это было вовсе не просто. Во-первых, к старику может хоть сегодня кто-то прийти из тайги или с моря. И, не обнаружив его, русские не поверят, что опытный охотник просто так пропал в тайге. И сразу же начнут его искать и вполне могут найти блиндаж... Или следы зондеркоманды. Так что с ликвидацией старика торопиться не надо. Правда, и сам этот старик, как опытный охотник, тоже может обнаружить следы немцев, но наверняка еще не обнаружил. А если бы нашел, то сразу ушел бы отсюда куда-нибудь в тайгу. Ведь он понимает, что с ним церемониться не будут. Так что сразу бы ушел. Вот и надо наведываться к нему и следить за ним. Пока он на месте, он не опасен, потому что не знает о существовании зондеркоманды. А если соберется в дальний путь, надо будет не дать ему уйти. Но даже если уйдет, здесь до ближайшей русской деревни, где есть связь, не меньше семидесяти, а то и ста километров, если по тайге, а не по морю. По морю ближе, но этот путь не для него. Так что у Крюгера еще будет время доложить командованию, а может, уже и операция будет завершена.

Так рассуждал штурмфюрер, и его тревога, связанная с этим охотником, понемногу рассеивалась. А что, собственно, произошло? Появился какой-то старик, у которого нет ни связи, ни помощников, и он еще не знает ничего о группе немецких разведчиков. И Крюгер принял решение: ликвидировать только тогда, когда старик начнет собираться в дальнюю дорогу. Это всегда заметно. Или проявит еще какое-нибудь беспокойство. Но для этого надо за ним наблюдать. Поставить постоянный пост вблизи дома охотника нет возможности, но ежедневно надо подходить туда и наблюдать внимательно и долго. Правда, некоторую сложность для наблюдения создают эти собаки, но, проявляя особую осторожность во время наблюдения, можно уйти от собак, учитывая, что охотник не отпускает их далеко от себя.

Коротко, дважды дернул шнурок, протянутый в блиндаж,— условный сигнал,— вызвал Фогеля.

— Слушаю, герр штурмфюрер! — шепотом доложил ефрейтор.

— Установи ежедневное наблюдение за домом охотника. Выясни время выхода на охоту и все его выходы из дома.

— Яволь, штурмфюрер!

— Необходимо заметить беспокойство в его поведении, подготовку в дальний поход, ну там... Большой рюкзак с собой возьмет... Если заметишь, ликвидируй его. Без следов.

— Так точно, штурмфюрер!

— Если беспокойства не заметишь, если он ведет себя спокойно, как обычно, значит, он не знает о нас ничего. Тогда не трогать.

— Слушаюсь, штурмфюрер!

— Ты уверен, что он тогда не обнаружил тебя или твои следы?

— Я был аккуратен и строго соблюдал специнструкцию, штурмфюрер!

— Ты уверен?

— Так точно, штурмфюрер!

— Хорошо. И еще: всегда помни про его собак, посыпай след порошком. И при случае убери их без выстрела.

Ефрейтор повернул голову к начальнику и вопросительно посмотрел на него.

— Убери. Он решит, что это волки, когда не найдет никаких следов. Волки так делают даже днем.

— Яволь, штурмфюрер!

— Ты понял, что его самого желательно не трогать, чтобы не наследить? — добавил Крюгер, не полагаясь на сообразительность солдата.— Убрать только в крайнем случае.

— Так точно, герр штурмфюрер!

Фогель ушел, а Крюгер остался лежать на специальной стеганой подстилке, внимательно вглядываясь через цейсовскую оптику в серые и темно-зеленые очертания берега, в черные с белыми гребешками волны, и вдруг непроизвольно поежился от этой постоянной мрачности и настороженности побережья, скал, тайги, моря.

Прежде всегда в подобных ситуациях он чувствовал себя властелином — и во Франции, и в Польше, и даже в Испании. Он тогда сразу же убирал любые препятствия, не особенно опасаясь обнаружения следов своей группы в Альпах или в горах Сьерра-Гвадаррама. Он резал любого свидетеля, не боясь, что того хватятся испанцы или там... французы. Тогда он чувствовал за собой силу. А здесь все оказалось совсем не так. Теперь он это знал хорошо. Здесь он не чувствовал за собой силы. Он чувствовал ее за русскими. Даже там, в Белоруссии, где в сорок первом он руководил карательными операциями. Он, как разведчик, своим особым чутьем угадывал, что после каждой карательной акции его работа не становится безопасней, а наоборот, над ним все больше нависает угроза, казалось бы, разогнанных партизан и как будто уничтоженного подполья. От этого, конечно же, начинали и нервы сдавать, и сам он стал осмотрительнее и, можно сказать, беспокойнее...

Штурмфюрер сполз с вершины по склону, спрыгнул в блиндаж. Пора было обедать.

ОКОНЧАНИЕ
В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ.

К ОБЛОЖКЕ

Афанасий ШИЛИН: «Вызываю огонь на себя!»

...Учитель поднимается на крыльцо. Его посещение ничего приятного не предвещает. Потом учитель церемонно раскланивается, отец, вежливо улыбаясь, провожает его до двери. Дверь захлопывается, улыбка с его лица исчезает. Теперь начнется то неприятное, что и предвещал приход учителя. «Вот тебе — за сорванный урок! Вот тебе — за сдвинутые парты! Вот тебе — за катание по перилам!» — приговаривает отец, орудуя ремнем. «А-а-а!» — ревет сын. Больно.

...Он приходит в шахтоуправление и выкладывает на стол тетрадный листок:

— Хочу в забойщики!

— Хлипкий ты больно для забойщика. Пойдешь на лесосклад.

— Я хочу в забойщики! — упрямо повторяет он, страшно боясь заплакать.

Но завотделом кадров уже выписывает направление на склад. И он идет на склад.

...Курсант останавливает повозку и бежит в казарму взять из тумбочки книжку. Выходит, а перед повозкой — комбат:

— Почему оставили лошадей без присмотра?

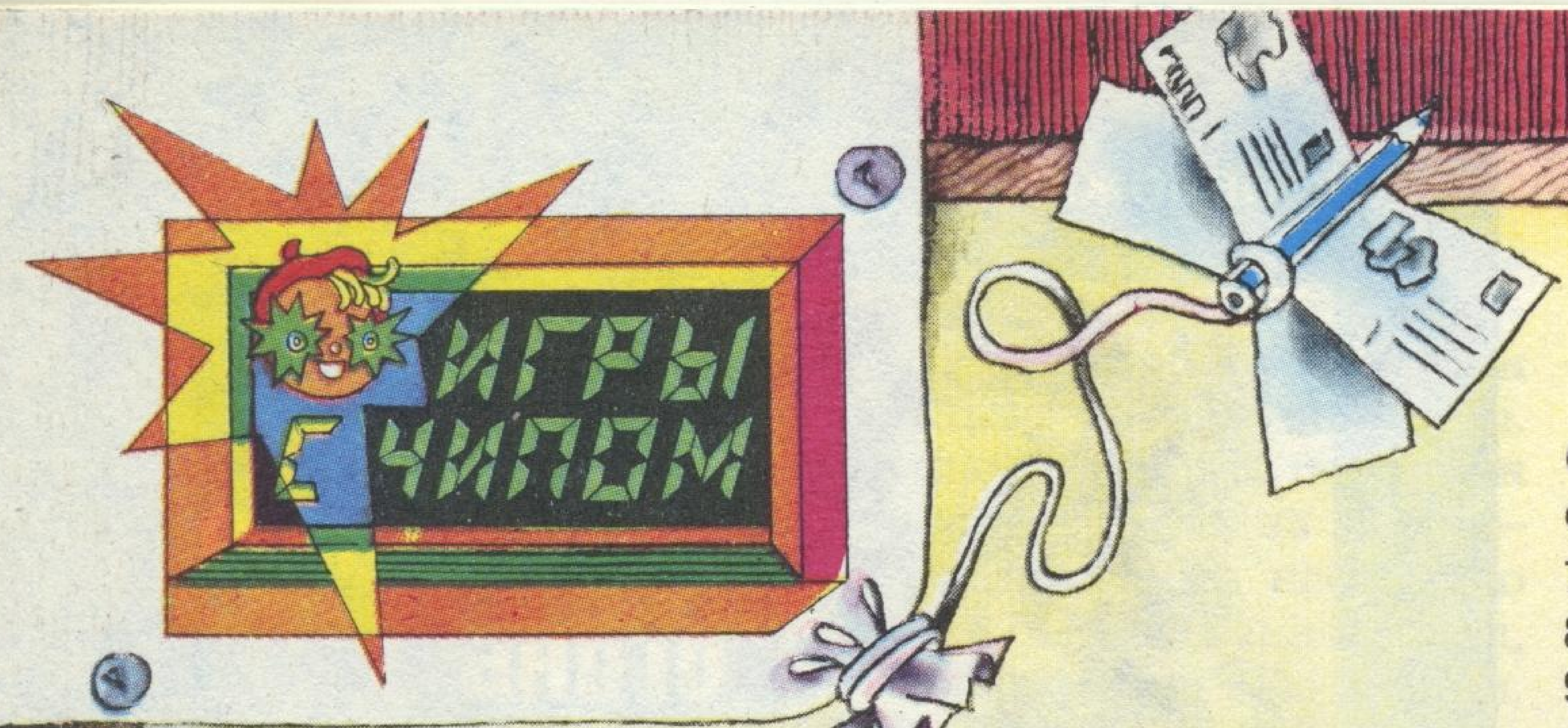
— Я только на две минуты!

— За две минуты лошади могут запутаться в вожжах, покалечиться, разбить повозку. Два наряда вне очереди.

...На небольшом плацдарме у берега Днепра разведчик с радисткой корректирует огонь артиллерии. Плацдарм катастрофически быстро уменьшается. И вот гибнут последние его защитники. «Вызываю огонь на себя!» — передает по рации разведчик.

Кажется, первые три эпизода из одной жизни — обыкновенной, а последний из другой — героической. Но дело в том, что все они из жизни Афанасия Петровича Шилина. Одного из немногим более ста человек, удостоенных в Великую Отечественную войну звания Героя Советского Союза дважды.

Его необыкновенность в его обыкновенности. Он был такой же, как все. И хотел быть таким же, как все. Но не по принципу: «не высовываться». А по принципу: «один — за всех и все — за одного». Наверное, поэтому он и стал Героем.



— Чип! Посмотри, как много у нас новых друзей!— обрадовался Сережа, глядя на стол, заваленный письмами. Он взял наугад несколько конвертов: Мурманск, Одесса, Хабаровск, Ленинград, Киев...— Вот бы съездить ко всем этим ребятам в гости!

— На это тебе не хватило бы даже летних каникул,— засмеялся Чип.— Только на конкурс «Турнир» пришло 602 письма. Кстати, вот задача. Наверняка есть ребята, которые прислали нам по нескольку писем — ответы на различные конкурсы. Как нам найти их ответы в этой груде?

— Разве это задача,— сразу ответил Сережа,— надо рассортировать конверты с фамилиями авторов по алфавиту. А алгоритм быстрой сортировки мы уже знаем, помнишь историю про принца и Золушку?

— Помню, а вот какую программу ты бы написал для нашей задачи?

Сережа немного подумал и написал такую программу:

1. Взять мешок, в котором М писем.
2. Рассортировано 0 писем.
3. Повторяй, пока рассортировано меньше, чем М писем.
4. Возьми из мешка письмо.
5. Вставь в список новое письмо.
6. Конец.

Подпрограмма: «Вставь в список» (новое письмо)

1. Верхний = 0
2. Если рассортировано 0 писем, перейди к строке 7.
3. Нижний = длине списка.
4. Средний = (Верхний + Нижний): 2
5. Если фамилия > Среднего, то
Нижний = Среднему,
иначе
Верхний = Среднему.
6. Если Верхний > Нижнего + 1, переходи к 4-й строке.
7. Вставить фамилию после Верхнего.
8. Длина списка увеличилась на единицу.
9. Возврат.

— Все правильно,— сказал Чип, проверив программу,— только ты ведь не знаешь, сколько в мешке писем. Поэтому лучше будет, если ты напишешь третью строчку программы так:

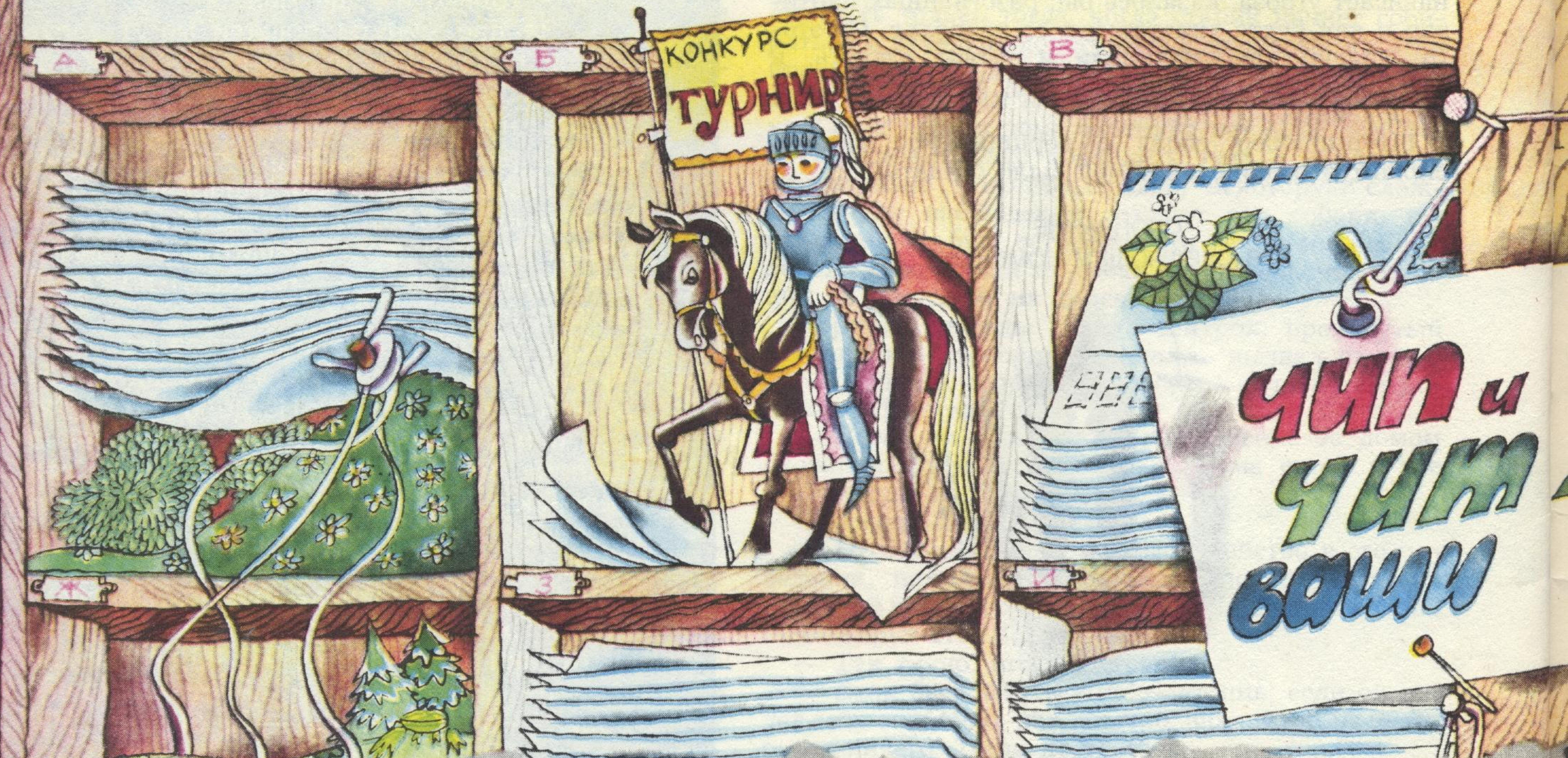
3. Повторяй, пока в мешке есть письма:

И еще хорошо бы вставить в блок между четвертой и пятой строчками строку: «Прочитать письмо». Кстати, именно таким способом я и воспользовался, когда разбирал нашу почту.

Очень много откликов пришло на задание найти алгоритм Евклида. Правильные ответы прислали: Сергей АЛЕКСЕЕНКО из Хабаровска; Дима АПУХТИН, Челябинск; Люда БРЫНЬ, г. Мена; Лена ГЕРАСИМОВА, Одесса; Саша ЗАВОРИН, п. Победа; Олеся КОСТЕНКО, Севастополь; Оля МАЗЕПА, Волжский; Лена МАЙОРОВА, Килок; Саша МАРТЫНЕНКО, Киев; Лена МОСТОЛЬСКАЯ, Москва; Наташа МУСИЕНКО, Похвистнев; Света НЕРЫДАЕВА, Ярославль; Туля ПУЗАТОВА, д. Б. Когульбаева; Таня РАМЕНСКАЯ, с. Рогачево; Аня САМАРОВА, Москва; Алена ТАРАСОВА, Ижевск; Оксана ТЮНИКОВА, Омск; Оля УСАЧЕВА, Донецк; Нина ШЕВЧЕНКО, Иркутск; Юра ЮРЬЕВ, Москва.

Гораздо сложнее оказалось помочь электронному мальчику с пальчик выйти из болота. С этой задачей из 90 претендентов лучше всех справились Алеша АЛЕКСЕЕВ, Уфа; Витя РЫЖАКОВ, Томск и Дима СОСУЛЯКИН, Новокузнецк. Программы, которые они предложили, очень похожи и выглядят примерно так.

1. Возьми три веревки, привяжи к колышку.
2. Трем братьям отойти в разные стороны.
3. Выбрать верхнего.
4. Всем переместиться к выбранному брату и забить там колышек.



5. Если не вышли из болота — возврат к 1.
Подпрограмма: «Выбрать верхнего».
1. Посмотреть на веревки.
2. Если одна выше остальных — выбрать этого брата.
3. Если все на одном уровне — жди утра.

— По-моему,— сказал Сережа,— все трое допустили небольшую ошибку. Чтобы выйти из трясины, нам надо найти не брата, стоящего выше всех, а место, которое выше, чем то, где забит колышек. Возможно, что одна веревка будет выше других, но все братья будут находиться ниже колышка. Тогда мы не только не выйдем из трясины, но, наоборот, завязнем еще глубже. Программу «Выбери верхнего» я бы написал так:

1. Посмотри на веревки.
2. Если есть хоть одна, идущая вверх, то
 выбери самую верхнюю,
 иначе
 жди утра.
3. Возврат.

— Правильно, Сережа, я бы даже усилил твое утверждение и написал: «Если есть хоть одна, идущая не вниз» — зачем ждать утра, если есть возможность испробовать еще один вариант, оставаясь на том же уровне.

— Посмотри, Чип, вот сюжеты электронных игр, целых семьдесят писем.

— С этим заданием лучше всех справились Никита ЛИТВИНЕНКО, Краснокаменск и Ира РЯБЫХ, п. Ларба. Пятиклассник Никита предложил игру «Леопольд, выходи!» и даже нарисовал картинку. Сюжет игры такой: две мыши, которыми управляют с помощью клавиш компьютера, дразнят кота Леопольда и прыгают через кнопки, лежащие на дороге. Если мышка приземлится на кнопку, раздается громко «Ай!» (современные компьютеры уже умеют разговаривать), и игрок получает штрафное очко. Дорога с кнопками может двигаться быстрее или медленнее. Поскольку мышек две и они прыгают независимо друг от друга, управлять ими будет не просто, такая игра потребует хорошей координации движений и быстрой реакции.

— Чип, а помнишь того сердитого читателя из Свалявы? Он писал, что мы даем слишком простые задачи. Ему предложили более трудное задание и попросили написать на конверте: «Чип, это я».

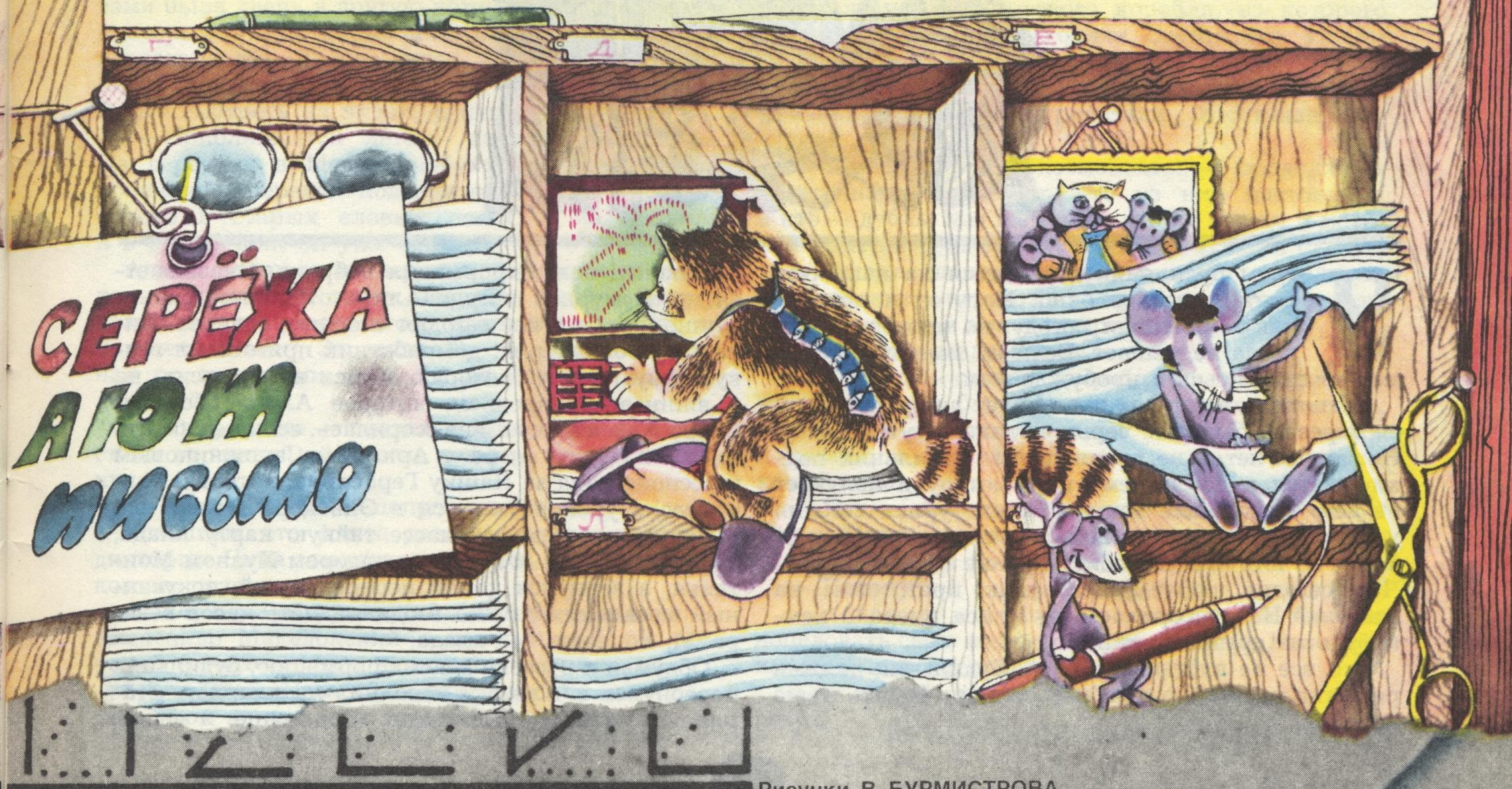
— Конечно, помню. Письма из Свалявы мы, правда, пока не получили, зато вон лежат семь писем из разных уголков страны с надписью «Чип, это я». Не знаю, что хотели сказать их авторы, но, к сожалению, в этих письмах нет ни слова о сложном задании, просто ответы на конкурс «Турнир». Кстати, с этим конкурсом справились многие ребята. Правильные ответы прислали: Дима АНТОНОВ, Пермь; Ярослав ВЕРБЕ, Киев; Паша ДАНИЛОВ, Загорск; Юра ДУКАЧ, Экибастуз; Саша ЕЛЕСЕЕВ, Ростов-на-Дону; Алексей ЕРОХИН, Марганец; Дима ЗАЙЦЕВ, Апатиты; Кирилл ИЛЬИН, Ленинград; Саша КОНЕВ, Курчатов; Сергей КОРОВЯКОВСКИЙ, Мурманск; Роман КАЛИНА, Оренбург; Таня КРЕСТОВСКИХ, Ухта; Лена МАТАШКОВА, Витебск; Слава НИКОЛАЕВ, с. Новомихайловское; Игорь ПЕРМИНОВ, г. Ступино; Алеша МАЛЬКОВ, г. Шимановск; Ольга Л., с. Вихоревка; С. РАСТРИГИН, Рязань; Юра ПЕТРАШОВ, Тольятти; Женя СЕРГУНОВ, Юрга; Дима СУТОРИН, Пермь; Яна СУХОРУКОВА, Красноярск; Оля СИЛИНА, Юрьев-Польский; Ольга ШЕПТАЛИНА, Балашиха; Эльвина ЮНУСОВА, Уфа.

Много программ на бейсике, программ для микрокалькуляторов прислали наши читатели на задание «Турнир». Больше всех постарался Станислав Растригин: он прислал программы на трех языках — бейсике, алголе и рапире. Игорь Перминов из Ступина на базе нашего задания придумал сюжет электронной игры «Турнир».

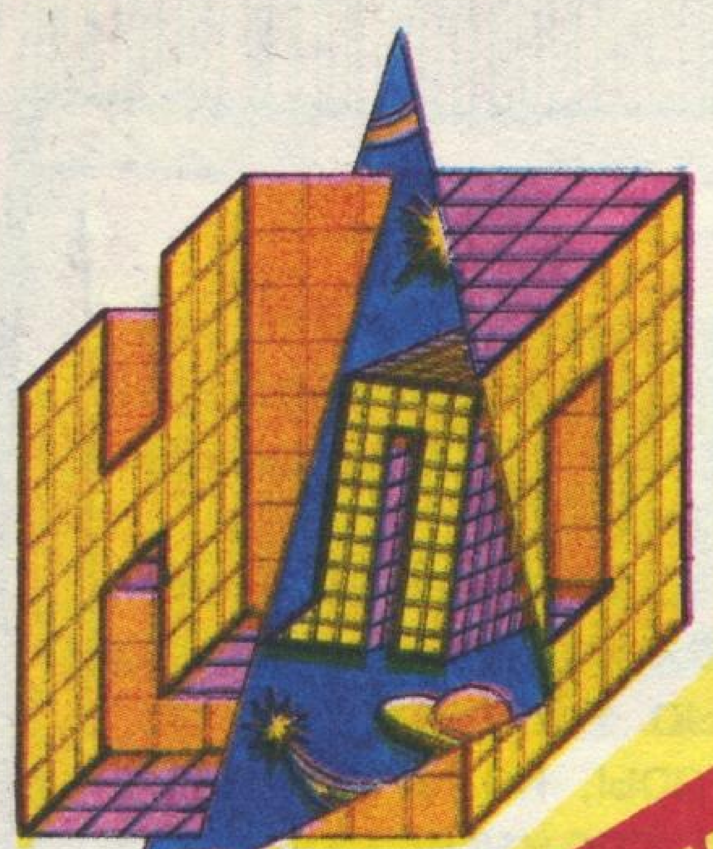
— Чип, а давай предложим тем читателям, кто занимается в кружках программирования, усложнять для себя наши задания. Пусть записывают программы на машинных языках или придумывают на основе этих программ электронные игры.

— Конечно, если наши задания кому-то кажутся слишком простыми, их надо использовать как отправную точку для самостоятельной работы.

Раздел ведут профессор А. МИГДАЛ и М. АГИШТЕЙН.



Рисунки В. БУРМИСТРОВА.



ВНИМАНИЕ! ВНИМАНИЕ!! ФАНТАСТИКА, ПРИКЛЮЧЕНИЯ, ГИПОТЕЗЫ!!!

Новая рубрика для вас — «В треугольнике НЛО» (Невероятных Литературных Открытий).

Много на свете загадок, тайн нераскрытых, которые влекут нас к себе. Ну, например, Бермудский треугольник. Сколько в нем потерялось кораблей и самолетов?! Масса! Необъяснимо. Бесследно. Навсегда...

Наш загадочный треугольник иного свойства. В нем ничего не исчезает, а наоборот, все появляется: фантастические и приключенческие повести и рассказы, удивительные гипотезы. Чтобы эту мысль подтвердить, давайте для начала поговорим о НЛОнавтах. В описании их внешности иногда четко видны черты, роднящие их с образом лешего или водяного: у существ зеленые лица и волосы, круглые рыбьи глаза.

Из народных сказок мы знаем, что леший, например, наводит порчу: человек при встрече с ним каменеет, чувствуя, как волосы на голове встают дыбом. Лошади тоже останавливаются как вкопанные, и никакая сила не может их заставить двинуться с места.

Существуют «гипотезы», что на место устаревших чертей и русалок с их допотопными телегами и тарантасами пришли НЛОнавты с «летающими тарелками». Однако большинство ученых совершенно уверены, что все случаи с НЛО объясняются просто: игрой света, шаровой молнией, атмосферным электричеством или обыкновенной, но хитрой, мистификацией. И в то же время во многих случаях разгадка таинственных явлений пока не найдена...

Между прочим, у нас тоже есть НЛОнавты. Вы с ними будете постепенно знакомиться. И многие из великих людей могли бы ими стать, если бы жили сейчас. К примеру: Уэллс, Конан-Дойль, А. Толстой, А. Беляев, К. Циолковский и даже авторы книг о бароне Мюнхгаузене — все они вполне могли бы занять кресла пилотов НЛО. Сегодня же наш корабль ведет писатель-фантаст и по совместительству «Пилот в треугольнике НЛО» (есть у нас такая должность!) Кир БУЛЫЧЕВ.

В дороге, даже самой захватывающей, неплохо и поговорить, а еще лучше — послушать интересного рассказчика. Давайте попросим нашего пилота рассказать нам свежие «Новости будущего века».

Кир БУЛЫЧЕВ

Утром будильник становится на цыпочки, выглядывает в окно. Хоть он и помнит, какую обещали погоду, но проверить никогда не мешает. Если не знаешь погоды, можно ошибиться с пробуждением.

Будильник видит: за окном дует ветер, сгибаются березки, быстрые серые облака бегут по небу. Но дождя нет и не предвидится. Будильник подключается к домашнему компьютеру и получает от него следующие данные: какие уроки сегодня у Алисы в школе, причем ему очень важно узнать, какие из них Алиса любит, а какие только терпит? Что сегодня робот-домработник приготовил на завтрак? Не поссорилась ли Алиса вчера с кем-нибудь из друзей и знакомых?

Это все не пустые вопросы. Будильник должен решить: каким звуком ему сегодня будить свою хозяйку.

Наконец вся информация собрана. Оказывается, к пасмурной погоде Алиса относится равнодушно, уроки у нее сегодня сносные, если не считать тригонометрии, домработник приготовил геркулесовую кашу, которую Алиса не выносит, но с вишневым вареньем, которое Алиса обожает. Вчера Алиса ни с кем не ссорилась, если не считать чисто научного спора с Аркашей Сапожниковым и беспокойства за Пашку Гераскина, который сразу после уроков умчался в Эквадор, потому что выменял в соседнем классе тайную карту клада, зарытого в 1560 году конкистадором Хуаном Монтанья, а вернулся домой исцарапанный, искусанный москитами только в одиннадцать часов вечера. И, конечно, без клада.

Обдумав и взвесив всю информацию, будильник повернулся к Алисе и исполнил на кларнете старинный авиационный марш «Все выше, и выше,

и выше стремим мы полет наших птиц!», так как именно эта мелодия именно на кларнете лучше всего подходила для того, чтобы разбудить Алису.

От звука марша Алиса открыла глаза, потянулась и подумала: «Почему же это у меня такое хорошее настроение?» Будильник почувствовал ее настроение и внутренне улыбнулся, потому что внешне улыбаться не умел.

Алиса вскочила, распахнула окно, сделала гимнастику и побежала в ванную. Будильник, довольный собой, заснул до следующего утра.

Марсианский богомол, который чуть ли не с незапамятных времен живет у Алисы под кроватью, услышал, что она поднялась, захрустел суставами и зашагал на кухню, где его уже ждала миска с сушеным горохом. Домработник захлопнул кляссер с марками, до которых был большой охотник, и включил плиту.

Так что, когда Алиса, умывшись и одевшись, вернулась к себе в комнату, завтрак стоял на столе.

Первым делом Алиса покормила синиц, что прыгали по подоконнику, потом подошла к телевизору и попросила рассказать новости.

Телевизор в конце XXI века не совсем то же самое, что телевизор конца двадцатого века.

Внешне он представляет собой плоский экран, прикрепленный к стене. Если приказать экрану включиться, он начнет двигаться по стене таким образом, чтобы замереть точно перед глазами зрителя.

Потом телевизор начнет показывать, что ему велят. Если ты хочешь услышать новости, начнутся новости, а если у тебя настроение послушать новую модную песню «Моя бабушка летала на Венеру», то телевизор покажет тебе концерт популярных песен. В XXI веке не человек — раб телевизора, который что хочет, то и показывает, а телевизор — слуга человека, и показывает то, что ты желаешь видеть.

Алиса хотела узнать, что нового случилось в мире, пока она спала.

Экран сдвинулся ближе к столу, и в стене обнаружилось углубление, будто перед Алисиными глазами была дверь в другую комнату. Оттуда вышла дикторша Нина, села за стол напротив Алисы и сказала ей: «Доброе утро». Стена за ее спиной стала большим окном. Иногда, чтобы не мешать Алисе смотреть на экран, дикторша исчезала.

— Приближается лето,— начала дикторша.— На деревьях в Москве набухли почки, в лесах появились первые подснежники. Снег остался только в старых еловых лесах, а на полянах и в березняках он уже сошел.

Алиса смотрела на деревья, гнущиеся под ветром, и думала: и зачем человеку идти в школу, когда можно вместо этого отправиться в лес за подснежниками? Эх, если бы не эта контрольная по географии, села бы во флаер и полетела в лес!

— Ешь, Алиса,— сказал домработник, который стоял за спиной.— Многие великие люди ели геркулес.

— Напомни, кто,— попросила Алиса.

Услышав, что Алиса разговаривает с роботом, дикторша Нина замолчала и ждала, пока Алиса не кончит разговор.

— Кто? — Робот немного подумал и заявил: — Александр Македонский — наверняка. Илья Муромец ничего другого не ел.

— А Юлий Цезарь? — спросила Алиса.— Помоему, он не выносил геркулес.

— Проверю,— осторожно ответил робот.— К обеду нужная информация будет в твоем распоряжении.

— Продолжай, Нина,— попросила Алиса.

— Новый рекорд установили вчера строители,— сказала Нина. За ее спиной появилось изображение громадного дома.— Вчера они вырастили двадцатиэтажный дом на триста квартир за два часа тридцать одну минуту. Этот рекорд официально зарегистрирован в книге рекордов Гиннеса. При известии об этом рекорде...— Нина обернулась к стене, на ней возникло изображение веселого черноглазого скуластого человека в оранжевой строительной каске.— При известии об этом рекорде пекинский строитель Чжи Куанджи решил сегодня же построить дом за полтора часа. В этом доме будет на двенадцать квартир больше. К вечеру будем ждать вестей из Пекина.

— Это несолидно,— сказал домработник.— Дом надо строить не спеша, может быть, два или три дня. Что за спешка! Им некогда подумать о красоте.

— А по-моему, красивый дом,— сказала Алиса. В конце двадцать первого века дома будут строить совсем иначе, чем в двадцатом. Из пластиковых прутьев строители будут возводить «скелет» первого этажа. Потом посыплют основание будущей стены сухими спорами специальных быстрорастущих кораллов. Стоит после этого полить коралловые споры водой, как коралл начнет быстро расти, обволакивая прутья. Через несколько минут первый этаж готов. Туда могут идти отделочники. А строители уже вяжут из пластика следующий этаж...

— Вчера с планеты Струкка в системе 45-Б вернулась экспедиция Сергеева-Шумского. Пролетая сквозь зеркальное облако в трех парсеках от Земли, корабль экспедиции подвергся действию неизвестных еще лучей, в результате чего все члены экипажа удвоились. И на Землю вернулось вдвое больше космонавтов, чем отправилось в путь. К сожалению, это привело к очень большим неприятностям.

Дикторша вздохнула. На экране появилось изображение космического корабля, из которого парами близнецов выходили смущенные космонавты.

Вот видно было, как по полю к ним бегут родственники: жены, дети, родители... И останавливаются в смущении.

— Раздвоившиеся космонавты,— продолжала дикторша,— не знают, кто из них настоящий, а кто — дубль. Мы надеемся, что их женам и матерям удастся решить эту проблему. В ином случае, как заявил нашему корреспонденту начальник космических перевозок, придется отправлять родственников в полет к зеркальному облаку, чтобы они тоже раздвоились.

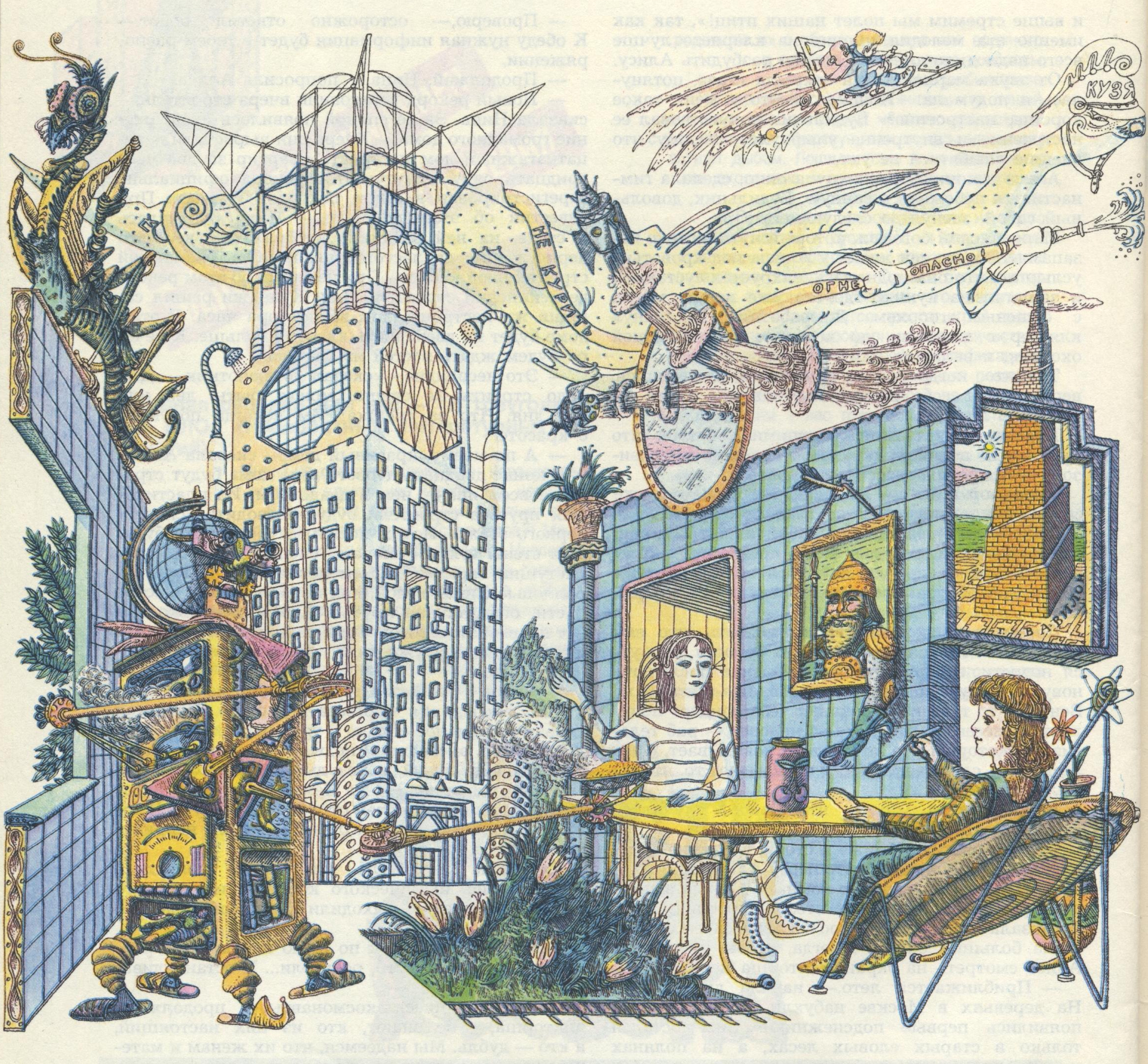
— Чепуха,— сказал домработник.— Зачем терзаться? У тебя был один сын — стало два сына. Один папа — стало два папы. Один будет летать в космос, а второй останется дома и займется хозяйством.

— Нет,— возразила Алиса.— Ничего не получится. Мама еще переживет, дети еще переживут. А вот с женами плохо.

— Почему?

— А потому что один из космонавтов захочет поцеловать свою жену, а второй скажет: «Какое ты имеешь право целовать мою жену?»

— Я порой не понимаю людей,— вздохнул робот.



— Как нам сообщили из порта Дарвин в Австралии,— продолжала дикторша,— сегодня дельфин спас девочку, которая пошла купаться в районе Большого рифа и чуть не утонула. Дельфин принес ее на спине. Когда взволнованные родители девочки стали благодарить дельфина, он ответил им по-английски: «Не стоит благодарности». Это первый в истории достоверный случай, когда дельфин говорит по-английски.

Улыбающаяся морда дельфина заняла весь экран.

— Простите,— сказала Нина.— Срочное сообщение.

Перед ней загорелся экранчик. Нина прочла сообщение:

— Из Кишиневского зоопарка сбежал дракон, привезенный три года назад экспедицией на корабле «Пегас» под руководством профессора Селезнева.

— Ой! — ахнула Алиса.— Кузя сбежал!

— Вопрос в том, куда сбежал,— сказал робот.— Если он сбежал к нам, то скажите, чем я буду его кормить? Совершенно не представляю, что жрут эти драконы. Может быть...

Робот посмотрел на марсианского богомола, и от его холодного взгляда перепуганный богомол спрятался под стол.

Богомол тоже не знал, чем питаются драконы и тоже не исключал, что марсианскими богомолами.

— Передаем описание сбежавшего дракона,— продолжала Нина.— Длина — сорок пять метров. Цвет красный, переходящий в зеленый. Отзывается на кличку Кузя.

На экране возникло изображение дракона. Дракон казался очень страшным.

— Знающих о его местопребывании, — сказала Нина,— просят сообщить в общество охраны животных или в пожарную команду.

— Почему в пожарную? — спросил робот.

— Потому что он огнедышащий,— ответила Алиса, отодвигая тарелку с геркулесом и наливая себе чаю.

— Посмотрите теперь сюжет,— сказала Нина,— о соревнованиях рыболовов на реке Сырдарья.

На экране показалась полноводная широкая река, по берегам которой росли финиковые пальмы. Под пальмами сидели рыбаки. Вот они засуетились, начали перекликаться, сбежались к толстому мальчику, который тянул что-то большое и тяжелое. Общими усилиями рыбаки вытащили на берег двухметрового осетра.

— Ничего особенного,— сказал домработник.

— Ты не знаешь,— возразила Алиса.— Сто лет назад этой реки почти не было — ее всю разобрали на орошение. А теперь есть река и есть рыба. Разве плохо?

Тем временем дикторша продолжала рассказывать новости.

— В городе Вавилон,— сказала она,— закончена реставрация Вавилонской башни. Несколько лет реставраторы из сорока стран по кирпичику сооружали это древнее здание. Несмотря на то, что они говорили на разных языках, им удалось найти общий язык — язык науки и искусства.

Роботу Вавилонская башня не понравилась. Он вообще был против увлечения людей древними постройками. Он был убежден, что хорошие вещи — это новые вещи. А старые никому не нужны. Но эта точка зрения характерна только для роботов.

— Разгорелась жаркая дискуссия,— продолжала дикторша,— в среде биологов. Как известно, на ферме в Караваеве выведено стадо коров, которые дают сливки вместо молока. Тамошний зоотехник Ремеслин решил сделать шаг вперед — его любимая корова Зорька дает в день три килограмма сметаны. Многие ученые осуждают действия Ремеслина, потому что Зорька питается теперь только кислой капустой и солеными огурцами. Вот что сказал нашему корреспонденту профессор Редькин...

На экране появился худенький, лохматый академик, который взмахнул руками и закричал:

— Ремеслин, остановись! Кислую капусту надо есть, как она есть! Соленые огурцы нужны человеку, а не корове! Что будет, если ты завтра изобретешь корову, которая вместо молока дает кефир? Ты оставишь народ без клюквы? Ты авантюрист, Ремеслин!

Профессор исчез с экрана, а дикторша сказала:

— Теперь о спорте!

На экране появился шахматный столик. За ним сидели два пожилых человека.

— Сегодня началась три тысячи восемьсот двадцатая партия в борьбе за шахматную корону между Анатолием Карповым и Гарри Каспаровым. В партии разыграна защита Грюнфельда. До сорокового хода партия повторила позицию, уже встречавшуюся в четырнадцати предыдущих партиях. На сорок первом ходу партия отложена. Мы пользуемся случаем поздравить ветеранов шахмат со столетием начала их эпохального сражения.

— Ты за кого болеешь? — спросил домработник.

— Я, как и мой дедушка,— за Каспарова.

— А теперь о погоде,— сказала дикторша.— В Москве облачно, дует ветер. Эта погода заказана сельскохозяйственным управлением, которое считает, что посевы получили уже достаточно солнечного света и тепла. После обеда облака уйдут на Украину, где нужны дожди. Бюро прогнозов приносит извинения жителям села Хивино, на которое сегодня ночью выпал снег. Это произошло из-за того, что компьютер перепутал Хибины, где требовался снег для проведения лыжных соревнований, с Хивином, где снег не требуется, потому что там уже посадили рассаду клубники.

— Эти компьютеры совершенно распустились,— проворчал домработник.— Делают, что хотят.

Алиса поднялась из-за стола, поблагодарила дикторшу Нину за новости и стала собираться в школу.

Так начался обыкновенный день XXI века.

Пока у нас в НЛО немного предметов: черный ящик для гипотез, белый ящик для открытий, бортжурнал для рассказов да иллюминаторы для удивительных рисунков и фотографий. Если вы, дорогие читатели, захотите стать членами экипажа НЛО, то вам тоже надо что-нибудь рассказать, что-нибудь такое, совершенно необычайное и жутко интересное. Или нарисовать. Или сфотографировать. Ведь хотя мы и знаем, что «чудес не бывает» и что всякие «бермудские страсти» имеют вполне земное происхождение и объяснение (правда, пока не найденное), но, верно ведь, порою так хочется с головой окунуться в тайну. Чтобы стало жить еще интересней!

Лучшие ваши истории мы запишем в бортжурнал, страницы которого будем печатать. В нем уже есть первые записи — это «Календарь НЛО»...

110 лет назад обнаружена первая «летающая тарелка». Американец Джон Мартин, ферма которого была расположена в нескольких милях южнее Денисона (штат Техас), видел на небе темный объект в форме диска, летящий с «удивительной скоростью», и применил для его описания слово «блюдце».

123 года с момента страшного урагана, унесшего Сайреса Смита и его товарищей на Таинственный остров.

124 года назад в желудке рыбы-молот была найдена бутыль, в которой хранились первые сведения об исчезнувшем капитане Гранте.

Кстати, какие еще даты вы знаете и какие предметы советуете взять с собой в НЛО?

Ждем ваших писем! Ждем новых членов экипажа НЛО!

Рисунки А. БАЛДИНА.

САТИРИКОНЧИК

РАССКАЗИК

Михаил БРАТАШОВ

КАК ЭТО ДЕЛАЛОСЬ В ОДЕССЕ...

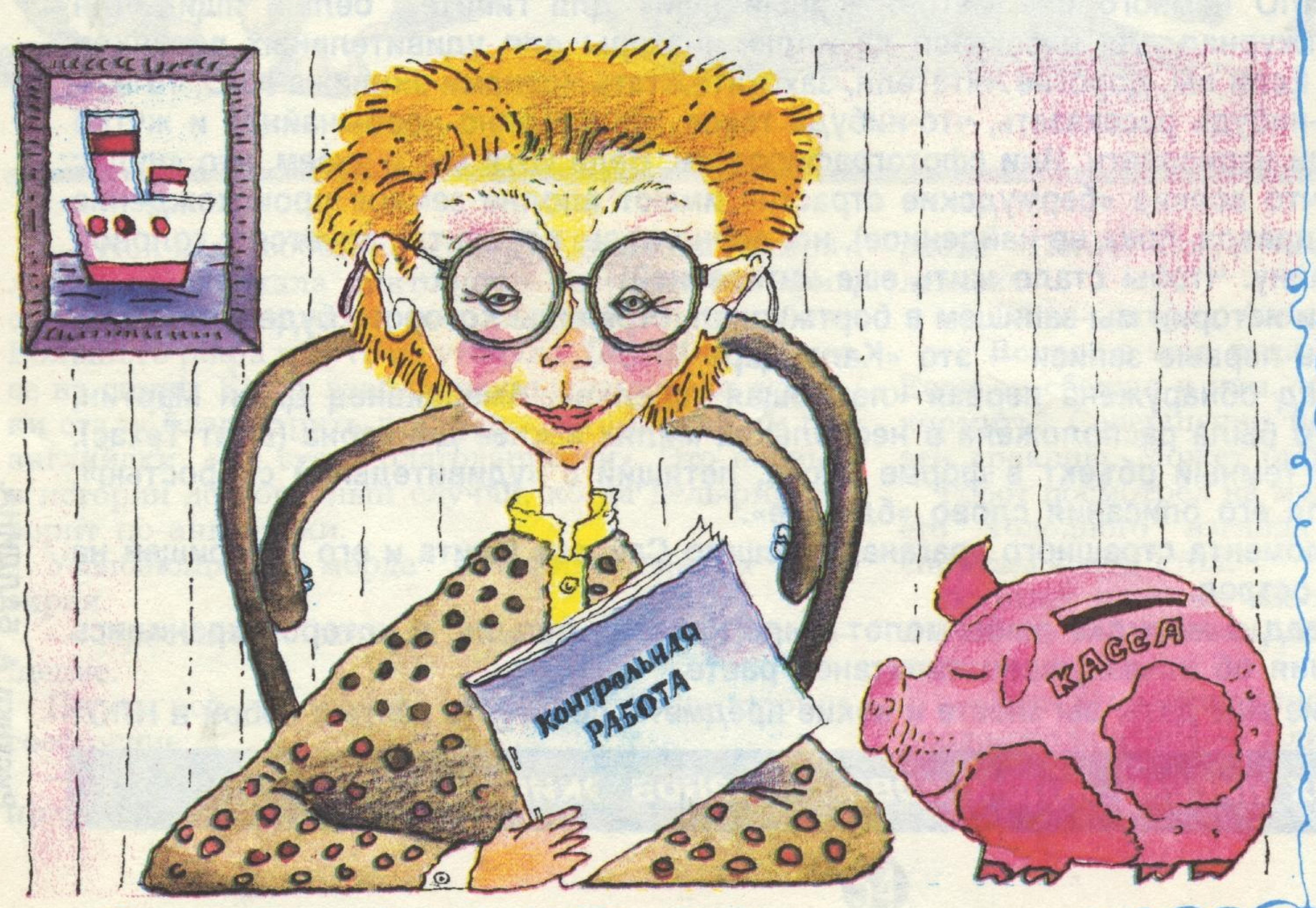
Радость Миши Кригина не знала границ. Сегодня, сразу после торжественной линейки, он и еще несколько особо отличившихся его товарищей отправятся в первое плавание по Черному морю на сверкающем ослепительно белой краской, новом, комфортабельном океанском лайнере.

Призывно запели горны, ударили барабаны, грянул духовой оркестр. По слегка покачивающемуся трапу спустился просоленный всеми морями, обветренный всеми ветрами седоусый капитан. Чеканя шаг, прошел он мимо выстроенной в парадной форме команды, отдал честь знамени дружины и замер по стойке «смирно».

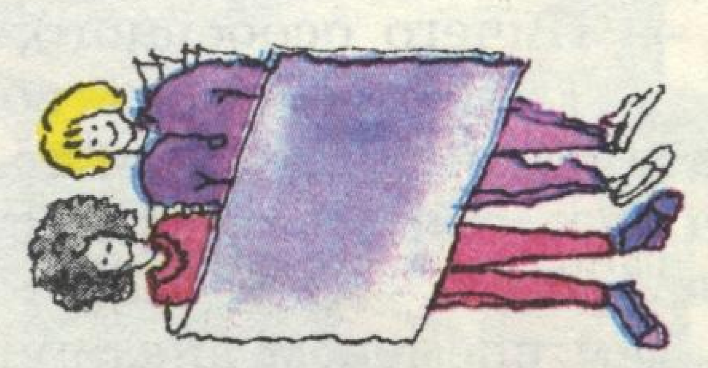
— Дорогие товарищи моряки! — открыла торжественную линейку старшая пионервожатая.— Год назад пионерская дружина нашей школы решила подарить вам новый лайнер. Целый год, не жалея ни сил, ни личного времени, трудились пионеры, чтобы собрать средства. И вот, наконец, мы можем передать вам этот прекрасный современный океанский корабль. Как собирались средства на его постройку, вам расскажет пионер Миша Кригин, который отличился больше всех.

Мишу вытолкнули из строя.

— Дорогие товарищи моряки! Конечно же, сбор металлолома и сбор макулатуры позволили нам собрать часть суммы... Но ее, к сожалению, на корабль никак не хватало. Тогда на совете дружины...— Миша с достоинством поправил на носу массивную оправу очков и на секунду задумался.— В общем, раньше в нашей школе практиковалось безвозмездное списывание контрольных и домашних заданий, теперь же мы разрешили отличникам помогать и подсказывать отстающим за умеренную плату. А отличники, в свою очередь, должны вносить эту плату в пионерскую копилку. И вот тогда нам хватило...



ОТВЕЧАЙНАЯ



«Если вы хочете что-либо напечатать, напечатайте фотографию «Модернов Токингов» в полный рост». Б. О-в, г. Донецк.

«Хочем, но не могем. Фотография этих «Модернов» в журнал не влазит».

* * *

«Можно, я буду вашим главным писателем?» Лена К., Омская область, Муращевский район.

«К сожалению, должность главного писателя уже занята. Можем предложить пост главного читателя».

ХОДЯЧИЙ АНЕКДОТ

ГДЕ БОЛИТ?

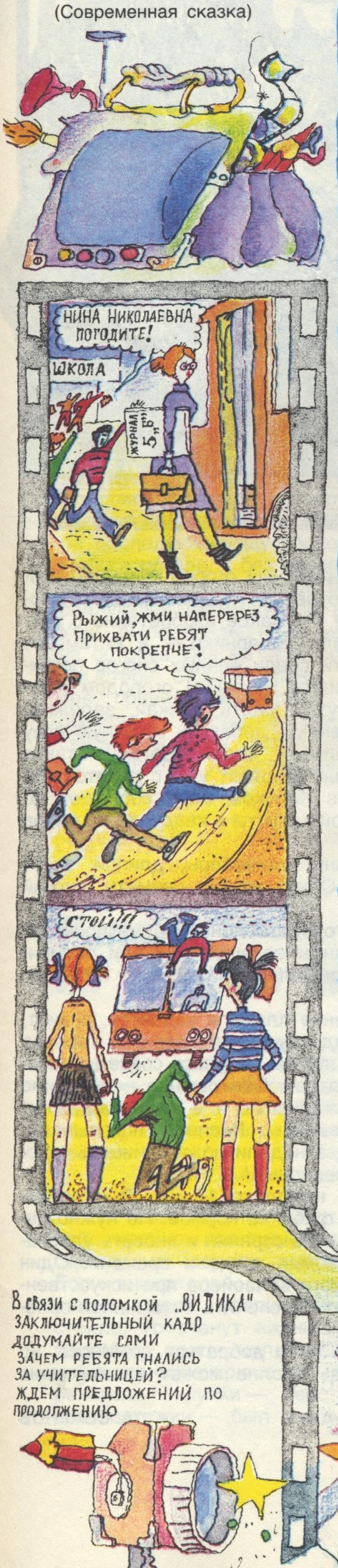
Ученик. Извините, я не могу идти на урок.
Учитель. Почему?
Ученик. Я плохо себя чувствую.
Учитель. Где именно у тебя болит?
Ученик. В классе.

ВИДИК

А. КАРЦЕВ
Л. ПЕРСКИЙ

ПОГОНЯ

(Современная сказка)



БУКЛАВКА

В этой рубрике мы предполагаем печатать те произведения, которые сегодня можно отыскать разве что в букинистических лавках. Вернее, которые и в этих лавках отыскать практически невозможно. И открывается рубрика стихами одного из самых знаменитых сотрудников не менее знаменитого журнала «Сатирикон» — прадедушки нашего «Сатирикончика». Зовут этого сотрудника Саша ЧЕРНЫЙ. Вы, быть может, его имени и не слышали. Но в начале века, по свидетельству Корнея Ивановича Чуковского, в России «не было такой курсистки, такого студента, такого врача, адвоката, учителя, инженера...», который не знал бы стихов Саши Черного наизусть. Но больше всего Сашу Черного любили дети. Из приведенного ниже стихотворения вы поймете, что любил их и он. Даже очень.

Саша ЧЕРНЫЙ

Репетитор

Тане Львовой захотелось в медицинский институт,
Дядя нанял ей студента, долговязого, как прут.

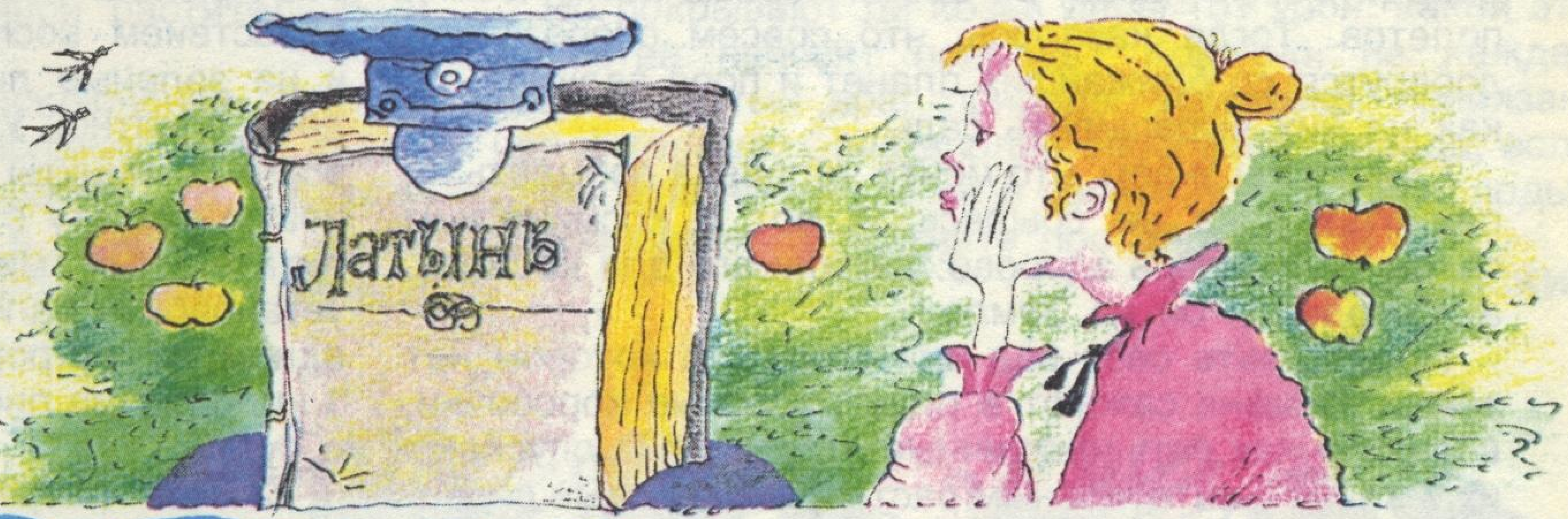
Каждый день в пустой гостиной он, крутя свой длинный ус,
Объяснял ей imperfectum [1] и причастия на «us».

Таня Львова, как детеныш, важно морщила свой нос
И, выпячивая губки, отвечала на вопрос.

Но порой, борясь с дремотой, вдруг лукавый быстрый взгляд
Отвлекался от латыни за окно, в тенистый сад...

Там, в саду, так много яблок на дорожках и в траве:
Так и двинула б студента по латинской голове!

[1] Прошедшее несовершенное время в латыни.



ИГРЫ БЕЗ ЧИПА

КОНКУРС имени барона Мюнхгаузена!

1. *«...и я выпрыгнул из самолета, но тут понял, что забыл надеть парашют...»*
2. *«...и шесть карабинов уперлись мне в грудь, а сзади меня обжигало горячее дыхание динозавра...»*
3. *«...и мой космический корабль зацепился антенной за обратную сторону луны...»*

Что происходило до того? И как выкручиваться дальше? У вас есть шанс сочинить три новые, еще неизвестные истории барона Мюнхгаузена.

Присылайте их нам. Победителям будет присвоено почетное звание **«Лучший враль «Сатирикончика».**

Ждем ваших историй на конкурс имени Мюнхгаузена.

Рисунки А. МАРТЫНОВА.

НА НАУЧНОЙ ВОЛНЕ

Раздел ведет В. НИКИТИНА.

Рисунки Н. и Т. ДОБРОХОТОВЫХ.

ДЕЛО ДЛЯ XXI ВЕКА

КАПУСТА С КОНВЕЙЕРА

В одной песне есть такие слова: «... и на Марсе будут яблони цвести». Придумали эту песню лет двадцать пять назад, во время первых космических полетов. Тогда казалось, что совсем скоро люди доберутся до ближайших планет и пора задуматься, как на них выращивать сады.

Сейчас мы знаем, что мечта человека побывать на планетах пока не сбылась. А вот с космическим садом получилось здорово: делали его для космоса, а пригодился он на Земле.

Представьте себе сад или огород, в котором нет земли. Семена сажают в пластмассовые коробочки, в коробочках есть крошечные отверстия, а опускают их в ванну с питательным раствором, который содержит все необходимое для роста овощей и фруктов.

Вначале, когда семена только посажены, коробочки стоят вплотную друг к другу. Появляются листья, коробочки раздвигают, чтобы растения не мешали расти своим соседям, вот и прорежать грядки не надо.

Следующий шаг — огород-конвейер: в начале его стоят коробочки с только посаженными семенами, потом — растения, которым один день от роду, потом — двухдневные и так далее. В самом конце — растения с созревшими плодами. Каждый день надо подсаживать семена в начале конвейера, постепенно передвигать и раздвигать коробочки и ежедневно снимать урожай с другого конца. Идея выращивать овощи без почвы была известна довольно давно, а вот мысль об огороде-конвейере принадлежит ученым из Института медико-биологических проблем Минздрава СССР.

Чем же хорош такой конвейер? Во-первых, растения на нем легче подкармливать питательными веществами — добавил их в воду, и все. Во-вторых, можно снабжать корни кислородом — они это очень любят. В-третьих, растение избавлено от вредителей, которых в почве полным-полно. Словом, ему создали нормальные условия для жизни.

Первый экспериментальный огород-конвейер был размером всего с табуретку. Назывался он «Самород-Арктика», потому что такое изобретение с удовольствием восприняли полярники — и витамины, и на зеленые листики среди вечных снегов поглядеть приятно. Ухаживать за таким огородом надо всего 3 минуты в сутки: снять урожай, заложить новую кассету с семенами, добавить суточную дозу питательных минеральных солей. Сегодня таких установок в Заполярье работает уже с десяток. На одном из островов в Карском море собирают до 1 килограмма листовой капусты с квадратного метра в сутки.

Сейчас разработаны конвейеры длиной в 14 и даже 20 метров. С них можно снимать урожай через каждый час.

Эксперименты с огородами-конвейерами проводили и при искусственном освещении и при солнечном — особо удачно растут овощи в Крыму под Симферополем.

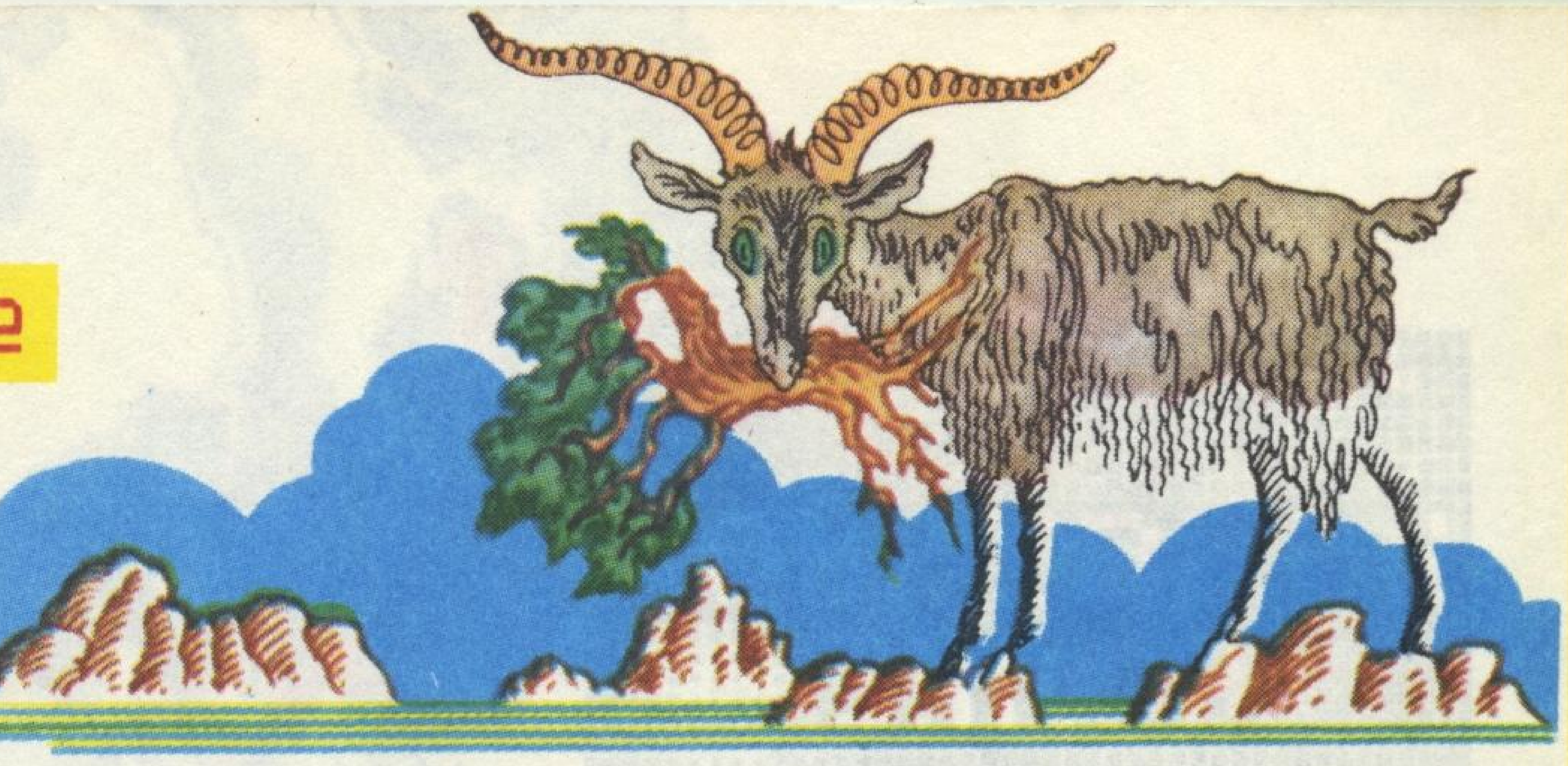
В XXI веке население планеты удвоится, значит, и продовольствия надо будет производить гораздо больше. А незанятой почвы осталось совсем немного, да и воды не хватает. Совершенно необходимо резко повышать урожайность, и в этом нам могут помочь огороды-конвейеры. Расчеты показывают, что с конвейера за две недели можно снимать годовой урожай травы люцерны.

Представьте себе комплекс 10 на 10 километров — колоссальная фабрика кормов. Не нужно пахать землю, пропалывать сорняки и вносить удобрения — огромная экономия труда и времени. Один квадратный метр такого конвейера при искусственном освещении может обеспечить витаминной зеленью 10—20 человек!

Хоть и не удалось пока добраться до Марса, но «марсианский огород» вполне может начать свою жизнь на Земле!

А. СЕМЕНОВ

ТАЙНЫ РАСКРЫТЫЕ И НЕРАСКРЫТЫЕ



ПОЧЕМУ КОЗУ ПРОЗВАЛИ ДЕРЕЗОЙ

21 мая 1502 года португальская каравелла под командованием Жоао де Нова Кастелло открыла очаровательный необитаемый остров — остров Святой Елены. Спустя 14 лет на покрытый пышной растительностью клочок суши высадили первого поселенца — Фернандо Лопеса, с ним было несколько козочек.

Размножившись, эти рогатые существа триста лет хозяйничали на острове, пока не обглодали его полностью. Увы, манера питания у коз разрушительная. Ветви, листва, хвоя и даже горькая, с дубильными веществами и смолами древесная кора любой козе по вкусу. На острове Святой Елены они не только щипали траву, но и вырывали «ковылочку» с корнем. Хрустящая на зубах земля не умеряла их аппетита. Козы выдергивали и молодую древесную поросль. Ни один побег, даже если он прятался под камнями, не ускользал от них. Пока деревьев и травы было много, а коз мало, это не выглядело мрачно. Вероятно, Лопес, как и Робинзон Крузо, благодарил всевышнего, что на острове есть козы: их мясо и молоко скрашивали рацион. Но через двести лет губернатор острова послал королю жалобу на коз, которые губили последнюю рощу эбеновых деревьев. Странную жалобу оставили без последствий: ведь коза полезнее какого-то там дерева. Только в 1810 году один из следующих губернаторов приказал истребить коз. Увы, было поздно — естественной растительности на острове уже не осталось.

Остров Святой Елены не исключение, а, скорее, правило. В Марокко и Испании козы съели обширные кустарниковые заросли. В Италии свели леса из остролиста, в Сирии и Ливане оголили известковые склоны гор, прежде занятые чудесным деревом — ливанским кедром.

В общем, всматриваясь в седую даль веков, невольно приходишь к мысли, что второе наименование козы — дереза — в русских сказках, а потом и в обиходе могло появиться после того, как козы поживились дерезняками — обширными зарослями кустарников, которых прежде было много в лесостепной, степной и пустынных зонах нашей страны.

Свободу коз пытались ограничить по-разному. Например, в Венесуэле уже давно запретили пасти их на склонах. Причем нерадивых пастухов ждало тюремное заключение. На Кипре, после того как в 1914 году вступил в силу закон против коз, недовольных было очень много. Но когда поголовье коз сильно уменьшилось, перестала сокращаться площадь обрабатываемых земель, началось восстановление лесов, повысились урожаи.

Справедливости ради, надо все же отметить, что у козы есть масса достоинств. Она очень и очень неприхотлива, может несколько дней не пить и месяцами пробавляться старыми вениками. Гигантский, в 24 раза длиннее тела, кишечник козы переваривает корм, в котором более половины грубой клетчатки. А годовой удой козы в 8—15 раз превышает ее живой вес, когда у коров — только в 5—8 раз. А знаменитые оренбургские платки, которые вяжут из пуха коз!

Но покрывают ли козьи дары тот урон, какой эти существа наносят природе? Конечно, не каждая коза — лютый враг природы: например, привязанная к колышку, она вполне безопасна. Правда, если привязана на лугу, а не в овраге или среди молодых лесопосадок. (Вспомните про дерезняки!)

С. КРАСНОСЕЛЬСКИЙ

ЗАЧЕМ И ПОЧЕМУ?

Репей на модном ботинке

У нас раздевалка после физкультуры «трещит» — ребята кроссовки на липучках расстегивают. Что это такое? Не пуговица, не «молния», а держит крепко.

Н. КОРОБАН, г. Москва.

Что такое липучка? Это... репей, крепко цепляющийся за одежду и шерсть животных. Если внимательно рассмотреть репей через увеличительное стекло, то станут видны загибающиеся концы колючек, этакие маленькие крючочки. Изобретатель липучки — текстильной застежки — был очень наблюдательным человеком и сумел оценить достоинства прилипчивого репья.

Липучка на одежде — это две полоски: на одной — крючки, на другой — петли. Крючки и петли должны быть упругими и прочными, поэтому их делают из крепких синтетических нитей — капрона, лавсана, нитрона. Можно использовать и тончайшую проволоку. Но это уже будет застежка для машин.

Делают липучки так. На специальных швейных машинах прострачивают ткань. Только вместо строчки получается ровный ряд петель, потому что одна нитка в машинке специально ослаблена. Если таких строчек много, то на ткани образуется синтетический ворс из множества петель. На ткани, которая должна стать второй, крючкастой половиной липучки, горячий тонкий нож надсекает петли сбоку: ведь синтетика легко плавится при соприкосновении с горячим предметом. От петли остается большой крючок и маленький ненужный обрезок нитки.

Прижмешь полоску с крючками к полоске с петлями — вот и застежка.

Л. ВИКТОРОВА

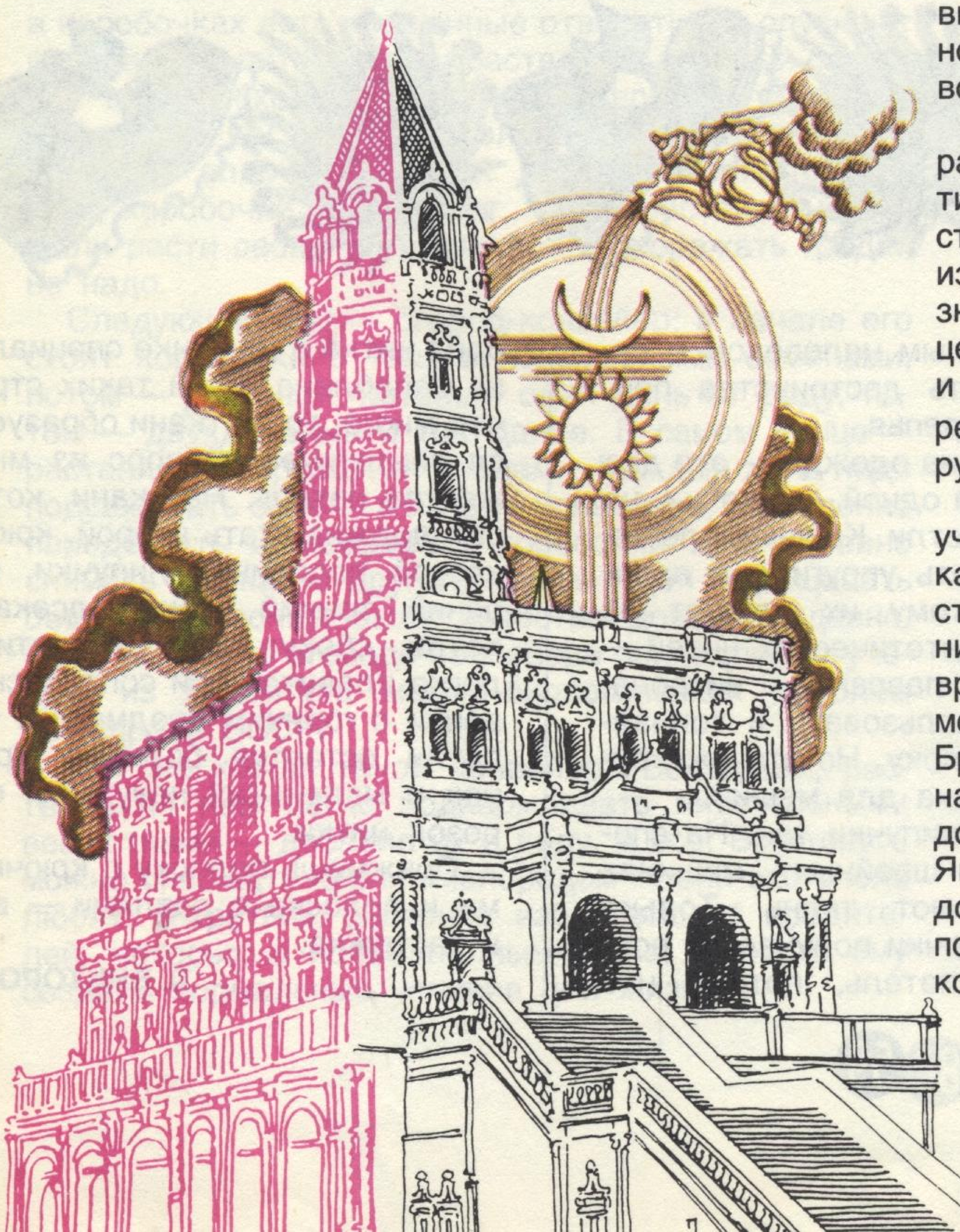
НА НАУЧНОЙ ВОЛНЕ

КТО ЧТО ИЗОБРЁЛ

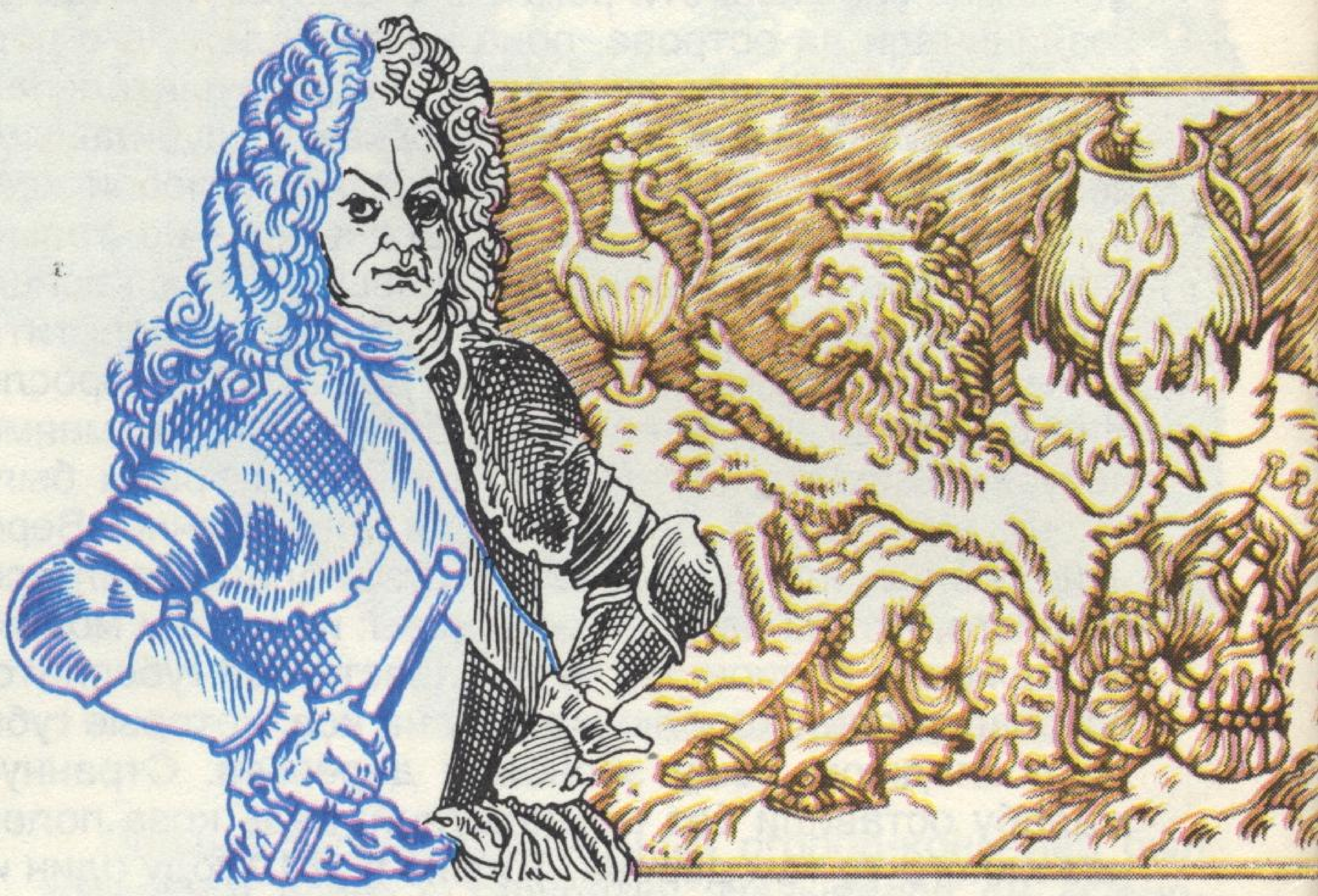
КОЛДУН ИЗ СУХАРЕВОЙ БАШНИ

Эта старинная башня, украшенная громадными, издали заметными часами, стояла в Москве, на нынешней Колхозной площади. Старые москвичи рассказывали о ней страшные легенды, и многие этой башни даже боялись. Предназначалась она вообще-то не для колдовства, а для охраны города (позднее ее приспособили и для нужд водопровода — соорудили наверху цистерны). Но предания связывают Сухареву башню с именем «чернокнижника» Якова Брюса, который будто бы мастерил в ее недрах золото из свинца.

Теперь-то хорошо известно, что, не имея ядерного реактора, сделать это невозможно, но в начале XVIII века кое-кто еще увлекался алхимией. Не исключено, что ею не пренебрегал и Яков Вилимович, хоть и был он одним из самых образованных людей своего времени. Говорил же его государь и ближайший друг Петр I: «Я нимало не хулю алхимистов». Но «тайное искусство» никак не могло быть главным занятием Брюса — генерал-фельдцехмейстера, президента Берг- и Мануфактур-коллегий. Если перевести эти титулы на современный язык, они означают, что их владелец отвечал за снабжение армии и возглавлял в стране промышленность вместе с горным делом. При таком обширном круге обязанностей у него вряд ли оставалось много времени для секретных опытов...



Он происходил из королевского рода. Другой известный историкам Брюс — отважный король Шотландии, который в XIV веке разбил армию английских агрессоров и на три с лишним века сохранил за своей родиной самостоятельность. Яков Вилимович уродился в своего воинственного предка — характер имел крепкий. Не случайно Петр еще в юности подружился с ним, назначил командиром в один из своих «потешных полков». Тогда же Брюс получил и первую награду за храбрость — 20 рублей. Впоследствии ему доставались куда более весомые отличия, в их числе и высший в то время знак воинской доблести — орден Андрея Первозванного. Брюс получил его после победы под Полтавой, где командовал артиллерией.



Крутой нравом царь, случалось, ссорился со своим любимцем, лишал его всех постов и титулов. Но потом возвращал их: задуманные реформы не удались бы без помощи преданных, образованных сотоварищей. Брюс строил фабрики и мануфактуры, рассылал рудознатцев на поиски полезных ископаемых, переводил на русский язык труды знаменитых ученых.

В 1709 году Московская типография (в ней, кстати, тоже начальствовал Брюс) начала печатать первый отечественный календарь. Его потом многократно переиздавали, да так он и распространился по всей державе под названием «календарь Брюса»...

После смерти Петра I его соратников начали оттирать от руководства страной. Брюсу тоже присвоили титул фельдмаршала и отправили в почетную отставку. В 1735 году он умер. И остался не так уж известен в истории. Пишут о нем: был, дескать, знаток астрономии и математики, собирал за границей книги для первой в стране научной библиотеки и сам писал их преискусно... Бравый вояка... Интересная фигура, но стоит ли рассказывать о ней под рубрикой «Кто что изобрел»?

Конечно, стоит. Брюс был первым в нашей стране ученым-естествоиспытателем. Он изобрел русский календарь — увлекательный, содержащий множество проверенных научных данных. С XVIII века никто в России, к примеру, не верил, что Солнце вращается вокруг Земли,— истину знал каждый грамотный, потому что она была написана в календаре Брюса. В том же веке в России появилась своя национальная наука. А кто хлопотал о ее создании, добивался учреждения Академии наук? Все он же, Яков Вилимович Брюс. И пусть ему не удалось добыть золото в Сухаревой башне... Легенды по-своему правы, это действительно был добрый колдун, хотя в колдовство скорее всего не верил.

В. ЗЯБЛОВ

И В ШУТКУ, И ВСЕРЬЕЗ

БАЛЛАДА О ДИНОЗАВРАХ

Детство нашей планеты было яростным и прекрасным. Словно обидевшись на землю, море поднимало огромные валы и обрушивало их на берег. Суша отвечала неистовыми извержениями вулканов и источала потоки лавы, которые, шипя, вливались в океан. А иногда земная твердь, будто развеселившись, вставала дыбом или разверзалась, и в этой неистовой пляске исчезали одни континенты и нарождались другие. Всевозможные чуда-юда великолепно чувствовали себя в этом юном мире. Они дико ревели и отчаянно дрались между собой. А какая-то хитроумная тварь, забравшись в непроходимую чащу, так лихо, с переливами свистала, что даже у огромных тиранозавров подгибались лапы. Возможно, как заметил позднее один мудрый писатель, это проказничал Соловей-разбойник.

Маленькие юркие млекопитающие вертелись у чудовищ под ногами, и чудовища не удостаивали их внимания, не подозревая, впрочем, что владычество их на исходе. И вот пришла пора, когда гиганты — цари планеты исчезли с ее лица. А потом настал день, когда маленький щуплый примат слез с дерева и с зарождающимся интересом уставился на звезды.

Куда подевались ящеры, обладавшие в те времена более развитым интеллектом, чем млекопитающие? До недавнего времени ответа у науки не было. Неразгаданная тайна природы — так было принято считать. Но лишь до недавнего времени. Американский физик Ричард Мюллер, похоже, нашел «убийцу» динозавров. Ею оказалась... звезда.

Эта звезда регулярно, раз в 26—30 миллионов лет, вторгается в пространство близ Солнечной системы и оказывается по соседству с кометами, находящимися во внешней области нашей гелиосистемы. В результате на планеты, в том числе и на Землю, обрушивается град комет. Так случилось и шестьдесят пять миллионов лет назад. Комета, угодившая к нам, подняла с земной поверхности столько пыли, что несколько месяцев солнечный свет не мог сквозь нее пробиться. На Земле сразу похолодало, и огромные неповоротливые рептилии стали отчаянно мерзнуть. Им стало труднее добывать себе пищу, и вскоре они совсем исчезли, уступив место более приспособленным существам.

Рассуждения Мюллера были встречены учеными без особого восторга. Во-первых, поди разберись, что на самом деле стряслось в немыслимо далекие времена. А во-вторых, предлагались и другие, не менее экзотические версии вымирания динозавров. Лишь совсем недавно удалось установить довольно четкую зависимость между периодическим вымиранием живых видов на Земле и возникновением большинства кратеров, образовавшихся в результате столкновения нашей планеты с кометами.

Объяснение вымирания динозавров получило название «гипотезы Немезиды». (В древнегреческой мифологии Немезида — это богиня-мстительница. В данном случае не повезло динозаврам.) Единственный способ доказать такую гипотезу — это найти звезду, спутник нашего Солнца. Если Мюллер прав, то следы подобных звездных визитов должны оставаться, как было сказано, каждые 26—30 миллионов лет. Значит, надо их искать. А сложись все по-другому, кто знает, не создали ли бы рептилии свою цивилизацию? Тогда автором этой заметки вполне мог бы быть динозавр...

Н. ПИПКО

ЗНАЕШЬ?

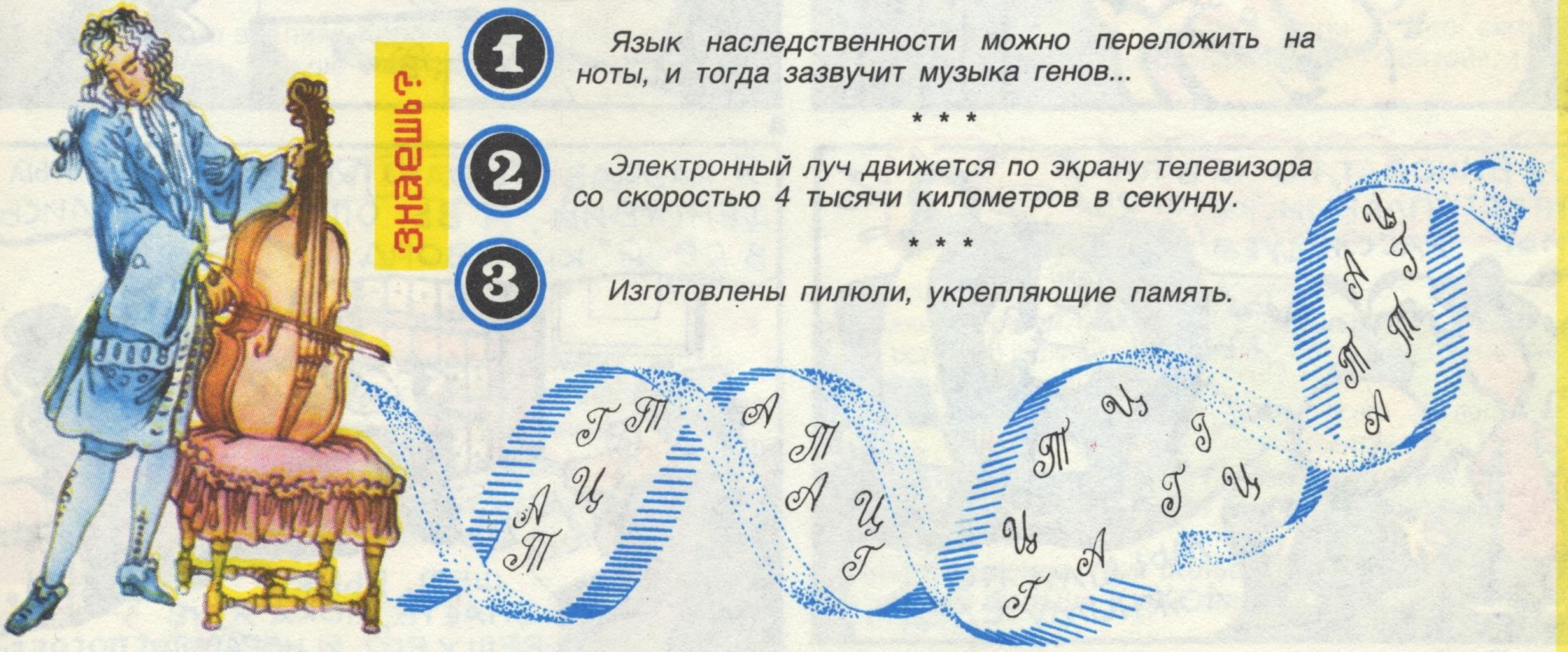
1 *Язык наследственности можно переложить на ноты, и тогда зазвучит музыка генов...*

* * *

2 *Электронный луч движется по экрану телевизора со скоростью 4 тысячи километров в секунду.*

* * *

3 *Изготовлены пилюли, укрепляющие память.*



СЛЕДСТВИЕ ведет КОЛОБОК

Сразу предупреждаю: я к этому делу никакого отношения не имею. Меня самого обокрали, да еще и стали задавать разные задачки. То есть сначала у меня украли моих героев — Колобка и Булочкина, а потом стали задавать задачки, которые вы тут увидите, и предлагать за их решение блинчики. Но я не в обиде! Пусть мои герои живут, где хотят. А задачки очень интересные. Постарайтесь их решить, и вас тоже угостят блинчиками. Между прочим, очень вкусно. Попробуйте.

Э. УСПЕНСКИЙ.

1. Все началось с телефонного звонка.

3. Только любовь Колобка к Пушкину помогла ему быстро найти верный ключ к разгадке. А Булочкин тем временем находил все новые и новые странные предметы.

4. Скрупулезное изучение всех деталей должно было прояснить это явно запутанное дело.

7

8

11. Булочкину оставалось только удивляться прозорливости своего начальника.

12. Но тем не менее следствие зашло в тупик.

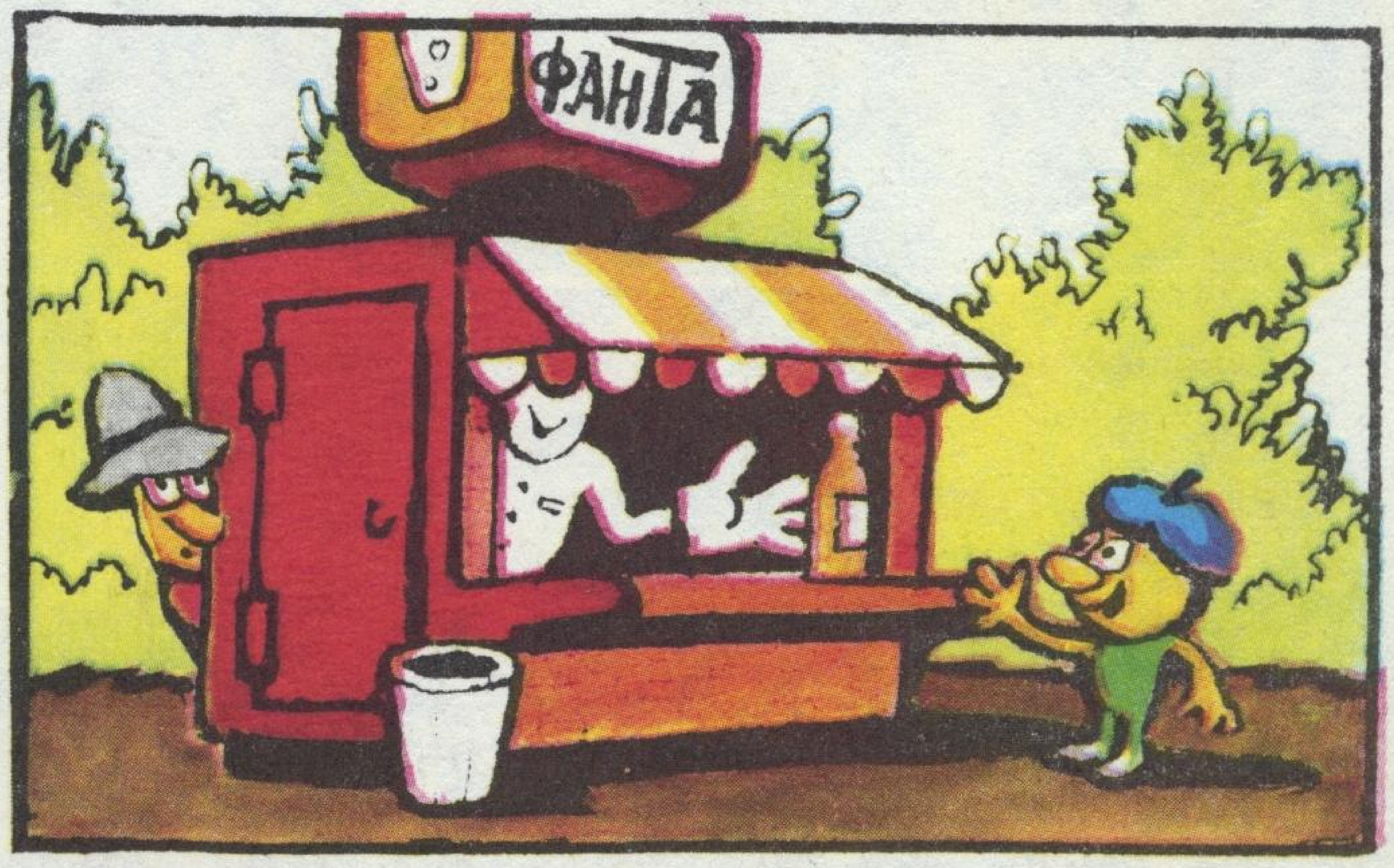
(Продолжение следует)

2. Шифрованная надпись на стене сразу привлекла внимание Колобка.

5

6. Но Колобок смотрел глубже и видел больше своего помощника. Он уже знал, что преступников вовсе не шесть. Еще бы один след выжать из этой бутылки и преступление будет раскрыто. И вот этот след найден...

9. Для каждого анализа Колобку был нужен ровно стакан, но выпить больше 2 литров он просто физически не мог. Однако...



10. Через полчаса они уже были у того самого киоска, где торговали разбавленной «Фантой», но...

БЛИНЧИКИ

1. Расшифровка письма — 4 блинчика.
2. Каким образом Колобок догадался, сколько преступников оставило отпечатки и кто они? Почему он отказался от этой версии? — 3 блинчика.
3. Каким образом Колобку удалось всего за полчаса отыскать бутылку, разбавленную «Ессентуками» № 17? И сколько стаканов он выпил? — 6 блинчиков.
4. Кроссворд — «лимон» — 1 блинчик.

Пишите письма. Чем больше вы наберете блинчиков, тем больше у вас шансов получить ПРИЗ!

Рисунки Н. ТИТОВА.

Содержание

На обложке:
Рисунок И. Панкова.

Адрес для писем: **101459, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14, 11-й этаж.**
Телефон 212-14-17.

Сдано в набор 05.03.88.
Подписано к печати 22.03.88. А 10336. Формат 84×60⅛.
Офсетная печать. Усл. печ. л. 7,44. Учетно-изд. л. 9,00.
Усл. кр.-отт. 31,16. Тираж 1 630 000 экз. Заказ № 2127.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, Москва, А-137, ГСП, ул. «Правды», 24.

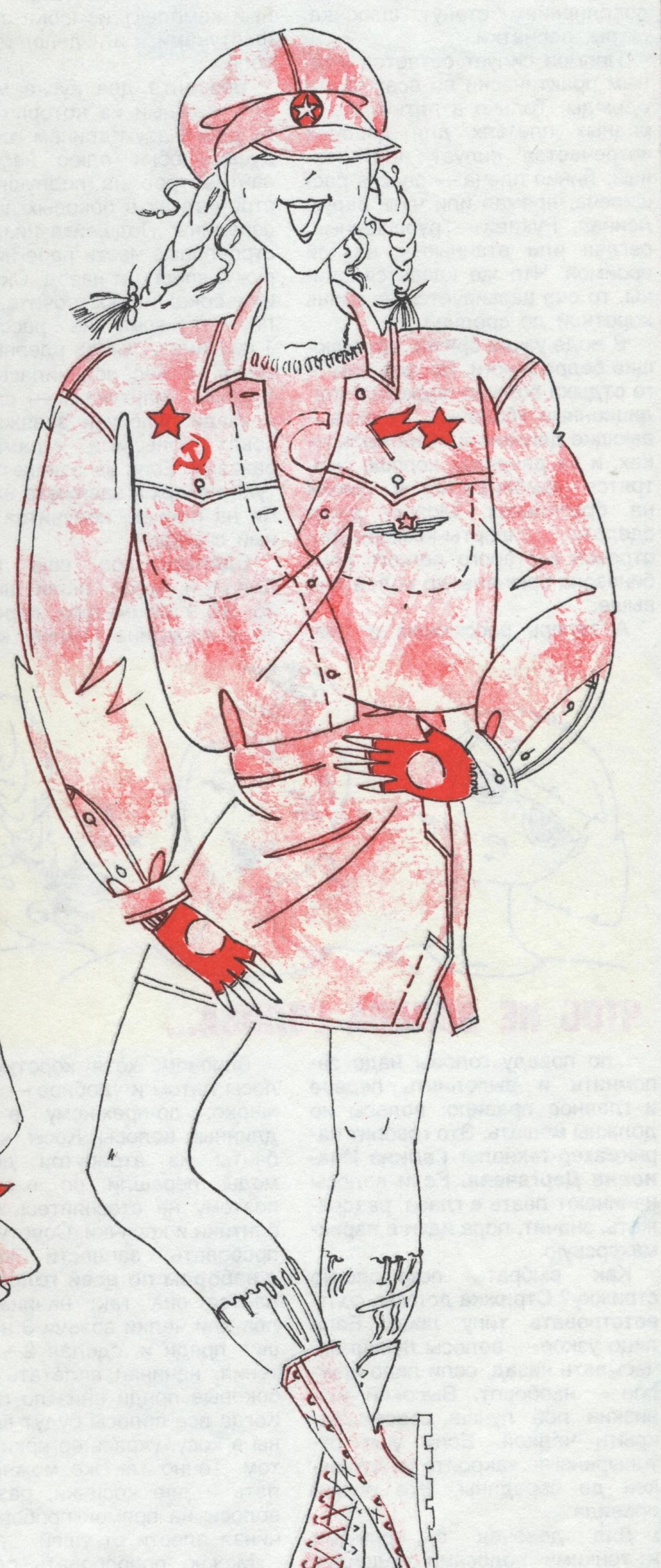
Домовенок внимательно прочитал последнюю почту и понял, что, увы, на самые типичные вопросы ребят ответить ни он, ни его уважаемые друзья не могут.
В связи с приближением каникул и девочки, и мальчики стали волноваться: какие сюрпризы готовит им летняя мода, как нужно стричься, что покупать или срочно вязать и шить.
И поэтому Домовенок попросил своего знакомого журналиста, Ольгу Шумяцкую, разузнать ответы на эти вопросы и рассказать обо всем на страницах журнала.

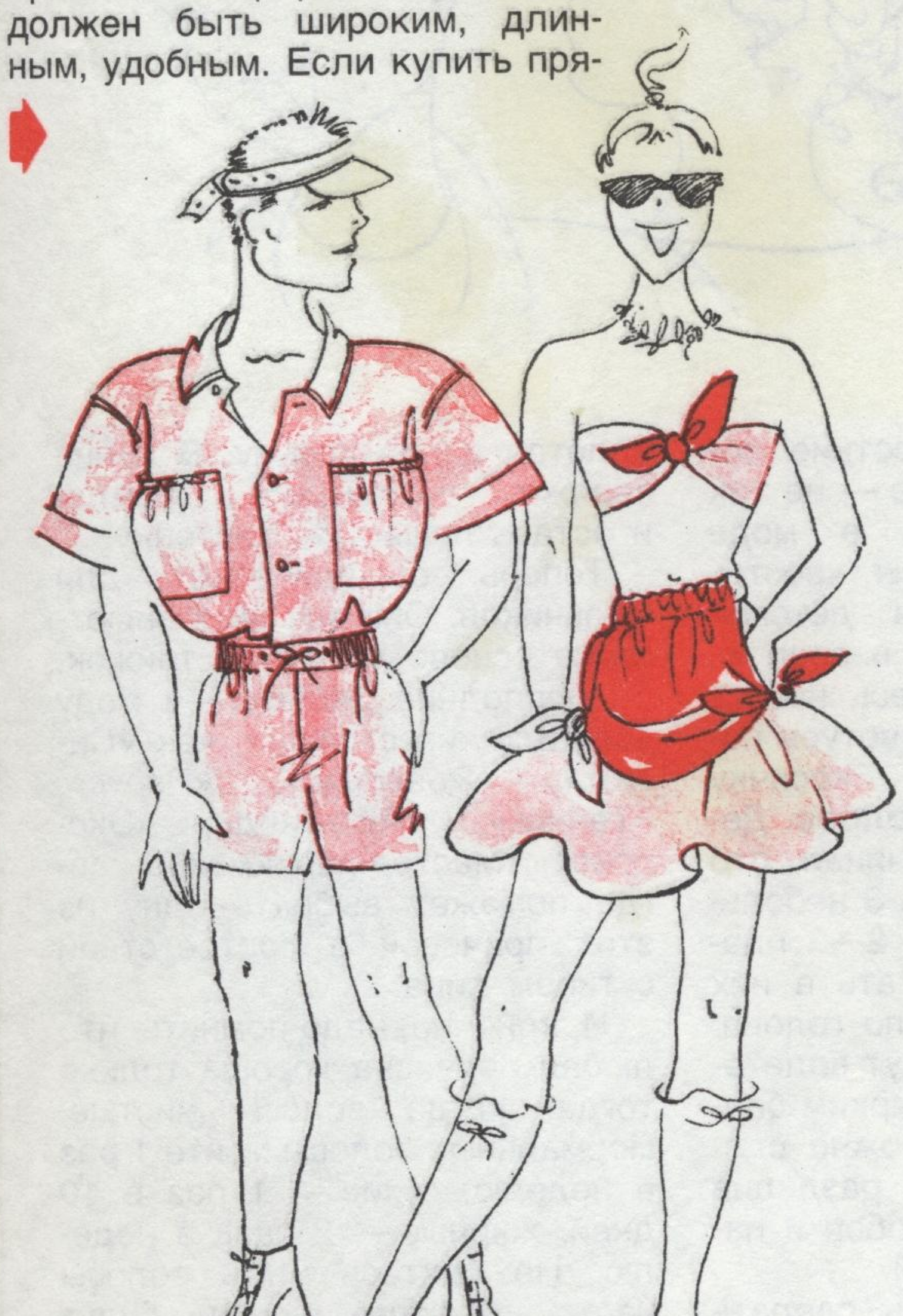
НОВОСТИ МОДЫ

О них рассказывает искусствовед Московского Дома моделей **Варвара Сергеевна Некрасова.**

В любом возрасте человек хочет быть модно и красиво одетым. И это правильно. Но перед тем, как купить или сшить новую вещь, хорошенько подумайте, будет ли она сочетаться с уже имеющимися в вашем гардеробе вещами. Очень важно уметь правильно составить весь ансамбль одежды. Ведь одни и те же брюки или сарафан из джинсовой, плотной хлопчатобумажной или шерстяной ткани можно с успехом носить почти круглый год, если надевать его то с легкой трикотажной майкой, то с хлопчатобумажной рубашкой, то с нарядной блузкой, а осенью и зимой с рубашкой из мягкой шерстяной фланели или вязаным джемпером.

Покрой трикотажных и вязаных вещей сейчас очень прост: все детали — спинка, перед, рукава — имеют прямоугольную форму. Так что связать модный свитер может даже начинающая вязальщица. Главное, он должен быть широким, длинным, удобным. Если купить пря-





Рисунки А. ВОВИКОВОЙ и К. ЗОРИКОЕВОЙ.

жи чуть больше, то прекрасным дополнением станут шапочка, гетры, перчатки.

Прямой силуэт остается модным практически во всех видах одежды. Только в летних и нарядных платьях для девочек встречается силуэт приталенный. Линия плеча — слегка расширена, прямая или чуть округленная. Рукава — рубашечные, реглан или втачные с низкой проймой. Что же касается длины, то она варьируется от очень короткой до средней.

В моде узкие брюки, облегающие бедра и ноги. Но для летнего отдыха больше подходят традиционные «бананы», не сковывающие движений. И на мальчиках, и на девочках хорошо смотрятся комбинезоны и брюки на бретельках. Можно даже сделать шорты-комбинезон: отрезав у старого легкого комбинезона брючины до колен или выше.

А теперь расскажем о том, что можно сшить самим. Пляжный комплект из юбки с двумя фартуками и декоративного топа.

Возьмите два куска материала, каждый из которых равен по длине двум длинам твоей будущей юбки плюс несколько сантиметров на подпушку. Сострочите их в боковых швах до середины. Подшейте низ. Незастроченные части перегните наружу: вперед и назад. Скрепите их в боках и прострочите, отступив от края на расстояние 1 сантиметр. Сюда вдерните резинку. У вас получилась юбка с двумя фартуками — спереди и сзади. Фартуки завяжите на боках большими узлами или бантами. Если вы закинете фартуки наверх и завяжете их узлами на плечах, получится пляжный сарафан.

Сделать топ еще проще. Длинный кусок ткани шириной 35—40 сантиметров перевяжите в середине тканью контрастного цвета или, собрав материал, заколите его брошкой. Концы завяжите на спине.

И еще одна юбка. «Юбка-баллон». Шить ее немного сложнее, чем предыдущую, начинающей портнихе придется постараться.

Потребуется 2 метра 20 сантиметров — 2 метра 30 сантиметров ткани при ширине 1 метр 50 сантиметров. Либо вдвое больше, если ширина 80 сантиметров. Материал разрежьте пополам на два полотнища длиной по 110—115 сантиметров. Стачайте боковые швы. С одной стороны оставьте незастроченными по 15 сантиметров сверху и снизу. Перегните юбку пополам швами внутрь и сметайте в линии талии. В левый боковой шов вшейте «молнию». Верх юбки соберите на нитку так, чтобы он был равен окружности талии. Пришейте пояс. Юбку внизу не заутюживайте и смотрите внимательно на рисунки.

ЧТОБ НЕ БОЛЕЛА ГОЛОВА...

...по поводу головы надо запомнить и выполнять первое и главное правило: волосы не должны мешать. Это говорит парикмахер-технолог **Галина Ивановна Дергачева.** Если волосы начинают лезть в глаза, раздражать, значит, пора идти в парикмахерскую.

Как выбрать подходящую стрижку? Стрижка должна соответствовать типу лица. Если лицо узкое — волосы лучше зачесывать назад, если лицо круглое — наоборот. Высокий или низкий лоб лучше совсем закрыть челкой. Если уши оттопырены — закройте их стрижкой до середины. Это общие правила.

Для девочек с прямыми и тонкими волосами подойдут разные варианты «каре»: длинные, полудлинные, короткие, с волосами, одинаковыми по всей длине и выстриженными на макушке шапочкой.

Впрочем, хотя короткие волосы летом и удобнее — не так жарко, по-прежнему в моде длинные волосы. Косы, хвосты, банты из атрибутов детской моды перешли во взрослую, поэтому не стесняйтесь носить бантики и косички. Советуем попробовать заплести косичку **с набором по всей голове.** Делается она так: начиная ото лба или челки возьми 3 небольшие пряди и, сделав 2—3 плетения, начинай вплетать в них боковые пряди вниз по голове. Когда все волосы будут вплетены в косу, укрась ее ярким бантом. Точно так же можно сделать и две косички, разделив волосы на прямой пробор и начиная плести от ушей.

Можно попробовать сделать оригинальный хвост. Собери волосы высоко на макушке, заколи заколкой или завяжи тесьмой. Посредине перехвати хвост тесьмой и заплети косичку, вплетая в нее тесьму. В конце завяжи маленький бантик и оставь пушистую кисточку.

Теперь о прическах для мальчиков. Они все выполняются на основе мужских стрижек. За последние два года в моду вошли такие стрижки, как «Салют», «Ровесник», «Парус», «Теннис», «Авангард», «Экспресс». Мастер-парикмахер всегда поможет выбрать одну из этих причесок в соответствии с типом лица.

И, конечно, надо помнить, что любая прическа хороша только тогда, когда волосы чистые. Нормальные волосы мойте 1 раз в неделю, сухие — 1 раз в 10 дней, жирные — 2 раза в неделю. Не бойтесь мыть волосы часто, от этого они не будут салиться быстрее. Шампуни должны соответствовать типу волос, но лучше всего мыть голову специальными детскими шампунями.

Цена 30 коп. Индекс 70694.